

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

3

1 9 6 6

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

3

1966

СОДЕРЖАНИЕ

Событие мирового значения	I
<i>М. Н. Кузьмин.</i> Повышение образовательного уровня масс в процессе строительства социализма в Чехословакии	3
<i>В. А. Дьяков.</i> Революционное движение в русской армии и польское освободительное движение 1856—1865 гг.	16
<i>М. А. Алпатов.</i> Историческая концепция Юрия Крижанича	31
<i>Т. В. Цивьян.</i> О возможности применения ареально-типологических методов для исследования балканского языкового союза (К построению лингвистического атласа балканского языкового союза)	45

СООБЩЕНИЯ

<i>Н. Ф. Копытянская, В. Л. Гошовский.</i> Как возникла первая книга Ивана Ольбрахта о Закарпатье «Земля без имени»	55
<i>Ю. И. Смирнов.</i> Следы эпической поэзии на Буковине	63

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Обзоры и рецензии

<i>М. Копашева.</i> Чехословацкая историческая литература 1965 г. об антифашистском движении Сопротивления народов Чехословакии	68
<i>Г. К. Венедиктов.</i> Обзор работ сектора славянского языкознания Института славяноведения АН СССР (1963—1965 гг.)	72
<i>П. Калениченко.</i> «Интернационалисты в боях за власть Советов»	78
<i>К. Л. Струкова.</i> Хр. Христов. Аграрные отношения в Македония през XIX в. и началото на XX в.	81
<i>Л. Разумовская.</i> Jan Małeckı. Studia nad gunkiem regionalnym Krakowa w XVI wieku	83
<i>Л. С. Кишкин.</i> Новое серийное научное издание	86

<i>И. Н. Лозинский.</i> На пути от критико-публицистической информации к аналитическому исследованию	88
<i>С. Б. Бернштейн.</i> «Филологические труды» в честь академика В. Дорошевского	90

З а м е т к и о к н и г а х

<i>Н. А. Шлёнова.</i> «Dějiny KSC»	93
<i>М. А. Бирман.</i> Полезное пособие по истории рабочего движения в Сербии	94
<i>И. Сенкевич.</i> Греческое освободительное движение и славянские народы в конце XVIII — начале XIX в.	95
<i>Л. Гитова.</i> Книги о деятелях современного чешского театра	96

Б и б л и о г р а ф и я

Книги о современном положении, истории, культуре и языках зарубежных славянских народов, вышедшие в Советском Союзе в 1965 г.	97
Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1965 г. (продолжение)	100
Содержание иностранных журналов	104

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>П. Н. Третьяков.</i> Конгресс археологов-славистов в Варшаве	107
<i>Ю. П. Гольцекер.</i> Славистика в Самаркандском государственном университете им. А. Навои	112

В И н с т и т у т е с л а в я н о в е д е н и я А Н С С С Р

<i>Р. Доронина.</i> Лекция профессора Р. Лалича	113
---	-----

Н а у ч н а я ж и з н ь з а р у б е ж о м

<i>Тадеуш Менцель</i> (ПНР). Исторический центр в Люблине	114
<i>Зденек Урбан</i> (ЧССР). Изучение славянских литератур в чешских научных учреждениях	123
<i>Р. П.</i> (ЧССР). Продолжение старых, но хороших традиций.	125
Новый славистический журнал	126
<i>А. А. Илюшин.</i> Николай Каллиникович Гудзий	127

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), И. Ф. БЭЛЗА, Л. Б. ВАЛЕВ,
 В. Г. КАРАСЕВ, В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора),
 Д. Ф. МАРКОВ, И. С. МИЛЛЕР, А. И. НЕДОРЕЗОВ, Ю. А. ПИСАРЕВ,
 Г. М. СЛАВИН, Б. Ф. СТАХЕЕВ (зам. главного редактора),
 Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора), И. М. ШЕПТУНОВ,
 Я. Б. ШМЕРАЛЬ

СОБЫТИЕ МИРОВОГО ЗНАЧЕНИЯ

Все советские люди, народы социалистических стран и вся мировая общественность внимательно следили за работой XXIII съезда Коммунистической партии Советского Союза. Такой интерес к форуму советских коммунистов естествен и закономерен. Съезды Коммунистической партии Советского Союза всегда являлись выдающимися вехами на пути народов нашей страны к коммунизму, важнейшими событиями в международном коммунистическом и рабочем движении, в борьбе за мир, демократию и социализм.

Таким был и XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза.

В отчетном докладе Центрального Комитета КПСС, с которым выступил на съезде Первый секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев, дан глубокий анализ огромной творческой работы партии в период между ее XXII и XXIII съездами.

Этот период характеризуется неуклонным ростом могущества и авторитета Советского Союза, мировой социалистической системы, дальнейшим углублением противоречий капитализма, развитием классовой борьбы пролетариата и национально-освободительного движения, успехами прогрессивных сил в борьбе против империалистической агрессии, за мир и международную безопасность.

Осуществляя линию, определенную XX—XXII съездами, КПСС направляла свои усилия на выполнение Программы партии, на создание материально-технической базы коммунизма, дальнейшее совершенствование социалистических общественных отношений, коммунистическое воспитание советских людей.

Под руководством партии советский народ добился больших успехов в развитии экономики, культуры и повышении своего жизненного уровня.

КПСС осуществила важные меры по совершенствованию форм и методов управления народным хозяйством. За последнее семилетие почти удвоились основные производственные фонды страны. Значительно повысился удельный вес промышленного производства Советского Союза в мировом производстве. Возросла оборонная мощь Советского государства. Укрепились союз рабочего класса и колхозного крестьянства, дружба народов нашей страны, сплоченность всех советских людей вокруг партии. Прочно утвердились ленинские принципы внутривнутрипартийной жизни.

Экономические, культурные и научные достижения советского народа убедительно свидетельствуют о преимуществах социализма перед капитализмом.

В своей внешнеполитической деятельности КПСС исходила из коренных интересов советского народа, интернационального революционного долга перед народами социалистических стран и трудящимися всего мира.

Партия укрепляла сплоченность и солидарность с братскими коммунистическими и рабочими партиями, вместе с ними добивалась осуществления генеральной линии международного коммунистического движения, коллективно выработанной Совещаниями коммунистических и рабочих партий в 1957 и 1960 годах, вела борьбу против общего врага — империализма, за победу дела мира, демократии, национальной свободы и социализма.

На XXIII съезде КПСС была дана высокая оценка огромной созидательной работе, которую ведут компартии социалистических стран, решая сложные задачи развития экономики и новых социальных отношений, коммунистического воспитания масс и обеспечения защиты социалистических завоеваний. Укрепляя международные позиции социализма, они увеличивают притягательную силу его идей во всем мире. Съезд подчеркнул необходимость расширения и укрепления революционной солидарности советских людей с трудящимися стран капитализма и их демократическими организациями.

Рабочий класс, колхозное крестьянство, интеллигенция нашей страны горячо поддерживают политику Коммунистической партии, ибо знают, что это — ленинская политика. Тепло и по-братски звучали приветствия в адрес КПСС, с которыми выступили прибывшие на XXIII съезд представители 86 коммунистических и рабочих, а также национально-демократических и социалистических партий мира. Съезд продемонстрировал интернациональную солидарность многомиллионной армии коммунистов, трудящихся стран социализма, всех революционных сил мира.

Съезд целиком и полностью одобрил политическую линию и практическую деятельность Центрального Комитета КПСС, предложения и выводы, содержащиеся в Отчетном докладе ЦК КПСС, и определил очередные задачи партии и всего советского народа на новом этапе борьбы за создание материально-технической базы коммунизма.

С докладом о «Директивах по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР в 1966—1970 гг.» на съезде выступил Председатель Совета Министров СССР тов. А. Н. Косыгин. Теоретической основой нового пятилетнего плана является ленинское учение о коммунистическом строительстве и научном управлении экономическими и социальными процессами. Директивы учитывают опыт строительства социализма и коммунизма в СССР и других социалистических странах. Они исходят из потребностей дальнейшего развития советского общества, достигнутого уровня экономики страны и реальных возможностей расширения социалистического производства.

Главная задача пятилетнего плана заключается в том, чтобы на основе всемерного использования достижений науки и техники, индустриального развития всего общественного производства, повышения его эффективности и производительности труда обеспечить значительный рост промышленности, высокие устойчивые темпы развития сельского хозяйства и благодаря этому добиться существенного подъема уровня жизни народа. Эта задача органически сочетается с мерами, направленными на дальнейшее совершенствование социально-экономических отношений и преодоление существенных различий между городом и деревней, физическим и умственным трудом.

Директивы предусматривают высокие темпы роста общественного производства и национального дохода. К концу пятилетки промышленная продукция возрастет примерно на 50%, продукция сельского хозяйства — на 25%, национальный доход — на 38—41%. Отражая курс партии на опережающее развитие тяжелой промышленности, директивы вместе с тем уделяют большое внимание производству предметов потребления.

Планируется существенное сближение темпов роста производства средств производства и производства предметов потребления.

Большие задачи ставятся и в области совершенствования общественного производства. Предусматривается ускорение научно-технического прогресса и повышение эффективности общественного труда, коренное улучшение качества продукции, устранение узких мест в народном хозяйстве, более рациональное использование трудовых и материальных ресурсов страны. Намечается огромный объем производственного, жилищного и культурно-бытового строительства, дальнейшее развитие всех видов транспорта, средств связи, сферы обслуживания населения.

Особое значение придается подъему сельского хозяйства. В новой пятилетке капитальные вложения в сельское хозяйство будут увеличены почти вдвое; оно получит большое количество тракторов, автомобилей и сельскохозяйственных машин, в два раза больше минеральных удобрений; общее потребление электроэнергии в сельском хозяйстве возрастет примерно в три раза. В результате этих мер, повышения плодородия почв и культуры земледелия во всех зонах страны предполагается значительно увеличить производство всех сельскохозяйственных продуктов. Вместе с тем будут совершенствоваться общественные отношения в деревне; демократическая форма управления колхозами обеспечит дальнейшее упрочение кооперативной организации производства; усилится роль совхозов в социалистическом сельском хозяйстве.

В директивах ярко проявляется большая забота партии о благе народа, об удовлетворении его растущих материальных и духовных запросов. Весьма существенны и намечаемые меры по дальнейшему развитию науки, образования, всех областей культуры.

Пятилетний план учитывает необходимость упрочения обороноспособности Советской страны и безопасности содружества социалистических стран. Он предполагает дальнейшее развитие экономических связей СССР с социалистическими странами и развивающимися государствами, рост товарооборота со странами капиталистической системы.

Осуществление пятилетнего плана приведет к новому подъему экономики, повышению жизненного уровня населения, еще более укрепит союз рабочего класса и крестьянства, братский союз народов и безопасность страны, явится важным шагом советского народа по пути к коммунизму, обеспечит существенные сдвиги на международной арене в пользу мира и социализма.

Грандиозная программа пятилетки вдохновляет советских людей на новые славные трудовые дела. В этом залог ее успешного претворения в жизнь.

Определив новые рубежи развития советского общества, XXIII съезд КПСС поставил и новые задачи перед советской наукой.

Марксистско-ленинская наука играет первостепенную роль в развитии советского общества. Само возникновение рабоче-крестьянского государства и последующие великие победы социализма в нашей стране были бы немыслимы без марксистско-ленинского учения. Глубоко анализируя объективные исторические процессы, марксизм-ленинизм раскрывает закономерности общественного развития, освещает путь строительства коммунизма.

Решения съезда, отвергая всякие проявления субъективизма, подчеркивают необходимость строго научного подхода к решению экономических, политических и идеологических вопросов. Это, естественно, повышает значение науки в жизни народа, ее роль как непосредственной производительной силы общества.

Ученые призваны активно помочь народу построить впервые в истории человечества коммунистическое общество. Это предполагает еще более тесную связь науки с хозяйственным и культурным строительством.

Особое место в коммунистическом строительстве принадлежит общественным наукам. Развитие общественных наук и внедрение их рекомендаций в практику, указывается в Отчетном докладе ЦК КПСС, играют не менее важную роль, чем использование достижений естественных наук в сфере материального производства и развитии духовной жизни народа. Общественные науки должны обеспечить дальнейшее творческое развитие научной теории марксизма-ленинизма, разработку основных проблем общественно-политической жизни. Важнейшей задачей общественных наук является всесторонне исследование направления и характера процесса формирования коммунистических общественных отношений, развития социалистической демократии, вопросов научной организации труда, содержания и методов коммунистического воспитания и других актуальных проблем.

Большое политическое и научное значение имеет всесторонняя разработка проблематики, связанной с 50-летием Великой Октябрьской социалистической революции и 100-летием со дня рождения основателя и вождя Коммунистической партии Советского Союза В. И. Ленина.

Для научной теории и практики чрезвычайно важно изучение и обобщение опыта революционного движения, выявление закономерностей социального, политического и культурного развития народов, избавившихся от капиталистической эксплуатации и строящих социалистическое общество. Не меньшее значение имеет изучение взаимных связей и разнообразных форм сотрудничества между социалистическими странами, основанного на принципах пролетарского интернационализма. Особенно важно обеспечить повышение уровня научных исследований, большую степень научного обобщения социальных и политических процессов, внедрение результатов научных исследований в практическую жизнь.

Съезд обратил внимание на необходимость решительной, бескомпромиссной борьбы с буржуазной идеологией, ревизионизмом, догматизмом и реформизмом.

Съезд продемонстрировал монолитное единство КПСС, ее высокий боевой дух, большевистскую принципиальность и деловитость, непримиримость к недостаткам, ее готовность сделать все для того, чтобы осуществить величественные планы коммунистического строительства. Он ярко показал тесное единение партии и народа, неразрывную их связь, высокое доверие народа к своей партии, непоколебимую волю революционных сил всего мира к борьбе за прогресс и мир на земле.

Решения XXIII съезда КПСС горячо одобряются всей партией, всем советским народом, братскими партиями, всеми друзьями Советского Союза, прогрессивными людьми всего мира.

ПОВЫШЕНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УРОВНЯ МАСС В ПРОЦЕССЕ СТРОИТЕЛЬСТВА СОЦИАЛИЗМА В ЧЕХОСЛОВАКИИ

Проблематика подъема общеобразовательного уровня масс в эпоху социализма широко исследуется в исторических и философских работах, посвященных анализу социалистической культурной революции в СССР и странах народной демократии. Однако интерес исследователей сосредоточивался до сих пор главным образом на тех странах, которые унаследовали от предшествующей эпохи значительную культурную отсталость масс. Гораздо менее изучен этот вопрос применительно к странам высоко развитым, таким как, например, Чехословакия, где уже в период капитализма общеобразовательный уровень масс был в общем достаточно высоким.

Статья ставит своей целью дать характеристику образовательной структуры населения буржуазной Чехословакии и рассмотреть изменение образовательного уровня населения за годы строительства социализма.

Подъем общеобразовательного уровня масс в эпоху социализма связан не только с тем, что социалистическая революция, ликвидируя социальное неравенство, привилегированность имущих классов в пользовании благами духовной культуры, открывает реальные возможности к постепенному сглаживанию культурного неравенства различных классов, слоев и групп, присущего антагонистическому классовому обществу. Необходимость подъема уровня культурности масс заложена прежде всего уже в самой задаче строительства нового общества, в первую очередь, в развитии его производительных сил.

Человеческий труд в материальной сфере на каждом новом этапе своего развития требует не только новой суммы профессионально-технических навыков, знаний, опыта, сознательности работника, но и нового уровня его общекультурного развития.

Современное развитие производства еще более отчетливо обнажило эту связь. Построение социалистического общества, создание современных производительных сил социализма требуют и соответствующей (причем вполне определенной) ступени общекультурной подготовки масс.

Во всякой социалистической революции, писал В. И. Ленин, после решения политических задач «выдвигается на первый план коренная задача создания высшего, чем капитализм, общественного уклада: повышение производительности труда, а в связи с этим (и для этого) его высшая организация». Наряду с материальными предпосылками «условием повышения производительности труда является, во-первых, образовательный и культурный подъем массы населения... Во-вторых, условием экономического подъема является и повышение дисциплины трудящихся, умения работать, спорности, интенсивности труда, лучшей его организации»¹.

¹ В. И. Ленин. Очередные задачи Советской власти. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 188.

Естественно, что решение этой общей для всех социалистических стран экономической проблемы и, следовательно, проблемы достижения необходимого общеобразовательного уровня масс будет зависеть в каждой стране от того, какие предпосылки были созданы в этом отношении капитализмом. Задачи экономической реорганизации общества, отмечал В. И. Ленин, «...могут быть разрешены какой угодно коллективностью или каким угодно государством, переходящим к социализму, лишь при условии, что основные экономические, социальные, культурные и политические предпосылки этого в достаточной степени созданы капитализмом»². К этим предпосылкам В. И. Ленин относит, наряду с крупным машинным производством, сетью железных дорог и почтово-телеграфных сношений, также и более или менее развитую сеть учреждений народного образования.

Вопрос о культурных предпосылках, об уровне культурности масс, который может быть достигнут в данную историческую эпоху уже капитализмом, еще слабо изучен в научной литературе. В. И. Ленин, в свое время охарактеризовав культурный уровень России, $\frac{2}{3}$ населения которой было неграмотным, как «полуазиатскую бескультурность», отметил при этом, что прежде, чем говорить о пролетарской культуре, предстоит еще достичь «уровня обыкновенного цивилизованного государства Западной Европы»³. Иными словами, русский капитализм и в этой области не смог сделать того, что уже было сделано в других более развитых капиталистических странах.

Среди европейских стран, вступивших на путь социализма после второй мировой войны, были страны, достигшие при капитализме самых различных ступеней общеобразовательного уровня населения. В некоторых из них, как и в России, капитализмом не была решена даже задача всеобщей грамотности, в других — уже решалась проблема всеобщего неполного среднего образования. Знакомство с системой образования буржуазной Чехословакии позволит осветить вопрос о том, в какой степени образованности населения было заинтересовано в то время индустриально развитое капиталистическое хозяйство; как чехословацкий капитализм решал (и насколько мог решить) эту проблему; какие, следовательно, культурные предпосылки социализма могли быть подготовлены в тот период уже в условиях «цивилизованного буржуазного государства».

Дать точную характеристику образовательной структуры населения межвоенной Чехословакии довольно трудно, поскольку материалы переписей тех лет рассматривают ее лишь под углом зрения грамотности или неграмотности, не выделяя более высоких ступеней образования.

По данным последней общегосударственной межвоенной переписи 1 XII 1930 г., неграмотными в стране были лишь 4,1% населения в возрасте старше 10 лет. По отдельным областям страны:

Чешские области — 1,3% неграмотных

Словакия — 8,2% неграмотных

Закарпатская Украина — 30,9% неграмотных⁴.

В 30-е годы происходит дальнейшее сокращение неграмотности. По словацкой переписи 1940 г. (в границах так называемого «Словацкого государства») доля неграмотных в общем составе населения старше 6 лет упала до 5,4% (в 1930 — 7,2%), причем лишь у одной пятой неграмотных возраст обязательного школьного обучения приходился на годы республики⁵.

² В. И. Ленин. Первоначальный вариант статьи «Очередные задачи Советской власти». Полн. собр. соч., т. 36, стр. 130—131.

³ См. В. И. Ленин. Странички из дневника. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 364.

⁴ «Statistická ročenka RČS». Praha, 1937, s. 11—12.

⁵ «Statistická príručka Slovenska». Bratislava, 1948, s. 254.

Проблема всеобщей грамотности населения в чешских областях развитием капитализма была в сущности решена уже в XIX в. В межвоенное двадцатилетие эта проблема решается лишь в восточных, аграрных, областях страны. Можно считать, что накануне второй мировой войны неграмотность как заметное явление оставалась лишь в Закарпатской Украине.

Вместе с тем здесь уже во 2-й половине XIX в. была поставлена и проблема всеобщего неполного среднего 8-летнего образования. Обязательное 8-летнее образование всей молодежи — точнее, обязательное посещение школы с 6 до 14 лет — было в чешских областях декретировано еще австрийским школьным законом 1869 г. В Словакии с 1868 г. обязательным считалось 6-летнее посещение школы, а с 1927 г. — также 8-летнее.

Структура чехословацкой системы общего обязательного образования была следующей: единая 5-летняя начальная школа (I ступень) и три варианта неполной средней школы (II ступень): дополнительные старшие (6—8-е) классы при начальной школе, 3-летние городские училища и, наконец, 7—8-летние гимназии и реальные училища. Последние представляли собой двоясную II и III ступень общего образования. Общее образование в объеме 8 классов было бесплатным, за исключением гимназий и реальных училищ, где, впрочем, определенный контингент учащихся также от платы освобождался. Уровень обязательного 8-летнего образования, получаемого молодежью, был весьма различен, в зависимости от типа школы II ступени, где это образование завершалось.

Дополнительные классы при начальной школе давали весьма низкий, явно недостаточный уровень 8-летней подготовки. В 30-е годы их заканчивало не менее 40% всей молодежи (в Словакии — 55%).

Городские училища давали более основательную подготовку, носившую преимущественно прикладной характер. Известная часть молодежи дополняла затем эту подготовку на годичном курсе при городских училищах и в школах профессионально-технического ученичества. Школу II ступени этого типа в 30-е годы заканчивало около половины молодежи страны (в Словакии — 38%).

Общую подготовку на самом высоком уровне получали те 10% молодежи, которые завершали обязательное образование в низших классах гимназий и реальных училищ (в Словакии — 7%)⁶.

Таким образом, обязательное 8-летнее школьное образование в буржуазной Чехословакии было всеобщим, однако не было единым и равным для всех. Это было заложено в самой организации школьной системы. Народная школа не давала никаких перспектив к продолжению образования, городские училища открывали, как правило, дорогу лишь к среднему специальному образованию, путь же в высшую школу определенно гарантировала лишь система гимназий и реальных училищ, при поступлении в которые нужно было держать экзамены и обучение в которых было в принципе платным. Подобная разделенность школы имела социальный смысл, так как давала возможность фильтровать состав учащихся, затрудняя молодежи из малообеспеченных слоев общества достижение высших ступеней образования.

⁶ Соотношение выпускников различных типов школ II ступени подсчитано на основании данных: «Statistická příručka RCS». IV. Praha, 1932, s. 355, 362; «Statistická ročenka RCS». Praha, 1935, s. 221; «Statistisches Jahrbuch der CSR». Prag, 1938, S. 249, 254; K. J a r o š, J. J o b. Rozvoj československého školství v číslech. Praha, 1961, s. 23, 35; «Rozvoj kultury v CSR». Praha, 1959, s. 13; «ČSSR v kostce». Praha, 1960, s. 187; E. D a b r o w s k a - Z e m b r z u s k a. Szkolnictwo w Czechosłowacji. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1963, s. 44; «Воспитание и образование в Чехословакии» Прага, 1958, стр. 27

Что касается содержания общего школьного образования, то оно в значительной степени определялось теми целями, которые ставил перед собой тот или иной тип школы: подготовка основной массы молодежи к практической жизни (городские училища и дополнительные классы начальной школы) или же подготовка к высшей школе (гимназии и реальные училища). Содержание школьных программ начальных школ и городских училищ со времен старой австро-венгерской школы не претерпело глубоких изменений. Закон божий по-прежнему считался обязательным предметом, но при соответствующем ходатайстве родителей ученик мог быть освобожден от посещения этих уроков. Важное место среди школьных предметов занимал курс обществоведения (основ гражданского воспитания), задачей которого было дать учащимся основные знания о правах и обязанностях граждан буржуазного государства, воспитать у них основные нормы и навыки буржуазной морали.

Весьма интересен вопрос о том, насколько провозглашенное право на всеобщее 8-летнее образование действительно обеспечивалось действующей сетью школ, насколько полным был охват школой контингента молодежи соответствующих возрастов, насколько значительным был отсев, уход молодежи из школы до завершения обязательного обучения.

Школьная сеть, унаследованная чехословацким государством от Австро-Венгрии, за годы межвоенного двадцатилетия расширилась в целом абсолютно, а в отдельных своих звеньях и относительно — особенно в Словакии, что бесспорно помогло отчасти сократить разрыв в развитии чешской и словацкой школы, несколько сгладить разницу в культурном уровне западных и восточных областей страны. Однако общий уровень развития школьной сети Словакии был все же заметно ниже достигнутого в чешских областях. В 1935/36 г. Словакия, обладая 25% населения страны (в современных границах), располагала 29% начальных школ и всего лишь 9% городских училищ и 17% гимназий.

В целом же, оценивая состояние сети общеобразовательных учебных заведений в буржуазной Чехословакии, следует констатировать, что сеть школ I и II ступени была достаточно широкой и в основном могла охватить в тех или иных формах практически весь контингент молодежи школьного возраста. Число учащихся обязательных общеобразовательных школ было весьма высоким. На каждые 100 тыс. населения в ЧСР в 1930/31 г. приходилось 13 617 учащихся школ I и II ступени, а в 1936/37 г. — 15 025 учащихся⁷.

Вместе с тем известная часть молодежи, главным образом из малообеспеченных слоев общества, не завершала образования II ступени, будучи вынуждена уходить из школы на производство сразу по достижении 14-летнего возраста. Судя по неполным данным, отсев из школ I и II ступени (даже без учета переростков) составлял, например, по отношению к общему числу школьников в 1928/29 г. — 5,2%, в 1929/30 г. — 2,1%, в 1930/31 г. — 1,5%⁸.

Если система обязательного школьного образования в буржуазной Чехословакии в целом отличалась достаточной широтой и определенной демократичностью, то система средней и высшей школы более отчетливо несла в себе классовые черты. В 1936/37 г. в старших классах 306 гимназий и реальных училищ обучалось лишь 46,6 тыс. человек, т. е. на каждые

⁷ Без Закарпатской Украины. Подсчитано по материалам: K. J a g o š, J. J o b. Ibid., s. 23—24; «Skolstvo na Slovensku», Bratislava, 1949, s. 93, 111; «Statistická ročenka CSSR». Praha, 1962, s. 542—546.

⁸ «Statistická příručka RCS», IV, s. 355, 362; «Statistisches Jahrbuch der CSR», 1934, S. 231.

100 тыс. населения страны приходилось всего 324 учащихся общеобразовательных школ III ступени⁹. О классово-ограниченном характере средней школы свидетельствует тот факт, что молодежь из рабочих семей составляла лишь 17% учащихся этих школ¹⁰.

Более широкой была система специального образования. В 1936/37 г. в 763 низших (двухгодичных) и средних специальных школах обучалось 75,5 тыс. студентов, т. е. 524 на каждые 100 тыс. населения.

Элитарный характер высшей школы в сущности был уже predetermined недемократическим характером системы общего среднего образования. Ограниченность школы III ступени, отсутствие должного материального обеспечения студентов и платность обучения делали высшую школу труднодоступной для молодежи из низших слоев общества. В вузах буржуазной Чехословакии лишь 5—7% студентов были выходцами из рабочих семей¹¹. В 1936/37 г. на 52 факультетах чехословацких вузов училось 27,1 тыс. студентов, т. е. 188 на каждые 100 тыс. населения.

Общую картину общеобразовательного уровня населения в межвоенной Чехословакии дают материалы послевоенной переписи I III 1950 г. (табл. 1). Правда, перепись 1950 г. фиксирует не только этот уровень, но

Таблица 1

Образовательный уровень населения Чехословакии по переписи I III 1950 г.

Уровень образования	ЧССР		Чешские области		Словакия	
	в % к населению без дошкольн.	в % к взросл. населению	в % к населению без дошкольн.	в % к взросл. населению	в % к населению без дошкольн.	в % к взросл. населению
Без образования и без сведений об образовании	1,5	1,7	1,1	1,2	2,5	3,0
Неполное среднее (вкл. проф.-техн. ученичество)	88,4	86,3	86,9	84,9	92,0	90,2
В т. ч. народная школа	63,3	62,6*	56,5		80,9	
прочие школы II ступ.	25,1	23,7*	30,4		11,1	
Низшее специальное	5,6	6,6	6,8	7,9	2,4	3,0
Полное среднее	3,7	4,5	4,2	5,0	2,5	3,1
В т. ч. специальное	2,1	2,6	2,4	2,9	1,4	1,8
Высшее	0,7	0,9	0,8	1,0	0,5	0,7
Прочее	0,1	—	0,2	—	0,1	—

Примечание. Таблица составлена по данным: «Statistická ročenka ČSR», 1957, s. 43; «Statistické zprávy», 1962, № 4, s. 187; «Československá statistika», Nová rada, Skup. A, Sv. 26, Praha, 1958.

* Подсчитано с привлечением данных: К. Јагoš, Ј. Јоб. Ibid., s. 32.

и последствия 6-летней гитлеровской оккупационной политики в отношении чешской школы, состояние словацкой школы в период «Словацкого государства», а также и первоначальные результаты демократизации образования за послевоенное 5-летие, достигнутые при народной власти. Однако, по-видимому, эти материалы наиболее удобны для характеристики общеобразовательного уровня населения, который народно-демокра-

⁹ Без Закарпатской Украины. К. Јагoš, Ј. Јоб., Ibid., s. 23, 35; «Statistická ročenka ČSR», 1962, s. 542.

¹⁰ «O těsnem spojení školy se životem a o dalším rozvoji výchovy a vzdělání v Československu». Praha, 1959, s. 13.

¹¹ «Студенты в Чехословакии». Прага, 1949, стр. 121, 143; «O těsnem spojení školy se životem...», s. 13.

тическая Чехословакия получила в наследство от предшествующей эпохи.

Итак, 86,3% взрослого населения Чехословакии имело неполное среднее образование, причем 62,6% получило его в народной школе. Однако в переписи 1950 г. фиксировалось не реально завершенное обязательное образование, а лишь тип школы, который посещался в течение 8 лет. Поэтому данная группа, несомненно, включает в себя и лиц, фактически не получивших 8-летнего образования, например, тех, кто окончил народную школу в Словакии до 1927 г., когда там обязательное посещение школы составляло лишь 6 лет (а в 1950 г. это было поколение от 35 лет и старше), или тех, кто ушел из школы после 14 лет, не окончив 8-ми классов. Определить точный удельный вес этой категории пока что не представляется возможным.

6,6% взрослого населения Чехословакии имело низшее специальное образование, и лишь 5,4% — полное среднее и высшее. Низкий удельный вес последней группы был прямо связан с элитарным характером буржуазной системы средней и высшей школы. Образовательная структура населения отдельных областей, впрочем, довольно резко отличалась от средних показателей. В индустриальных чешских областях 8-летнее образование на уровне народной школы имело немного более половины взрослого населения, неполное среднее других типов и низшее техническое — менее 40%, полное среднее и высшее — 6% населения. В аграрной же Словакии подавляющая часть жителей — около 80% — имела образование лишь на уровне народной школы, не более 13% — неполное среднее других типов и низшее техническое (т. е. почти в 3 раза меньше, чем в чешских областях) и лишь 3,8% — полное среднее и высшее образование (в 1,6 раза меньше, чем в чешских областях).

В целом же, даже учитывая все эти обстоятельства, можно считать, что всеобщее неполное среднее образование в Чехословакии в значительной степени было уже осуществлено и что образовательный уровень населения, доставшийся народно-демократическому государству в наследство от капиталистической эпохи, был здесь довольно высоким — гораздо выше, чем в ряде других стран, приступивших к строительству социализма после второй мировой войны.

Задачи строительства социалистического общества, воспитания нового человека и создания производительных сил социализма потребовали и дальнейшего подъема культурного уровня населения, а именно: улучшения всеобщего неполного среднего образования, резкого расширения последующих ступеней образования — полного среднего и высшего, ликвидации разрыва в уровне культуры чешских областей и Словакии. Основным звеном в решении этих проблем явилась реорганизация школьной системы — унификация школы II ступени, демократизация средней и высшей школы, создание единой системы государственной школы.

В задачи нашей статьи не входит всесторонний разбор и оценка всех послевоенных школьных реформ в Чехословакии. Здесь будет уместно лишь кратко охарактеризовать формирование новой школьной системы в Чехословакии, суммировать итоги развития школьной сети за послевоенный период, оценить результаты деятельности школы в решении проблемы подъема культурного уровня населения, не останавливаясь специально на изменении содержания школьного образования и т. п. вопросах.

Первыми сдвигами в организации и внутренней структуре чехословацкой школы отмечен уже период 1945—1948 гг. С 1945 г. на основе закона, принятого Словацким национальным советом в сентябре 1944 г., в руки государства переходит вся школьная сеть Словакии. В системе школ

II ступени в связи со значительным расширением сети городских училищ резко сокращается роль дополнительных классов начальной школы¹².

Основы новой, социалистической школьной системы были заложены в Чехословакии законом о единой школе, принятым Национальным собранием в апреле 1948 г. — после февральского поражения реакции. Согласно этому закону, все школьное дело в стране и связанные с ним расходы взяло в свои руки государство. Государственными стали все церковные, муниципальные и частные школы. Была создана школьная система, единая в каждом своем звене и с тесной преемственностью самих звеньев.

За начальной народной школой оставались только функции школы I ступени. Все варианты школы II ступени — дополнительные старшие классы начальной школы, городские училища и низшие классы гимназий и реальных училищ — объединялись в единую школу II ступени с 4-годовалым сроком обучения. Старшие классы гимназий и реальных училищ также реорганизовывались в единый тип общеобразовательной школы III ступени с 4-годовалым сроком обучения. (При этом, однако, ликвидировалась профилированность общего среднего образования, что вряд ли было оправдано.) Обучение молодежи с 6 до 15 лет в пределах школы II ступени, т. е. девятилетки, было всеобщим, обязательным и бесплатным. В школах III ступени закон позволял взимать определенную плату, предназначенную для улучшения школьного дела, в том случае, если этому не препятствовало материальное положение учащихся. Полное общее среднее образование было рассчитано на 13 лет.

Закон 1948 г. включил в систему обязательного образования также и школы производственного ученичества. Посещать их должна была вся молодежь, окончившая девятилетку и не пошедшая далее в низшие (2—3-годовалые) профессиональные или 4-годовалую школу III ступени общего, либо специального профиля. Обучение в этих школах было бесплатным и велось без отрыва от производства 1—2 дня в неделю в течение двух-трех лет. Их целью было дать учащимся основы специального образования и углубить общее образование.

Унификация школы II ступени ликвидировала дискриминационные различия в уровне и характере общего обязательного образования, демократизировала его. Вся молодежь получала теперь равное образование по единым программам. Тем самым школьная реформа 1948 г. резко расширила круг лиц, которые могли продолжать образование дальше, в школе III ступени, а затем и в высшей школе. Все это способствовало укреплению школы II ступени. Если в межвоенный период молодежь — особенно сельская — неохотно шла завершать образование в дополнительные старшие классы начальной школы, поскольку это не сулило абсолютно никаких перспектив, то теперь положение меняется. Впрочем, процесс этот начался еще в 1945 г. в связи с упомянутым расширением сети городских училищ. Бесспорно повышалось общее обязательное образование также и его увеличение с 8 до 9 лет.

Вместе с тем унификация школы II ступени, провозглашенная законом 1948 г., не была доведена до конца. В тех районах, где не было самостоятельных неполных средних школ, позволялось открывать соответствующие отделения при начальных школах, обучение в которых должно было максимально приближаться к программе школы II ступени. В эти дополнительные классы при народной школе еще в 1956/57 г., например, пошло учиться 8,3% выпускников начальных школ¹³.

¹² В Чехии к февралю 1947 г. — до 3,5%, в Моравии и Силезии — до 9%; в Словакии к февралю 1948 г. — до 21%. См. L. Novomeský. Vychova socialistickeho pokolenia. Bratislava, 1949, s. 39, 137.

¹³ «Воспитание и образование в Чехословакии», стр. 27.

Реформа 1948 г. изменила и прежний облик полной средней школы. В самой системе учебных заведений III ступени была ослаблена замкнутость различных типов школ, облегчены условия перехода из школ одного типа — в другой. На характер средней школы, наконец, не могла не повлиять и демократизация школы II ступени.

Одновременно с реорганизацией самой системы школ существенные сдвиги происходят и в содержании школьного обучения. Процесс демократизации содержания школьного образования и воспитания, начавшийся уже в 1945 г., приобретает после 1948 г. новые черты. Задачи строительства социалистического общества выдвигали и перед школой новые требования — подготовки активных и сознательных участников этого строительства, всестороннего умственного и физического развития подрастающего поколения, воспитания молодежи в коммунистическом духе. В связи с этим значительно изменилось направление и содержание обучения и воспитания в школе, их методы и формы. В основу всего процесса обучения и воспитания была положена научная марксистско-ленинская методология.

Школьная система, созданная в 1948 г., была, однако, уже в 1953 г. подвергнута новой реорганизации. В законе 1953 г. получил дальнейшее развитие принцип единой школы. I, II и III ступени школьного образования, существовавшие до тех пор отдельно и самостоятельно, были соединены в единую школу с непрерывным процессом обучения. Одновременно был сокращен на один год объем неполного и полного среднего образования. Оно составляло теперь соответственно 8 и 11 лет (вместо прежних 9 и 13 лет). Основным типом общеобразовательной школы стали 8-летние и 11-летние школы. Там, где не было условий для их организации, были созданы 5-летние начальные школы. В новой организации чехословацкой общеобразовательной школы использовался (при этом порой механически) опыт организации советской школьной системы того времени.

Сокращение школьного курса должно было помочь устранить обнаружившиеся диспропорции между потребностями производства и темпами подготовки кадров специалистов. Оно должно было, кроме того, упростить в дальнейшем переход от всеобщего неполного среднего образования — к всеобщему полному среднему. На самом же деле новая организация общеобразовательной школы принесла с собой больше проблем, чем решила. Сокращение сроков обучения в школе II и III ступени привело к значительной перегрузке учащихся, резко увеличило отсев, снизило уровень общеобразовательной подготовки (что немедленно отразилось на высшей школе).

Все это уже вскоре вызвало необходимость пересмотра структуры общего обязательного образования и возврата к прежнему 9-летнему циклу школы I и II ступени. Третья школьная реформа 1960 г. продлила обязательное образование на один год и утвердила в качестве основного типа школы 9-летнюю общеобразовательную школу. Школа III ступени сохранила 3-годовой период обучения (двенадцатилетка). Реформа внесла значительные изменения и в содержание общего образования, приблизив его к требованиям, предъявляемым жизнью (политехнизация и трудовое воспитание).

Демократизация чехословацкой системы общего образования была подкреплена школьным строительством. В послевоенный период заметно улучшается структура сети общеобразовательных школ — сокращается количество карликовых начальных школ, расширяется число школ II и III ступени с полным комплектом классов. За период 1948—1964 гг. число самостоятельных начальных школ сократилось на $\frac{1}{3}$, количество пол-

ных школ со II ступенью обучения возросло за то же время на 60% а общеобразовательных школ III ступени — на 30%¹⁴.

Особенно интенсивным был рост школ II и III ступени в Словакии, где с 1945 по 1965 г. число средних школ увеличилось, например, в 2 раза, а число классов в общеобразовательных школах всех ступеней — почти в 2,4 раза¹⁵. Быстрые темпы развития словацкой школы в значительной мере способствовали сокращению разрыва в уровне культурности населения чешских областей и Словакии¹⁶.

Улучшение структуры школьной сети, расширение сети школ II ступени стали, несомненно, важным фактором в обеспечении всеобщего характера неполного среднего образования. В настоящее время одна из главных задач в этой области — сокращение отсева из школы, который в силу ряда причин остается пока еще заметным явлением¹⁷.

Существенные изменения произошли за послевоенные годы и в системе чехословацкого общего и специального среднего и высшего образования. Социалистическое строительство, развитие промышленности и всей экономики в целом, интенсивное развитие науки и культуры, рост духовных потребностей масс, связанный с общим ростом их культурности, — все это потребовало значительного расширения сферы умственного труда, подготовки кадров новой, социалистической интеллигенции, что диктовало необходимость еще более глубокой демократизации средней и высшей школы. Эта демократизация была осуществлена в Чехословакии в результате целого комплекса последовательных мероприятий. Одним из них, как уже отмечалось выше, явилась унификация школы II ступени, осуществление действительного равенства в общеобразовательной, подготовке всей молодежи. Другим важным фактором было улучшение материального обеспечения учащихся. Бесплатность обучения, организация общежитий и интернатов, система стипендий — все это резко расширило возможности учебы для многих категорий молодежи и обусловило значительный приток студентов в средние и высшие учебные заведения.

Важнейшим государственным актом, определившим быстрое развитие среднего и высшего образования, явилось учреждение системы вечернего, заочного и экстерного обучения. Организация сети вечернего и заочного обучения значительно облегчала рабочей молодежи практические условия повышения профессиональной квалификации и дальнейшего образования. Учреждение этой системы представляло собой не только важный шаг в демократизации высших ступеней школы. Расширяя возможности образования буквально для всех без исключения граждан, эта система существенно дополняла гарантии права на образование в социалистическом обществе.

Демократизация высших ступеней образования была подкреплена, наконец, значительным расширением сети средних и высших школ. К 1964/65 г. число этих учебных заведений по отношению к предвоенному уровню значительно увеличилось (табл. 2).

Расширение возможностей доступа ко всем видам образования, которые принес с собой социалистический строй, закономерно отразилось и на со-

¹⁴ Подсчет по материалам: К. Ј а г о š, Ј. Ј о б. Ibid., s. 31—33; «Statistická ročenka CSSR», 1962, s. 542; «Statistická ročenka CSSR», 1965, s. 84, 426, 430; «Statistika školství a kultury». Praha, 1964, s. 25.

¹⁵ «Školstvo na Slovensku», s. 93, 111; «Statistická ročenka CSSR», 1965, s. 426, 430.

¹⁶ В 1964/65 г. Словакия, обладая 30,8% населения страны, располагала 34,1% 9-летних школ и 33,4% полных средних общеобразовательных школ.

¹⁷ По истечении 8—9-летнего срока обязательного посещения школы ушло, не завершив образования II ступени, в 1953/54 г. — 25,3% школьников (в чешских областях — 19,1%, в Словакии — 38,1%), в 1963/64 г. — 15,4% школьников (в чешских областях — 13,3%, в Словакии — 19,7%). «Statistický obzor», 1958, № 4, s. 176; «Statistika školství a kultury», Praha, 1964, s. 33.

Таблица 2

	Число школ		Число студентов, в тыс.		Число студентов на 100 тыс. жителей	
	1936/37	1964/65	1936/37	1964/65	1936/37	1964/65
Общеобразовательные средние школы	306	308	46,6	115,6 *	324	819
Низшие и средние специальные школы	763	656	75,5	306,0 *	524	2170
Высшие учебные заведения	13	41	27,1	144,8 *	188	1026

Примечание. Таблица составлена по данным: К. Јагоš, J. Јоб. Ibid., s. 23, 35; «Statistická ročenka ČSR», 1957, s. 222; «Statistická ročenka ČSSR», 1962, s. 542; «Statistická ročenka ČSSR», 1965, s. 86, 426, 430, 441.

* Включая вечернее и заочное обучение. Студенты дневных отделений общеобразовательных школ — 101,8 тыс., специальных школ — 188,0 тыс., вузов — 92,7 тыс.

циальном составе чехословацкого студенчества. В 1963/64 г. 47,2% учащихся общеобразовательных средних школ, 58,0% студентов специальных учебных заведений и 46,2% студентов вузов составляла рабочая и крестьянская молодежь¹⁸.

Демократизация всей системы образования быстро принесла осязаемые результаты, непосредственно обусловила новый подъем общего уровня культуры и улучшение образовательной структуры населения Чехословакии.

За 11-летний период между переписями 1950 и 1961 гг. образовательный уровень населения Чехословакии заметно изменился (табл. 3).

Таблица 3

Уровень образования	ЧССР		Чешские области		Словакия	
	1950	1961	1950	1961	1950	1961
	В процентах					
Без образования и без сведений об образовании	1,7	1,3	1,2	0,7	3,0	2,4
Завершенное и незавершенное неполное среднее	86,3	81,8	84,9	80,4	90,2	85,4
Низшее специальное*	6,6	6,5	7,9	7,7	3,0	3,7
Полное среднее	4,5	8,4	5,0	9,0	3,1	6,9
В т. ч. специальное	2,6	5,6	2,9	6,1	1,8	4,3
Высшее	0,9	2,0**	1,0	2,2	0,7	1,6

Примечание. Таблица составлена по данным: «Statistické zprávy», 1962, № 4, s. 187, 190.

* 1–2-годичные специальные учебные заведения.

** 2,4% всего населения старше 25 лет.

Перепись 1961 г., к сожалению, также не выделяет в самостоятельную категорию тех лиц, которые имеют незавершенное неполное среднее образование. О характере эволюции этой категории можно, впрочем, судить по приведенным выше данным о масштабе отсева из общеобразовательных школ в 50-е годы.

В целом же в образовательной структуре населения Чехословакии за период 1950–1961 гг. можно констатировать следующие сдвиги. Прежде всего произошло дальнейшее абсолютное и относительное сокращение

¹⁸ «Statistická ročenka ČSSR», 1965, s. 448.

группы лиц, не имеющих образования. Уменьшился также относительно и удельный вес группы, обладающей лишь обязательным неполным средним образованием (на 4,5%). Другим существенным изменением в образовательной структуре чехословацкого общества был значительный рост групп населения, окончивших высшие ступени школы. Число лиц, имевших законченное среднее образование, абсолютно возросло за этот период в 2 раза (в Словакии — в 2,6 раза), а высшее — в 2,3 раза (в Словакии — в 2,7 раза). Рост числа специалистов высшей квалификации заметно опережал темпы естественного роста населения страны. Так, при увеличении за этот период населения старше 14 лет на 8,7% удельный вес групп, имевших полное среднее и высшее образование, относительно увеличился с 5,4 до 10,4% (в чешских областях с 6,0 до 11,2%, а в Словакии с 3,8 до 8,5%). Все это было прямым результатом ликвидации прежнего классового характера среднего и высшего образования, результатом демократизации средней и высшей школы в социалистическом государстве.

Еще более отчетливо все эти сдвиги прослеживаются при анализе образовательной структуры населения по отдельным возрастным категориям (табл. 4).

В поколении 1921—1935 гг. рождения 10,3% лиц имеют полное среднее и 3,8% — высшее образование, т. е. заметно выше среднего уровня (8,4% и 2,0%). И если среднее образование некоторая часть из них завершила, по-видимому, в конце 30-х — первой половине 40-х годов, то высшее образование они могли в подавляющем большинстве получить только в послевоенный период (чешские вузы в годы войны были закрыты оккупантами). В поколении, родившемся в 1936—1945 гг. и, следовательно, поступившем в среднюю школу в 1950—1959 гг., число лиц, обладающих законченным средним образованием, достигло 15,2%.

Таблица 4

Уровень образования	Возраст			
	15—24	25—39	40—59	60 и более
	В процентах			
Без образования и без сведений об образовании	0,7	0,8	1,2	2,6
Завершенное и незавершенное неполное среднее	78,6	75,5	84,7	89,8
Низшее техническое	4,9	9,6	6,6	3,3
Полное среднее	15,2	10,3	5,7	3,2
В т. ч. специальное	8,7	7,4	4,1	2,2
Высшее	0,6	3,8	1,8	1,1

Примечание. Таблица составлена по данным: «Statistické zprávy», 1962, № 4, s. 19 «Číslna pro každého», Praha, 1963, s. 45.

Процесс расширения этих групп продолжает интенсивно развиваться и в 60-е годы, причем его темпы значительно опережают темпы естественного роста населения страны. Население Чехословакии в возрасте старше 15 лет за период от переписи 1 III 1961 до середины 1964 г. возросло на 3,8%, число же лиц, имеющих низшее и среднее техническое образование, — на 13% (без выпускников вечерних отделений), общее среднее — на 38,4%, высшее — на 22,4% (без выпускников вечерних отделений)¹⁹.

¹⁹ «Statistické zprávy», 1962, № 4, s. 187; «Statistická ročenka CSSR», 1965, s. 86, 432, 440, 446.

Эти же выводы подтверждаются локальными демографическими обследованиями, например, материалами обследования рабочих стекольной промышленности Северной Чехии в 1958 г. (табл. 5). Несмотря на то, что общий образовательный уровень населения Северочешского края был несколько ниже среднего чехословацкого уровня, а обследование охватывало совершенно определенную социальную группу — группу лиц физического труда (что уже само по себе обуславливает специфику даваемой им картины), приведенная таблица позволяет судить об общей тенденции развития.

Таблица 5

	Вся обследованная группа в целом	Рабочие в возрасте 20—29 лет	Рабочие в возрасте до 20 лет
Народная школа	38,4	20,4	5,3
Неполная средняя школа	44,8	42,9	68,4
Общее обязательное образование в целом	83,2	63,3	73,7
Проф.-техн. образование (произв.-техн. ученичество, низшая проф. школа, средняя спецшкола)	12,2	31,6	15,8
Другие типы школ	4,6	5,1	10,5

Примечание. «Demografie», 1961, № 1, с. 43.

Таким образом, если в 1958 г. среди всех обследованных рабочих число лиц, окончивших лишь народную школу, составляло 38,4% (напомним, что по переписи 1950 г. образование на этом уровне имело более 60% населения страны), то среди рабочих 20—29-летнего возраста (1935/36—1952/53 гг. обязательного обучения) оно составляло уже лишь 20,4%, а у более молодых по возрасту — всего 5,3%.

Оценивая основные результаты подъема образовательного уровня населения в социалистической Чехословакии, можно констатировать следующее. Межвоенная буржуазная Чехословакия обладала относительно высоким общим культурным уровнем населения. В отличие от ряда других стран Центральной и Юго-Восточной Европы, здесь была уже решена в значительной степени и проблема всеобщего неполного среднего образования. Правда, это образование имело несколько уровней, что проявлялось, в частности, в более низком образовательном уровне сельского населения в целом, а также населения восточных областей страны, где преобладали народные школы.

Полное среднее и в особенности высшее образование, отличавшееся, кстати, высоким уровнем, не имело широкого распространения. Это было обусловлено социально-ограниченным характером буржуазной системы средней и высшей школы.

Переход к строительству социалистического общества в Чехословакии, обширные задачи экономической реконструкции и развития производительных сил обусловили и необходимость дальнейшего подъема образовательного и культурного уровня населения. А это потребовало преобразования всей школьной системы.

В области обязательного образования в качестве первоочередной встала задача создания единой школы II ступени, что должно было устранить неравенство в общеобразовательной подготовке молодежи, поднять общий уровень этой подготовки, расширить базу для развития средней и

высшей школы, помочь сглаживанию различий в образовательном и культурном уровне города и деревни, чешских областей и Словакии.

Если отвлечься от вопросов перестройки идейного содержания обязательного образования, то следует признать, что в этой области народная власть в общем доделывала то, что не могло последовательно осуществить до конца буржуазное государство.

Что же касается среднего и высшего образования, то здесь главная задача состояла в том, чтобы в соответствии с потребностями развития социалистического общества резко расширить группу населения, обладающую этими ступенями образования. Поэтому в области средней и высшей школы смыслом всех сдвигов было радикальное изменение прежней системы, ликвидация классового характера среднего и высшего образования.

Преобразование буржуазной школьной системы и создание социалистической системы школ всех ступеней явились одним из главных факторов подъема образовательного и культурного уровня населения Чехословакии в эпоху социализма, способствовали сглаживанию различий в культурном уровне разных слоев общества и разных областей страны.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В РУССКОЙ АРМИИ И ПОЛЬСКОЕ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ 1856—1865 гг.

Традиции русско-польского революционного сотрудничества складывались на первом дворянско-шляхетском этапе революционного движения¹. И в указанный период, и на втором (разночинском) этапе планы будущего революционного переворота неизменно отводили армии одну из ведущих, а то и главную роль. Революционное движение в армии дает весьма интересный и ценный материал для истории русско-польских революционных связей. Задача настоящей статьи заключается в том, чтобы подвести итоги изучения этого материала применительно к эпохе падения крепостного права, т. е. к десятилетию с 1856 по 1865 г.

Дореволюционная русская и польская буржуазно-националистическая историография замалчивала соответствующий круг вопросов, либо, касаясь некоторых из них, всячески искажала смысл и значение событий². Истинное положение вещей в какой-то мере было отражено в полумемуарных текстах современников и участников событий³, которые, однако, не располагали всеми необходимыми источниками и о многом умалчивали по конспиративным соображениям. Советские исследователи и польские историки-марксисты на основе более широкого и все возрастающего круга источников разработали целый ряд вопросов, относящихся к теме⁴. Однако имеющиеся работы либо посвящены отдельным собы-

¹ П. Н. Ольшанский. Декабристы и польское освободительное движение М., 1959; L. Baumgarten. Dekabryści a Polska. Warszawa, 1952; А. И. Бортников. Петрашewцы и польское национально-освободительное движение. — «Краткие сообщения Института славяноведения», вып. 42, М., 1964, стр. 41—51; W. Sliwowska. Sprawa pietraszewców. PWN. Warszawa, 1964.

² Не имея возможности перечислить отдельных авторов и их работы, сошлемся на вышедшие недавно специальные библиографические справочники: «Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов». Библиографический указатель литературы на русском языке. М., 1962; E. Kozłowski. Bibliografia powstania styczniowego. Warszawa, 1964.

³ См., например: А. И. Герцен. Сочинения в 30 томах, т. XI, стр. 368—373 и др.; Н. П. Огарев. Надгробное слово. — «Колокол», № 162, 1 V 1863; Н. И. Утин. Пропаганда и агитация. Дело прошлое и дело нынешнее. — «Народное дело», 1868, № 2—3, стр. 25—51; М. А. Бакунц. К офицерам русской армии. Женева, 1870.

⁴ См.: И. С. Миллер. Русско-польские революционные связи в период восстания 1863 г. В сб.: «История, фольклор, искусство славянских народов». М., 1963, стр. 120—158; «Русско-польские революционные связи». Т. I, II. М., 1963 — в серии «Восстание 1863 года. Материалы и документы»; J. Kowalski. Rewolucyjna demokracja rosyjska a powstanie styczniowe. Wyd. 2-e. Warszawa, 1955; А. Ф. Смирнов. Революционные связи народов России и Польши. 30—60-е годы XIX века. М., 1962, стр. 58—186; В. Г. Вержбицкий. Революционное движение в русской армии с 1826 по 1859 гг. М., 1964, стр. 160—174; М. В. Нечкина. Новые материалы о революционной ситуации в России (1859—1861 гг.). — «Литературное наследство», т. 61, М., 1953, стр. 459—522; Я. З. Черняк. К истории «революционного комитета русских офицеров в Польше». — Там же, стр. 534—540; И. М. Белявская. А. И. Герцен и польское национально-освободительное движение 60-х годов XIX века.

тиям, явлениям и деятелям, либо охватывают не всю тему, а лишь ту или иную ее часть⁵.

Фактический материал, послуживший основанием для содержащихся в статье выводов и наблюдений, извлечен отчасти из имеющейся литературы, но преимущественно из печатных и архивных первоисточников.

Не располагая возможностью включить в статью сколько-нибудь пространный историографический обзор и помещая лишь самые необходимые указания на источники, отсылаем читателя, интересующегося этой стороной дела, к опубликованным ранее работам⁶.

После Крымской войны среди военнослужащих русской армии стало быстро нарастать недовольство порядками, существовавшими в армии и стране. Это было обусловлено прежде всего целым рядом социально-экономических, политических и идеологических факторов общего характера, связанных с глубоким кризисом феодально-крепостнических отношений и возникновением к концу 50-х годов в России революционной ситуации.⁷ В условиях, когда важнейшим узлом всех противоречий был крестьянский вопрос, определяющее значение имел подъем крестьянского движения, которое заставило царизм начать подготовку реформы и не позволило ему остановиться на половине дороги⁸. Существенное влияние оказывало также растущее недовольство военнослужащих своим собственным положением.

Находящиеся на действительной службе, временно и бессрочно-отпускные «нижние чины» принимали, например, активное участие в крестьянских антипомещичьих выступлениях и в трезвенном движении⁹.

М., 1954; Я. И. Л и н к о в. Революционная борьба А. И. Герцена и Н. П. Огарева и тайное общество «Земля и Воля» 1860-х годов. М., 1964, стр. 305—327; В. Р. Л е й к и н а - С в и р с к а я. Андрей Потебня. В сб.: «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.». М., 1963, стр. 83—114; В. Р. Л е й к и н а - С в и р с к а я, В. С. Ш и д л о в с к а я. Польская военная организация в Петербурге (1850—1864 гг.). В сб.: «Русско-польские революционные связи 60-х годов XIX в. и восстание 1863 г.». М., 1962, стр. 7—48; В. А. Д ъ я к о в. Петербургские офицерские организации конца 50-х — начала 60-х годов XIX века и их роль в истории русско-польских революционных связей. — «Ученые записки Института славяноведения», т. XXVIII, 1964, стр. 268—359; В. А. Д ъ я к о в, И. С. М и л л е р. Революционное движение в русской армии и восстание 1863 г. М., 1964; P. Ł o s s o w s k i, Z. M ł y n a r s k i. Roszanie, Białorusini i Ukraińcy w powstaniu styczniowym. Wrocław, 1959; Z. M ł y n a r s k i, A. Ś l i s z. Andrzej Potebnia bohater wspólnej sprawy. Warszawa, 1955.

⁵ В. Е. Ф и л ь г у с. Революционное движение в России и русская армия в годы первого демократического подъема (1861—1863). Рукопись кандидатской диссертации. М., 1949.

⁶ См., в частности: «Русско-польские революционные связи» т. I. М., 1963 (в дальнейшем — РППС), стр. V—LXXIII, 197—202, 352—358, 517—522 и др.; В. А. Д ъ я к о в, И. С. М и л л е р. Там же, стр. 6—14; В. А. Д ъ я к о в. Петербургские офицерские организации..., стр. 271, 305—307; е г о ж е. Герцен, Огарев и Комитет русских офицеров в Польше. В сб.: «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.». М., 1963, стр. 3—4, 31—32; Г. В. Б о г д а н о в, В. А. Д ъ я к о в. Алфавит участников революционного движения в русской армии за 1861—1863 гг. В сб.: «Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов». М., 1960, стр. 489—503; Л. А. О б у ш е н к о в а. Документальные материалы о восстании 1863 года в архивах Советского Союза. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1964.

⁷ Подробнее об этом см.: М. В. Н е ч к и н а. Революционная ситуация в России в исходе 1850-х — начале 1860-х годов. В сб.: «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.». М., 1960, стр. 3—14.

⁸ См.: Н. М. Д р у ж и н и н. Крестьянское движение 1857—1861 гг. по документам центральных исторических архивов СССР. — «Вопросы архивоведения», 1961, № 1, стр. 24—26.

⁹ Е. А. М о р о х о в е ц. Крестьянское движение 1827—1869 годов. Вып. I. М., 1931, стр. 119, 129; вып. II, 1931, стр. 3, 18, 21, 37 и др.; В. Г. В е р ж б и ц к и й. Там же, стр. 291—293; Я. И. Л и н к о в. Очерки истории крестьянского движения в России в 1825—1861 гг. М., 1956, стр. 261—263; В. А. Ф е д о р о в. Крестьянское

Формой солдатского протеста были побеги со службы, самоубийства, одиночные нападения на командный состав, оскорбления царской фамилии, богохульство и т. п. Немало было и коллективных выступлений с числом участников от 8—10 человек до роты и эскадрона, т. е. примерно до 100—150 человек¹⁰. Стихийные солдатские выступления усиливали кризис верхов и содействовали распространению революционных настроений среди военнослужащих.

Еще одним важным революционизирующим фактором были, несомненно, сложившиеся в предшествующие десятилетия традиции революционной борьбы и наличие в армии живых носителей этих традиций. В николаевскую эпоху в сухопутные войска для отбытия наказания направлялись политические преступники. Коронация Александра II была ознаменована большой амнистией (1856 г.), но и после нее в армии оставалось около 300 репрессированных революционеров. Среди них были: декабристы и петрашевцы, участники Кирилло-мефодиевского братства и повгородского восстания военных поселян, А. П. Кузьмин-Караваев и его соратники. Более 90% бывших политических преступников, находившихся на службе, являлись участниками польского освободительного движения, начиная с восстания 1830—1831 гг. и кончая «злоумышленным заговором», обнаруженным в минской гимназии в 1855 г. В 1856—1857 гг. 48% военнослужащих, подвергавшихся ранее репрессиям за политические преступления и остававшихся под строгим надзором начальства, находились в Оренбургском корпусе, 24% служило на Кавказе, 14% — в Сибири¹¹. Постепенно рассасываясь по районам дислокации войск, бывшие участники освободительного движения распространяли сведения о своем прошлом и содействовали приобщению к освободительному движению военной молодежи, даже в том случае, если сами они утратили былую революционность.

Распространению оппозиционных настроений в армии содействовала агитационно-пропагандистская деятельность, развернутая в конце 50-х — начале 60-х годов русскими и польскими революционными демократами. Начиная с 1853 г., свободное от цензуры слово зазвучало на страницах «Полярной звезды», затем — в «Колоколе» и других изданиях Вольной русской типографии в Лондоне, созданной А. И. Герценом и Н. П. Огаревым. В России на страницах подцензурных журналов развернули революционную агитацию Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов и их соратники. Известны слова М. Ю. Ашенбреннера о том, что многим молодым военным знакомство с идеями Герцена «сообщило направление, которому они остались верны до старости», что они «читали и читали Добролюбова», а Чернышевского «знали наизусть, его именем клялись, как правоверный магометанин клянется Магометом — пророком Аллаха...»¹² На военнослужащих особое влияние оказывали «Военный сборник» в то время, когда его редактировал Н. Г. Чернышевский (1858 г.), и другие специальные

трезвенное движение 1858—1860 гг. В сб.: «Революционная ситуация...». М., 1962, стр. 118—119, 122, 124, 125 и др.; ЦГВИА, ф. 9л, оп. 87/32, 1861 г., к. 4576, д. 9, л. 11—13; ф. 450л, оп. 4, д. 181, л. 3.

¹⁰ В. Г. В е р ж б и ц к и й. Там же, стр. 297—301; ЦГВИА, ф. 9л, оп. 92/37, часть обер-аудитора, 1862 г., д. 32; оп. 80/21, 3 отд., 1 ст., 1863 г., д. 23, ч. I, II; оп. 68/9, I отд., 2 ст., 1862 г., д. 25; оп. 74/15, 1 отд., 2 ст., 1863 г., к. 7259, д. 28; 1 отд., 1 ст., 1864 г., д. 44, ч. I—III; ф. 450л, оп. 4, д. 649; ф. 532 л. оп. 1, 1862 г., к. 112, д. 68; ф. 1966, оп. 1, д. 178.

¹¹ См.: ЦГВИА, ф. 9л, оп. 95/41, 1 отд., 1 ст., 1856 г., д. 12; 1857 г., д. 38, 83, 85, 154, 233 и др.; ф. 395, оп. 334, д. 64, 90, 118; ЦГАОР, ф. 109и, 1 экзп., 1856 г., д. 133, ч. 4; ЦГИАЛ, оп. 16, 1855 г., д. 387, ч. 1—12, 1856 г., д. 305 и др.

¹² М. Ю. А ш е н б р е н н е р. Военная организация Народной воли и другие воспоминания (1860—1904 гг.). М., 1924, стр. 5.

военные журналы, в которых единомышленники и соратники Чернышевского умели осуществлять революционную пропаганду в подцензурных текстах. Генезис мировоззрения активных участников движения современники прямо связывали с прогрессивной журналистикой: по отношению к А. А. Потебне, например, это засвидетельствовал М. А. Бакунин¹³, по отношению к Е. И. Зейну — его непосредственное начальство¹⁴.

Военнослужащие поляки читали и распространяли как русскую, так и польскую революционно-пропагандистскую литературу; наряду со своими русскими сослуживцами они испытывали личное воздействие со стороны Н. Г. Чернышевского и его ближайшего окружения: так, среди семи «хороших офицеров», с которыми был близок Н. А. Добролюбов в 1859 г., по меньшей мере трое были поляками (В. Добровольский, Э. Сераковский, Я. Станевич)¹⁵.

Влияли на настроения офицеров и солдатские выступления. Они обычно являлись результатом необдуманного и не подготовленного заранее порыва, в котором не было и не могло быть элементов политического сознания. Почти всегда эти выступления были направлены против одной личности, в которой для выведенных из терпения солдат как бы персонифицировались крепостнические порядки в армии. На дворянском и на разночинском этапах истории революционного движения в России до сознательной антиправительственной деятельности и участия в конспиративных организациях поднимались из военнослужащих почти исключительно офицеры или лица, готовящиеся к получению офицерского чина, военно-медицинский персонал, военные чиновники и т. д.

Революционизирующее воздействие на военнослужащих оказывало непосредственное соприкосновение их с массовым революционным движением, в особенности, с крестьянскими выступлениями в ответ на помещичью реформу, а также с религиозно-патриотическими манифестациями 1860—1861 гг. в Царстве Польском и западных губерниях. Будущий активный участник казанского заговора штабс-капитан Н. Иваницкий, например, квартировал в Бездне и хорошо знал о кровавой расправе царизма над восставшими крестьянами, а оппозиционно настроенный поручик Ф. А. Половцев не только проявил сочувствие крестьянам, но и передал в «Колокол» материал о безденских событиях¹⁶. Манифестационное движение в Польше вовлекло в свои ряды С. Богдановича, Г. Ловинского, Э. Садовского и многих других офицеров-поляков; оно вызвало также горячее сочувствие к польскому народу со стороны части русских офицеров¹⁷.

Очагами распространения революционных настроений в армии служили военно-учебные заведения. В них легко было найти издания Вольной русской типографии, «Современник» и другие передовые русские журналы, эмигрантскую польскую литературу, разного рода прокламации, появившиеся в России с начала 60-х годов. В 1860 г. на основе донесений своей агентуры III Отделение сделало вывод, что в Петербурге и Москве «Колокол» читался преимущественно «военной молодежью, как выпущен-

¹³ М. А. Бакунин. К офицерам... стр. 2.

¹⁴ ЦГАОР, ф. 95и, оп. 1, д. 238, л. 2.

¹⁵ Н. Г. Чернышевский. Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, т. I. М., 1890, стр. 507; РПСР, т. I, стр. 203.

¹⁶ ЦГАОР, ф. 109и, 1 экзп., 1863 г., д. 250, ч. 85, л. 6—7 и др.; М. В. Нечкина. Восстание в Бездне. — «Красный архив», 1929, т. 4 (35), стр. 179; Г. В. Богданов, В. А. Дьяков. Алфавит участников... стр. 615—616.

¹⁷ Г. В. Богданов. В. А. Дьяков. Там же, стр. 506—507, 528—529 и др.; P. Łosowski, Z. Młynarski. Ibid., s. 37, 39—40; «Wydawnictwo materiałów do historii powstania 1863—1864». T. IV. Lwów, 1894, s. 17; «Колокол», № 97, 1 V 1861, стр. 819; ЦГВИА, ф. 9л, оп. 92/37, 1 отд., 1 ст., 1862 г., д. 6, л. 1—30.

ной из учебных заведений, так и находящихся еще в оных»¹⁸. Только в 1861 г. начальство военно-учебного ведомства несколько раз рассылало общие циркуляры об изъятии запрещенной литературы¹⁹. Отмечая, что молодые офицеры начала 60-х годов были охвачены оппозиционными настроениями, военный министр Д. А. Милютин в своих воспоминаниях писал: «Корень этого опасного направления военной молодежи находился в самих рассадниках нашего офицерства. Пропаганда проникла и в военно-учебные заведения, несмотря на то, что они состояли под непосредственным начальством царского брата и под глазом государя...»²⁰

Прямым следствием распространения оппозиционных настроений среди офицеров явилось заметное увеличение числа таких выступлений против существующих порядков, которые содержали элементы политического сознания, но, судя по всему, не были связаны с деятельностью революционных организаций²¹. Наиболее существенным следствием роста оппозиционных настроений в армии было возникновение целой сети революционных организаций. Число офицерских кружков, которые кое-где существовали и раньше, стало быстро расти после Крымской войны. Самый многочисленный и активный из них возник в 1857 г. среди обучавшихся в академии офицеров генерального штаба (в литературе его принято называть либо кружком генштабистов, либо — по фамилиям его руководителей — кружком Сераковского-Домбровского). Преимущественно из слушателей Инженерной академии составил кружок «военных инженеров», а в артиллерийских училище и академии действовал кружок «чернышевцев» (т. е. последователей Н. Г. Чернышевского) под руководством П. Л. Лаврова. Существовали также кружки в Константиновском военном училище, в двух петербургских и Павловском кадетских корпусах и Царскосельской офицерской стрелковой школе; Н. Г. Чернышевский указывал на существование кружка профессоров военных академий; небольшой, но деятельный кружок собирался у офицеров братьев Худяковых²². О двух кружках среди артиллеристов строевых частей сообщается в бумагах В. Ф. Ратча, который располагал некоторыми недошедшими до нас источниками. Один из этих кружков (в конной артиллерии) Ратч связывает с именами З. Падлевского и Н. П. Трубецкого; другой, по его

¹⁸ ЦГАОР, ф. 109и, с. а., оп. 3, д. 3233, л. 14.

¹⁹ ЦГВИА, ф. 725л, оп. 2, д. 27, л. 1 и др.; оп. 1, д. 5728, л. 1—2; ф. 330л, оп. 1, д. 2051, л. 19, 38; ф. 320л, оп. 2, д. 406, л. 65—68.

²⁰ Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (в дальнейшем — ГБЛ), ф. 169, д. 13/4, л. 20.

²¹ Вот некоторые примеры. Полковник И. В. Турчанинов в 1856 г. по политическим соображениям оставил службу и эмигрировал; находясь в Лондоне, он посещал А. И. Герцена, позже — с 1861 г. — участвовал в гражданской войне в США, командуя полком в армии северян. В том же 1856 г. подверглись наказанию офицеры одного из гусарских полков (Хрушевский, Галицкий, Пиотровский и др.) за то, что пели польские революционные песни, говорили по-польски в строю и высказывали осуждение политики царизма. В 1860 г. в репертуаре военных оркестров марш «Гарибальди» стал пользоваться настолько большой популярностью, что командующий 1-й армией вынужден был издать специальный циркуляр, запрещающий его исполнение. В мае 1861 г. группа офицеров лейб-Бородинского пехотного полка из Балашова послала в «Московские ведомости» большое письмо, которое резко осуждало рукоприкладство и вставало на защиту человеческого достоинства простых людей. См.: Д. И. Завский и И. В. Турчанинов и его жена — Герцену. Публикация. — «Литературное наследство», т. 62, стр. 590—603; ЦГВИА, ф. 395, оп. 334, д. 25, л. 137—147; оп. 297/857, 1861 г., Канц. 2 ст. по сч., д. 89; ф. 14014, оп. 3, д. 356, л. 1; Архив Артиллерийского исторического музея в Ленинграде (ААИМ), ф. 3, оп. 5, д. 1040.

²² Более подробно см.: В. Р. Лейкина-Свирская, В. С. Шидловская я. Там же; В. А. Дьяков. Петербургские офицерские организации..., стр. 271—280; А. Ф. Смирнов. Революционные связи народов России и Польши, стр. 153—174.

словом, был образован в 3-й гвардейской и гренадерской артиллерийской бригаде, но на первых же шагах «был разметан переводом в другие части»²³.

Судя по доступным в настоящее время источникам, через кружок генштабистов за время его существования прошло около 175 человек, через кружок «военных инженеров» — 60, через кружок «чернышевцев» и кружок в Константиновском училище — по 35 человек, через кружок в Царскосельской школе — 16 и т. д. Если к этому прибавить число участников смешанных военно-студенческих кружков и причастных к движению лиц, организационную принадлежность которых пока не удалось выяснить, то получается, что в Петербургском гарнизоне около 450 военно-служащих так или иначе выступали против существующих порядков.

Между кружками, по мере их возникновения и активизации, укреплялись связи и развивалось сотрудничество. Большую роль в начальный период играли личные знакомства руководящих деятелей кружков (Н. Н. Обручева, П. Л. Лаврова, З. Сераковского, Я. Домбровского, З. Падлевского и др.), а также обмен разного рода нелегальными изданиями. Содействовали сплочению такие совместные акции ряда кружков, как: выступление слушателей Инженерной академии против произвола начальства, названное А. И. Герценом подвигом 115 благородных офицеров (1860); участие военнослужащих в похоронах Т. Г. Шевченко и Н. А. Добролюбова, присутствие на панихиде по жертвам февральского расстрела в Варшаве, попытки поддерживать студенческое движение (все — 1861 г.); протест 106 офицеров разных родов войск против телесных наказаний в армии, демонстративные панихиды по казненным участникам революционного движения, заказанные в двух церквях Петербурга и в Боровичах (1862 г.). Связи и сотрудничество между кружками были настолько тесными, что правомерно предположить существование в Петербурге федеративного объединения (союза) военных кружков. Ряд доводов в обоснование такого предположения уже приводился мною в печати²⁴. Немалое подтверждающего его дополнительного материала содержится в написанных для В. Ф. Ратча воспоминаниях активного участника событий В. Косовского²⁵. При всем том, указанное предположение остается пока рабочей гипотезой, которая для своего подтверждения требует привлечения новых источников и новых доводов.

Крупная федерация военных кружков сложилась в войсках, расположенных в Царстве Польском и в прилегающей к нему части западных губерний (до июля 1862 г. эти войска входили в 1-ю армию, а впоследствии — в Варшавский, Виленский и Киевский военные округа). Руководящий орган федерации называл себя Комитетом русских офицеров в Польше; саму же федерацию, соответственно, представляется правильным называть революционной организацией офицеров русской армии в Польше. Возникла она, судя по имеющимся данным, в 1861 г. на базе существовавших ранее отдельных кружков; инициатива объединения шла с двух сторон: снизу — от рядовых участников движения и сверху — от его руководящих деятелей, среди которых многие учились или проходили переподготовку в Петербурге и были знакомы с революционным опытом столичных революционных организаций; наиболее видную роль на первых порах играл В. Каплинский, располагавший рекомендациями и пользовавшийся содействием З. Сераковского, затем Я. Домбровский, А. А. Потевня и З. Падлевский. За время существования организации с 1861 по 1863 г. число ее участников (установленных и вероятных) достиг-

²³ ГПБ, ф. 629, оп. 1, д. 45, л. 11—12.

²⁴ В. А. Дьяков. Петербургские революционные организации..., стр. 298—302.

²⁵ ГПБ, ф. 629, оп. 1, д. 358, л. 7—10, 19—20, 27—28.

до 539 человек. По чинам, возрасту и национальной принадлежности они распределяются примерно так же, как участники петербургских военных кружков²⁶.

Одна из особенностей революционной организации офицеров русской армии в Польше заключалась в том, что она широко развернула агитационно-пропагандистскую деятельность, стараясь охватить ею возможно больший круг военнослужащих. Устную агитацию среди солдат вели кружки 4-го и 6-го стрелковых батальонов, а также отдельные участники движения в других частях. Под руководством Комитета русских офицеров в Польше были налажены выпуск и распространение значительного числа прокламаций, тираж которых достигал иногда нескольких тысяч экземпляров. Первое время это были литографированные тексты, заимствованные из «Колокола» или из нелегальных изданий внутрисоссийского происхождения; с весны 1862 г. преобладание получили специально подготовленные прокламации, воспроизводимые типографским способом. И в первом и во втором случае одни прокламации адресовывались к солдатской массе, другие — к офицерам, что находило свое отражение в их содержании и форме. За последние годы обнаружены две неизвестные ранее прокламации, подготовленные организацией. Одна из них от 26 мая 1862 г. называлась «Чего хочет русский народ и что должен делать тот, кто его любит»; в своей основе она является приспособленным к местным нуждам сокращением прокламации Н. В. Шелгунова и М. Л. Михайлова «К молодому поколению»²⁷. Другая прокламация датирована 26 (14) ноября 1862 г. и озаглавлена: «От Комитета русских офицеров в Польше»; она обращена к членам организации и предостерегает от провокации, задуманной против них командованием царских войск в Варшаве²⁸.

Революционная организация офицеров русской армии в Польше, многонациональная (в основном русско-польская) по своему составу, имела прочные связи с другими русскими и польскими или смешанными организациями, как внутри Российской империи, так и за ее пределами. Идеи, организационные и личные контакты связывали офицерскую организацию с лондонским и петербургским революционными центрами, с польской конспирацией в Варшаве и во всем Царстве Польском, с петербургскими и иными военными кружками. Состав офицерской организации, сами условия ее существования как бы на грани между русским и польским освободительным движением делали ее участников непоколебимыми сторонниками укрепления русско-польского революционного союза, превращали организацию в активнейшего творца и исполнителя совместных действий. Комитет русских офицеров в лице А. А. Потемби был не только участником, но и инициатором лондонских и петербургских переговоров 1862 г. между польскими и русскими революционерами, завершившихся оформлением союзных отношений между ними в очень ответственный для обеих сторон момент²⁹.

Наряду с важнейшими программными вопросами и организацией практического сотрудничества между польскими и русскими революционерами, предметом обсуждения во время переговоров являлся общий ста-

²⁶ См.: В. А. Дьяков. Герцен, Огарев и Комитет русских офицеров в Польше, стр. 31—82; В. А. Дьяков, И. С. Миллер. Революционное движение... стр. 28—50 и др.

²⁷ РПРС, т. I, стр. 394—399; В. А. Дьяков. Неизвестная прокламация Комитета русских офицеров в Польше.— «Новая и новейшая история», 1963, № 1, стр. 119—121.

²⁸ РПРС, т. I, стр. 462—464; В. А. Дьяков. Еще одна неизвестная прокламация Комитета русских офицеров в Польше.— «История СССР», 1963, № 3, стр. 160—162.

²⁹ О переговорах подробнее см.: РПРС, т. I, стр. 517—581; В. А. Дьяков, И. С. Миллер. Революционное движение... стр. 132—142.

тус офицерской организации, ее задачи на случай восстания в Польше. Теснейшим образом сотрудничая с польскими революционерами, офицерская организация не должна была упускать из виду более широких, общероссийских задач, т. е. ликвидации крепостничества и самодержавия во всей Российской империи. Первый пункт петербургского меморандума подтверждал достигнутую в Лондоне договоренность по этому и другим вопросам. Параллельно с петербургскими переговорами шло оформление присоединения революционной организации офицеров русской армии в Польше к всероссийскому тайному обществу «Земля и Воля». Тогда же на переговорах было достигнуто соглашение о том, что польская партия красных будет предоставлять офицерской организации «в виде революционного займа все нужные средства»³⁰.

«Вы один круг целой системы кругов, которых средоточие сложится», — писали издатели «Колокола» в обращении к русским офицерам, находившимся в Польше; «составьте комитеты, подобные нашему», — призывал Комитет русских офицеров в прокламации от 5 ноября 1862 г., обращаясь ко всему передовому офицерству³¹. Эти и другие призывы, печатные и устные, не пропали бесследно. Военно-революционные организации множились и росли, постепенно охватывая всю империю. Как и две наиболее крупные (они названы выше), эти организации строились по территориальному принципу и находились в постоянном контакте с иными революционными силами на местах.

В Москве, считавшейся в то время второй столицей, размещались три кадетских корпуса, ряд гренадерских полков и их корпусной штаб, а также многие другие части и учреждения. Есть основания предполагать, что кружки революционно настроенных военнослужащих существовали во всех трех кадетских корпусах³². Довольно подробные сведения имеются о кружке из офицеров лейб-гренадерского Екатеринославского полка. По свидетельству О. Еленского, в него входило 9 человек, причем только он был поляком, а остальные русскими; члены кружка читали «Колокол» и другие нелегальные издания, занимались самообразованием, изучая, между прочим, польскую историю «до капитальным сочинениям»³³. Накануне восстания 1863—1864 гг. наиболее видным деятелем в военных кружках был Л. Звездовский, поддерживавший тесные связи с подпольными организациями Петербурга, Варшавы и Вильно³⁴. Целый ряд офицеров входил в смешанные военно-студенческие кружки³⁵.

Кружки и группы революционно настроенных военнослужащих действовали в некоторых других городах. В Новгороде, где находились В. Г. Михалевский, Б. И. Сциборский и другие лица, связанные с Н. Г. Чернышевским, Н. А. Добролюбовым и петербургским подпольем, существовали кружки в кадетском корпусе и батальоне внутренней стражи³⁶.

³⁰ М. А. Б а к у н и н. К офицерам... стр. 14—15.

³¹ «Колокол», № 147, 15 X 1862, стр. 1214; РПСР, т. I, стр. 454.

³² М. Ю. А ш е н б е р г е н е р. Там же, стр. 6; ЦГВИА, ф. 725л, оп. 1, д. 4526; ф. 395, оп. 55/579, 1 отд., 4 ст., св. 63, д. 6, л. 18, 28—33.

³³ О. Е л е н с к и й. Мысли и воспоминания поляка. — «Русская старина», 1906, № 9, стр. 706—708.

³⁴ В. А. Д ь я к о в. Список руководящих деятелей восстания 1863—1864 гг., составленный В. В. фон. Валем. В сб.: «Русско-польские революционные связи 60-х годов и восстание 1863 года». М., 1962, стр. 541—542.

³⁵ Деятели революционного движения в России. Библиографический словарь. Сост. А. А. Шилова и М. Г. Карнаухова (в дальнейшем — Бб. словарь), т. I, вып. 2, М., 1928, стр. 29, 90—91, 379 и др.

³⁶ В. А. Д ь я к о в, В. Е. Ф и л ь г у с. Революционные кружки в Новгороде в 1859—1863 гг. В сб.: «Революционная ситуация...». М., 1962, стр. 491—505; и х же. Новгородский гарнизон во время революционной ситуации 1860-х гг. — «Новгородский исторический сборник», вып. 10, Новгород, 1961, стр. 61—74.

В Александровском кадетском корпусе оппозиционные настроения были настолько сильны, что его сначала перевели из Брест-Литовска в Вильно, а затем расформировали, передав воспитанников в другие военно-учебные заведения³⁷. Группа революционеров из числа военнослужащих сложилась в Курске вокруг Я. Савицкого и А. Н. Столпакова, которые были тесно связаны с деятелями революционных кружков Петербурга и Москвы³⁸. Оппозиционно настроенные лица были среди преподавателей и воспитанников Воронежского и Орловского кадетских корпусов³⁹, а также в Калуге, Архангельске, Рязке, Моршанске и т. д.

Ряд военных кружков действовал на Украине. В Киевском кадетском корпусе широко развернули агитационно-пропагандистскую деятельность А. А. Красовский и Е. И. Моссаковский⁴⁰. Кружок в Черниговском пехотном полку, руководимый штабс-капитаном И. Г. Жуковым, организовывал спектакли для солдат и участвовал в обучении учащихся воскресных школ; в то же время он установил тесные контакты с участниками студенческого движения в Киевском университете (русскими и поляками)⁴¹. Революционные офицерские кружки, группы или отдельные оппозиционно настроенные военнослужащие находились в Полтаве, Житомире, Чернигове и других городах и населенных пунктах⁴².

Довольно разветвленная сеть революционных кружков Поволжья и Приуралья также включала военнослужащих и гражданских революционеров⁴³. Н. Иваницкий, И. Е. Мехеда и другие офицеры действовали в штабе и частях резервной пехотной дивизии, занимавшей район Казани. Поручик Пермского батальона Г. И. Михель активно участвовал в создании подпольной типографии и в других видах деятельности пермского революционного кружка. Уволенный со службы, он поселился в Нижнем Новгороде и присоединился к находившимся там офицерам Н. И. Аристову, Н. А. Михайлову, П. И. Адамовичу, которые были тесно связаны с казанским и московским подпольем. Так или иначе выражали свое недовольство существующими порядками отдельные революционно настроенные офицеры (русские и поляки) в Саратове, Симбирске, Вятке, Вологде и других населенных пунктах.

Немало участников революционного движения в армии служили на Кавказе, в оренбургских степях и в Сибири. На Кавказе сложились революционные убеждения у Я. Домбровского, А. Рыцка, Э. Кучевского, М. В. Содомцева и других установленных или вероятных участников

³⁷ В. А. Сухомлинов. Воспоминания. Госиздат, 1926, стр. 12—13; ЦГВИА, ф. 725 л, оп. 1, д. 5746, л. 75—76 и др.; ЦГИА ЛитССР, ф. 378, оп. 219, д. 373, л. 1—81.

³⁸ В. А. Дьяков. Петербургские офицерские организации..., стр. 336, 339; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1307, л. 1—16; ф. 9л, оп. 68/9, 1 отд., 2 ст., 1864 г., д. 69, ч. I—IV; ЦГАОР, ф. 95и, оп. 1, д. 133, л. 1—20; S. K i e n i e w i c z. Kartka z dziejów polsko-rosyjskiej przyjazni z 1863 roku.— «Przegląd historyczny», т. LV, 1964, № 2, с. 267—274.

³⁹ ЦГВИА, ф. 725л, оп. 1, д. 5742; ф. 314л, оп. 1, д. 6238 и др.

⁴⁰ «Общественно-политическое движение на Украине». В серии «Восстание 1863 года. Материалы и документы». Т. I. Киев, 1963, стр. 145—148, 287—294 и др.; т. II. Киев, 1946, стр. 18, 20 и др.

⁴¹ РПРС, т. I, стр. 391—394 и др.

⁴² ЦГВИА, ф. 320л, оп. 2, д. 329, л. 44—47; ф. 725л, оп. 2, д. 184, л. 1—3; д. 190, л. 1—5; ЦГАОР, ф. 109и, 1 экзп., 1862 г., д. 120, л. 1—7; В. А. Дьяков. Петербургские офицерские организации..., стр. 308—309 (К. Александрович), стр. 316 (В. М. Добровольский); Бб. словарь, т. I, вып. 2, стр. 294.

⁴³ РПРС, т. II, стр. 264—269, 403—426 и др.; Г. В. Богданов, В. А. Дьяков. Там же, стр. 534—535, 602—603; ЦГИАЛ, ф. 1282, оп. 1, 1863 г., д. 144, л. 160—169; ЦГАОР, ф. 95и, оп. 1, д. 403, л. 1—102.

военно-революционных организаций эпохи падения крепостного права⁴⁴. По Сибири укажем иркутскую группу (в нее входили генерал-майор Б. Кукель и поручик П. А. Кропоткин)⁴⁵ и кружок молодых казацких офицеров и воспитанников Сибирского кадетского корпуса⁴⁶. В Оренбургский корпус были переведены такие активные деятели петербургских кружков и революционной организации офицеров русской армии в Польше как Э. Заремба, П. Ф. Лихачев, Я. Мрочек⁴⁷. Находившийся там военный лекарь Л. Попов распространял запрещенные сочинения, поручик А. О. Клийс «покровительствовал» польским ссыльным и т. д.⁴⁸.

Все основные линии развития революционного движения в армии эпохи падения крепостного права и личные судьбы едва ли не большинства его участников тесно переплелись во время восстания 1863—1864 гг. в Польше, Литве, Белоруссии и на Украине. Восстание явилось не только важным рубежом в истории освободительной борьбы населения указанных территорий, но и послужило поворотным пунктом общественного движения в общероссийском масштабе. Вспыхнувшее преждевременно и имевшее мало шансов на успех, оно стало серьезнейшим испытанием для всех революционных организаций, в том числе военных, и для сложившегося накануне восстания русско-польского революционного союза.

Наиболее активную роль в сотрудничестве с польскими революционерами накануне восстания играли революционная организация офицеров русской армии в Польше и петербургские офицерские организации. Они установили постоянные контакты с ЦНК партии красных и с многими ее местными организациями⁴⁹. В январе 1863 г., за несколько дней до начала восстания, была предпринята попытка создать совместный командный центр⁵⁰. Были установлены контакты и согласовано взаимодействие между офицерской организацией и польскими конспираторами в Калишском воеводстве, в частности, в районе г. Варты, где Ю. Оксинский по рекомендации А. А. Потевни установил связь с кружком квартировавшей там 4-ой артиллерийской бригады⁵¹. Особенно широко разветвленными были аналогичные контакты в Подлясье, где Б. Дескур действовал, имея рекомендательное письмо Я. Домбровского⁵², и в районе Кельц, где капитан Галицкого пехотного полка С. Доброгойский готовил переход на

⁴⁴ В. А. Дьяков. Ярослав Домбровский. В сб.: «За нашу и вашу свободу. Герои 1863 года». М., 1964, стр. 70—71; М. Ziatożуска. Jarosław Dąbrowski. Warszawa, 1948, s. 12; РПС, т. I, II, см. по именованному указателю; ЦГВИА, ф. 395, оп. 54/578, 1862 г., 1 отд., 1 ст., д. 876, л. 1—29; ЦГАОР, ф. 109и, 1 экзп., 1864 г., д. 105 л. 1—105; ЦГИА ЛитССР, ф. 378по, 1863г., д. 373, л. 1—12.

⁴⁵ «Материалы для биографии Бакунина». Т. III. М.—Л., 1933, стр. 533—557; «Переписка Петра и Александра Кропоткиных». Т. I. Academia. М.—Л., 1932, стр. 81, 86—87, 175, 240, 255 и др.; ЦГАОР, ф. 95и, д. 67, л. 1—7.

⁴⁶ Н. П. Митина. Русско-польские революционные связи в Сибири и Крутобайкальское восстание (1864—1866 гг.). Автореферат. М., 1965, стр. 11—13.

⁴⁷ В. А. Дьяков. Герцен, Огарев и Комитет..., стр. 49, 56, 247; Г. В. Богданов, В. А. Дьяков. Алфавит участников... стр. 520—521, 528—529, 532—533, 584, 596—597, 600—601.

⁴⁸ Г. В. Богданов, В. А. Дьяков. Там же, стр. 522—523, 586—587; Бб. словарь, т. I, вып. 2, стр. 330.

⁴⁹ Подробнее см.: В. А. Дьяков, И. С. Миллер. Там же, стр. 130—132, 142—154; S. Kieniewicz. Warszawa w powstaniu styczniowym. Wyd. III. Warszawa, 1965, s. 102—115 и др.

⁵⁰ J. Daniłowski. Notatki do pamiętników. Kraków, 1908, s. 184.

⁵¹ J. Ochiński. Od 16 do 21 stycznia 1863 r. (Urywek z ówczesnego pamiętnika). В сб.: «W czterdziestą rocznicę powstania styczniowego». Lwów, 1903, s. 312—321.

⁵² «Polska w walce». Zbiór wspomnień i pamiętników. Wyd. A. Giller. T. II. Paryż, 1868, s. 28; «Wydawnictwo materiałów do historii powstania 1863—1864». Т. II. Lwów, s. 145—150.

сторону восстания находившийся под его командованием батальон⁵³. Планы совместных действий были согласованы кое-где в Августовской губернии⁵⁴. Что касается петербургских офицерских организаций, и прежде всего кружка Сераковского-Домбровского, то они сотрудничали в основном с конспиративными организациями на территории Литвы и Белоруссии через находившийся в Вильно Комитет движения⁵⁵.

Русские революционеры считали, что в момент истечения двухлетнего срока временнообязанного состояния крестьянство России открыто выступит против грабительской реформы; поэтому они готовились к восстанию весной 1863 г. и настаивали, чтобы вооруженное выступление в Польше также было приурочено к этому времени⁵⁶. На лондонских и петербургских переговорах, в переписке и при личных встречах, на страницах «Колокола» и многих нелегальных изданий русские революционеры убеждали руководителей польского освободительного движения не выступать отдельно, оттянуть начало восстания до того времени, когда станет возможным совместное выступление. В то же время издатели «Колокола» так же, как руководство «Земли и Воли» и других, действовавших в России революционных организаций, понимали, что в создавшихся условиях взрыв был неизбежен, а когда восстание началось, оказали ему поддержку, чем могли. Восстание, говоря словами В. И. Ленина, заставило «ораву русских либералов» отхлынуть от Герцена, который остался верен интернационализму и «спас честь русской демократии»⁵⁷. В едином строю с Герценом стояли в этой борьбе сотни русских революционеров, в том числе армейских, перешедших на сторону повстанцев или оказывавших им посильную помощь.

Вопрос об участии в восстании 1863—1864 гг. лиц непольской национальности за последние годы довольно подробно изучен польскими и советскими исследователями⁵⁸. По последним подсчетам, содержащимся в работах И. С. Миллера, учтено 239 бывших военнослужащих неполяков, несомненно участвовавших в восстании и 60 лиц той же категории, являющихся, по всей вероятности, неизобличенными его участниками⁵⁹. Среди перешедших на сторону восстания видное место занимали сознательные борцы, участники революционных организаций: Ф. Ельчанинов, А. Иванцов, М. Келлер, М. Киянский, П. Краснопевцев, Л. Рейнгартен, С. Никифоров, М. Подхалюзин, П. Якоби и др. К повстанцам присоединились также военнослужащие, хотя и не входившие в революционные организации, но находившиеся под их идейным воздействием. Преобладали, однако, беглые или оказавшиеся в плену у повстанцев солдаты и унтер-офицеры. Эта категория была по своему составу неоднородна, но с уверенностью можно говорить, что, как правило, речь шла о неизбежном в условиях восстания перерастании традиционной формы солдатского протеста — побега со службы (для попавших в плен — нежелания возвра-

⁵³ «W czterdziestą rocznicę...», s. 72—78; H. S a m b o r s k i (Ostoja). Wspomnienia z powstania 1863 r. i pobytu na Syberii. Warszawa, 1916, s. 34—38.

⁵⁴ «Polska w walce», t. II, s. 358—361.

⁵⁵ А. Ф. Смирнов. Восстание 1863 года в Литве и Белоруссии. М., 1963 стр. 85—100; «Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861—1862 гг.». М. 1964, стр. 172—217 и др.

⁵⁶ И. С. Миллер. «Слушный час» и тактика русской революционной партии в 1861—1863 гг. В сб.: «Революционная ситуация...». М., 1963, стр. 147—164.

⁵⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 260.

⁵⁸ P. Ł o s s o w s k i, Z. M ł u n a r s k i. Ibid.; И. С. Миллер. Из царской армии в ряды повстанцев. (См.: В. А. Дьяков, И. С. Миллер. Там же стр. 202—432).

⁵⁹ И. С. Миллер. Исследования по истории польской общественной мысли конца XVIII—XIX веков и русско-польских революционных связей 60-х годов XIX века. Доклад о совокупности научных работ. М., 1965, стр. 44.

тяться в часть), в более высокую форму движения — присоединение к тому, кто ведет вооруженную борьбу с царизмом.

Первые недели восстания показали, что согласованные планы сотрудничества армейских революционеров с польскими конспираторами в большинстве случаев оказались не выполненными. Упомянувшийся выше совместный центр для руководства военными действиями был парализован неудачными решениями ЦНК, в связи с которыми один из его членов — Падлевский был отправлен в Плоцк, другой — Потегня также был вынужден выехать из Варшавы⁶⁰, «собрал отряд», но «несчастный случай разрушил его»⁶¹. С. Доброгойский вывел из Келец для присоединения к повстанцам более 200 человек, но, не дождавшись в назначенном месте отряда А. Куровского, возвратился назад и с величайшим трудом рассеял подозрения начальства⁶². Не было соответствия с согласованными планами в действиях упомянутых выше Ю. Оксинского (Варта) и Б. Дескура (Радзынь)⁶³. Зато под г. Радомско участники офицерских кружков Витебского и Полоцкого пехотных полков Ю. Грекович, В. Раковский, Ф. Францевич, В. Удымовский встали во главе 200 повстанцев и заняли город⁶⁴. Несогласованность действий обуславливалась в одних случаях националистическими настроениями многих повстанческих руководителей (в частности, А. Куровского), в других — была следствием недостаточной прочности предшествующих контактов между армейскими революционерами и польскими конспиративными организациями, объяснялась неразберихой и недоразумениями.

Говоря о взаимодействии в более широком масштабе, следует начать с попытки создания русского легиона (или дружины) в составе повстанческой армии. Идея создания легиона, выдвинутая еще до начала восстания, получила поддержку не только русских, но отчасти и польских участников движения⁶⁵. Над воплощением этой идеи в жизнь работали многие, в том числе М. А. Бакунин и А. А. Потегня. В легион из Петербурга бежали П. И. Якоби и М. И. Киянский. Однако легион создать не удалось. Это объясняется, прежде всего, негативной позицией повстанческого руководства, в особенности объявленного диктатором М. Лянговича. Совместными акциями большого масштаба, проводившимися при участии армейских революционеров, являлись также морская экспедиция к Паланге, создание конспиративной базы для формирования повстанческих отрядов и развертывания подпольной типографии в Мариенгаузене, а также подготовка крестьянского восстания в Поволжье, известная под названием «казанского заговора»⁶⁶. Этим акциям также не сопутствовала удача, но они подтверждают стремление к сотрудничеству и наличие весьма широких замыслов.

Помощь восстанию со стороны армейских революционеров не ограничивалась непосредственным участием в повстанческих отрядах, а выража-

⁶⁰ «Polska w walce», t. II, s. 358.

⁶¹ «Колокол», № 162, 1 V 1863, стр. 1334.

⁶² «W czterdziestą rocznicę...», s. 73.

⁶³ Ibid., s. 320, 332; «Wydawnictwo materialów», t. II, s. 153—155; ЦГВИА, ф. 395, оп. 300/860, 1863 г., св. 251, д. 47, л. 8—9.

⁶⁴ В. А. Дьяков, И. С. Миллер. Там же, стр. 152.

⁶⁵ См., например, выходящую в Брюсселе эмигрантскую газету «Polska» от 1 III (17 II) 1863.

⁶⁶ Подробнее см.: РПРС, т. II, стр. 5—55, 202—435; В. М. Зайцев. Морская повстанческая экспедиция к берегам Литвы в 1863 г. В сб.: «К столетию героической борьбы «за нашу и вашу свободу». М., 1964, стр. 173—210; В. И. Неупокоев. «Земля и Воля» 60-х годов XIX века по следственно-судным материалам Динабургского процесса. В сб.: «Революционная ситуация...». М., 1962, стр. 305—334; В. Р. Лейкина-Свиридка я. «Казанский заговор» 1863 г. В сб.: «Революционная ситуация...». М., 1960, стр. 423—450.

лась также в снабжении повстанцев оружием, боеприпасами, снаряжением, картами, в содействии побегам или предоставлении иных возможностей избежать репрессий, в передаче сведений о передвижениях карательных войск и пересылке корреспонденции, наконец, просто в выражении сочувствия. Если учитывать все формы помощи восстанию, если включать в подсчеты военнослужащих поляков, то оказывается, что повстанцам помогли не менее 200 участников революционной организации офицеров русской армии в Польше и около 180 участников петербургских кружков⁶⁷. К этой цифре необходимо добавить многие сотни помогавших восстанию солдат и унтер-офицеров, формально не причастных к революционным организациям. Подсчеты, по сохранившимся конфирмациям на всех участников восстания, показывают, что военнослужащие составляли среди повстанцев 1863 г. примерно 3%⁶⁸. Следовательно общественная активность военнослужащих была сравнительно высока (личный состав армии в 1863 г. не превышал 1,5% от населения Российской империи).

Разгром восстания 1863—1864 гг. и связанная с ним волна реакции нанесли тяжелые потери освободительному движению вообще и, в частности, революционному движению в армии. Во второй половине 1863 г. перестали существовать, как единое целое, революционная организация офицеров русской армии в Польше и федерация петербургских офицерских организаций. Отдельные кружки и небольшие группы, уцелевшие от репрессий, стали более осторожными, но еще долго не прекращали деятельности; сохранялись контакты между кружками, не прерывались и русско-польские связи.

Из сказанного видно, что революционное движение в русской армии эпохи падения крепостного права составляло неотъемлемую часть освободительного движения в целом. В тогдашних российских условиях оно должно было быть, и фактически было, многонациональным по составу и буржуазно-демократическим по стоящим перед ним задачам. Польское национально-освободительное движение, будучи одной из наиболее активных в те годы революционных сил, являлось при этом настолько существенным фактором, что изучение истории революционных организаций в армии в отрыве от него может привести к серьезным ошибкам. Подобно «Земле и Воле», являвшейся революционной партией общероссийского масштаба, крупнейшие военно-революционные организации (в частности, организация офицеров русской армии в Польше и федерация петербургских военных кружков) были по своему составу в основном русско-польскими. Это, с одной стороны, вовсе не исключало существования отдельных чисто польских, либо чисто русских кружков, а, с другой стороны, делало нормой двойное (иногда тройное) членство, допускавшее одновременное участие в двух, а то и в трех революционных организациях (например, в польской партии красных и потевневском обществе, или в двух названных организациях, а также в «Земле и Воле»).

По своей программе и тактике военные организации 1856—1865 гг. опирались на передовой опыт русского и польского освободительного движения предшествующих десятилетий и шли в ногу со временем. Ликвидация самодержавия и крепостничества, установление равенства сословий и проведение других буржуазных преобразований, уничтожение нацио-

⁶⁷ В. А. Дьяков. Герцен, Огарев и Комитет..., стр. 7; е г о ж е. Петербургские офицерские организации..., стр. 308—347.

⁶⁸ Конфирмации см.: ЦГВИА, ф. 9л, оп. 92/37, 1 отд., 1 ст., 1863 г., д. 94, ч. 1—38; подсчеты сделаны на основе картотеки, составленной сотрудниками Ин-та славяноведения Н. Н. Вавириной, В. М. Зайцевым, Л. А. Обушенковой и А. М. Ореховым.

нального гнета и восстановление независимости Польши — вот основные пункты политической программы армейских революционеров.

О революционном движении эпохи падения крепостного права В. И. Ленин писал: «Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом»⁶⁹. Общее число выявленных участников сознательных революционных действий в военной среде за 1856—1865 гг. достигает двух тысяч человек. По отношению ко всему офицерскому корпусу это составляет около 6%⁷⁰.

Среди участников движения примерно 43% имели чины от поручика и выше, а около 50% были в возрасте старше 25 лет⁷¹. Имеющиеся сведения об образовании показывают, что около 65% участников движения являлись воспитанниками столичных военно-учебных заведений, а из остальных — примерно 5% связано с учебными заведениями Москвы и около 6% — западных губерний (Полоцкий, Брестский, Киевский и Полтавский кадетские корпуса). Следовательно утверждение, что в революцию шла «зеленая молодежь», «легковерные прапорщики» и «недоучки», не имеет под собой никаких оснований.

По месту рождения распределение участников движения следующее: около 44% — северо-западные и 12% — юго-западные губернии, примерно 16% — Царство Польское, а 25% — так называемые «внутренние» губернии. Вероисповедание 38% участников движения имели православное, 57,5% были католиками, а остальные — лютеранами, магометанами и др. Сопоставление приведенных цифр, хотя и не заменяет отсутствующих в источниках данных о национальности, но все-таки позволяет подкрепить высказанный выше тезис о многонациональном облике движения и преобладании среди его участников поляков и русских.

По сословной принадлежности почти 94% участников движения являлись потомственными дворянами, 4,2% были детьми личных дворян, 0,6% — выходцами из духовенства и лишь 1,3% — разночинцами. На первый взгляд это противоречит известной ленинской характеристике второго этапа истории революционного движения в России, как этапа разночинского или буржуазно-демократического. Однако все встает на свое место, как только мы познакомимся с данными об имущественном положении участников движения: 69% из них вовсе не владели недвижимостью, а из остальных многие были владельцами очень небольших, часто нераздельных имений, которые никак не могли служить источником существования для всех совладельцев. Таким образом, революционное движение в армии, в связи с падением крепостного права, также становилось разночинским, только, в отличие, например, от студенческого движения, в нем получили преобладание разночинцы, происходившие из деклассирующегося дворянства. Это было естественным следствием того, что царизм допускал в офицерский корпус почти исключительно дворянство.

Десятилетие с 1856 по 1865 г. — весьма существенный этап в истории русско-польских революционных связей, а опыт военных организаций этого периода — важная составная часть того наследства, тех традиций, которые эта эпоха оставила последующим поколениям революционеров. Именно в это время существование русско-польских, точнее — российско-польских многонациональных организаций превратилось из исключения в правило. Именно в этот период жизнь выработала практику двойного и тройного членства, которая получила распространение и среди армей-

⁶⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. т. 21, стр. 261.

⁷⁰ На территории Царства Польского в революционное движение было вовлечено около 25% офицеров в стрелковых батальонах, примерно 15% — в артиллерии и инженерных войсках, 6% — в пехотных полках и около 4% — в кавалерии.

⁷¹ Приводимые здесь и ниже общие цифры получены в результате подсчетов по составленному автором биографическому словарю участников движения.

ских революционеров. Будучи организационным выражением принципов интернационализма, эта практика, наряду с другими завоеваниями общественного движения 60-х годов, вошла в сокровищницу революционного опыта.

На протяжении веков русская армия являлась надежной опорой царизма и служила важнейшим средством сохранения социального, национального и религиозного гнета. Самодержавие и власть эксплуататорских классов оказались свергнутыми под напором масс только тогда, когда армия и флот перестали быть послушным орудием в их руках, когда значительная часть военнослужащих перешла на сторону революции. Этому предшествовали весьма существенные социально-экономические сдвиги и длительная самоотверженная борьба революционных сил.

Революционеры 60-х годов добились заметного расширения круга борцов с царизмом, но не смогли завоевать солдатские массы на сторону революции. Эта задача оказалась по плечу лишь большевикам, которые в дни Великого Октября опирались на марксистско-ленинскую теорию и творческое освоение революционного опыта предшествующих поколений. «Революционные движения наших народов,— говорил Владислав Гомулка, обращаясь к делегатам XXII съезда КПСС,— объединяют глубокие и замечательные традиции братства и солидарности»⁷². Эти слова — достойный памятник самоотверженным борцам за русско-польский революционный союз, среди которых почетное место занимают армейские революционеры эпохи падения крепостного права.

⁷² В. Г о м у л к а. Речь на XXII съезде КПСС.— «Правда», 1961, 20 октября.

ИСТОРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЮРИЯ КРИЖАНИЧА

Перед каждым, кто изучает литературное наследство Крижанича, встает вопрос — имеет ли этот ученый хорват, представитель западной образованности, отношение к русской историографии?

Юрий Крижанич — фигура чрезвычайно сложная¹. Он — эрудит; его произведения поражают знаниями в области античной и средневековой истории, а также знакомством с современной ему жизнью. «Недавно я отчасти с послами, отчасти с купцами большую часть Европы объездил. Я ведь был в Париже, Лондоне, Венеции, Вене, Амстердаме и во многих других известных городах Европы. И куда бы я ни приезжал, я стремился подражать тому, достойному похвалы греческому герою Улиссу, которого прославил поэт Гомер за то, что он видел обычаи многих людей и их города»².

Крижанич — убежденный католик, и это накладывает отпечаток на его суждения. Он пространно доказывает, что католицизм есть правоверное учение, его ненависть к немцам также обусловлена резко отрицательным взглядом на них как на протестантов. Оценивая сочинения иностранцев о России, он снисходителен к католикам — Герберштейну, Поссевину и др., но весьма суров к протестантам — Олеарию, Петрею и др., которые, привыкнув к «оговору и лаянию» против католиков, стали писать и о России «оговорные, ущипливые, шутские (шутовские), наругательные книги».

Самого Крижанича нельзя поставить в один ряд с иностранцами, писавшими о тогдашней России. Он прожил на русской земле два десятка лет, многие его произведения посвящены России, а задачи, которые он себе ставил, не имеют ничего общего с задачами стороннего человека. Он, хорошо знавший дурное, высокомерное отношение западных людей к России, приехал, чтобы рассказать русским людям, почему и как другие народы худо говорят о России³. Он приехал, чтобы развернуть перед Рос-

¹ Г. В. Плеханов. История русской общественной мысли, т. 1, М., 1919, стр. 286—304; В. И. Пичета. Крижанич и его отношение к русскому государству. — «Славянский сборник», М., 1947, стр. 202—240; А. Л. Гольдберг. Историческая наука о Крижаниче. — «Ученые записки ЛГУ», 1949, № 117, стр. 84—119; его же. Крижанич о русском обществе XVII в. — «История СССР», 1960, № 6, стр. 71—84; его же. «Идея славянского единства» в сочинениях Крижанича. — «Труды ОДРЛ Института русской литературы АН СССР», т. XIX, 1963, стр. 373—390; Б. Д. Дациук. Юрий Крижанич. М. 1946; Л. Н. Пущкарев. Об оценке деятельности Крижанича. — «Вопросы истории», 1957, № 1, стр. 77—86; Л. М. Мордукович. Философские и социологические взгляды Крижанича. — «Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР», 1963, № 36, стр. 59—84; П. П. Епифанов. Происки Ватикана в России и Ю. Крижанич. — «Вопросы истории», 1953, № 10, стр. 18—36; С. А. Белокуров. Крижанич в России. М., 1903; В. Е. Вальденберг. Государственные идеи Крижанича. СПб., 1912 и др.

² «Из рукописного наследства Ю. Крижанича». Публикация Л. М. Мордуковича. — «Исторический архив», 1958, № 1, стр. 171.

³ «Русское государство в половине XVII века.» Рукопись времен царя Алексея Михайловича. Открыл и издал П. Безсонов. Ч. 2. М., 1860, стр. 8.

сией свою программу, рассказать, что́ России следует делать, чтобы поравняться с «европскими» народами. Он указывал на ее сильные стороны, но был беспощаден к ее недостаткам; вся эта критика велась с единственной целью — указать России на ее отсталость, понудить ее двинуться вперед, стать передовой страной, какими являются страны Запада. С прогрессом России он связывал прогресс всего славянства, для которого Россия должна стать ведущей страной. И естественно, что человек, писавший о России и для России, человек, который для этого «труд мног есмь поднял», должен занять свое место в русской исторической науке.

Это двойственное положение Крижанича, связанного и с Западом, и с Россией, создавало возможность двух крайних оценок его деятельности. Трудно указать фигуру в русской историографии, которая вызывала бы столь противоположные мнения ⁴. Еще в дореволюционной русской исторической литературе ⁵ родился взгляд на Крижанича как на реакционную фигуру засланного в Россию папского прислужника. Этот взгляд нашел своих продолжателей и в советской историографии ⁶. Но если сторонники этой точки зрения видели в Крижаниче реакционера и паписта, то исследователи, придерживавшиеся другой крайней оценки его, считали Крижанича буржуазным просветителем, создавшим антифеодалную теорию преобразования России ⁷. Оба этих взгляда одинаково неверны — считать Крижанича буржуазным реформатором так же далеко от истины, как и видеть в нем папского соглядатая. В этом убеждает анализ его концепции.

1. МИРОВОЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС И РОССИЯ

Крижанич нас интересует, прежде всего, своей исторической концепцией, которую он строит, отталкиваясь от известной теории четырех монархий. Крижанич, исходивший в своих социологических построениях из «промысла божия», считает существование этих огромных монархий явлением закономерным; он доказывает, что бог создал крупные государства для того, чтобы «с их помощью принудить к умеренности и скромности насильников и людодерцев и гордые роскошествующие города и чтобы защитить слабый люд от могучих злодеев, чтобы установить скромность, справедливость, мир и благие законы» ⁸. Этому взгляду он придает значение закона мировой истории, ибо «бог создал и предназначил для умирения высокомерных тиранов и роскошествующих городов не только эти четыре королевства — Ассирийское, Персидское, Греческое и Римское, но... и все остальные, какие есть на земле великие, могущественные и знаменитые королевства. Чтобы мир, справедливость и законность сохранились на свете и добром и силой» ⁹.

Но Крижанич выступил решительно против того расширительного толкования теории четырех монархий, которое существовало на Западе, когда Империя Карла Великого, а затем Священная Римская империя германской нации объявлялись прямыми преемниками Римской монархии. Та-

⁴ См.: А. Л. Гольдберг. Историческая наука о Крижаниче; Л. Н. Пущкарев. Там же.

⁵ М. И. Соколов. Новое открытие сочинения Юрия Крижанича. Материалы и заметки по старинной славянской литературе, вып. 2. СПб., 1891; С. А. Белокуров. Юрий Крижанич в России. М., 1901, и др.

⁶ П. П. Епифанов. Там же.

⁷ Л. М. Мордухович. Антифеодалная концепция Ю. Крижанича. — «Краткие сообщения Института славяноведения», 1958, № 26, стр. 25—49.

⁸ Ю. Крижанич. Политика. Подготовил к печати В. В. Зеленин, перевод и комментарии А. Л. Гольдберга, под ред. акад. М. Н. Тихомирова. «Наука», 1965, стр. 657. В дальнейшем — «Политика».

⁹ Там же.

кое толкование резко противоречило концепции Крижанича. В таком виде теория четырех монархий не оставляла места для славян; больше того, эта теория в руках Священной Римской империи с ее политикой «Drang nach Osten» оборачивалась против славян, против России.

Стараясь избежать противоречий с пророком Даниилом, у которого говорится о четырех древних монархиях, Крижанич дает свое толкование библейским мотивам, а главное, он пускает в ход чисто исторические соображения. Во-первых, ни одна из упоминаемых в этой теории монархий — ни Ассирия, ни Персия, ни Греция Александра Македонского и ни Рим — не была всемирной монархией, ибо «ни одному из этих королевств бог никогда не давал власти над всем светом». Во времена Римской империи существовало не мало государств — Индия, Китай, Эфиопия, Скифия и др., — которые «никогда не были под властью римлян». Во-вторых, уже на развалинах Рима существовали такие крупные государства, как Византия и Франкское государство; сам факт их существования говорит о том, что времена Римской империи безвозвратно миновали. Рядом с ними и после них существовали также крупные государства — Испания, Татарская империя, Турция, Россия, Польша и др., каждое из которых по своей мощи не уступает Риму. Тем более это относится к русскому государству.

Так трактует Крижанич теорию четырех монархий. Главная цель, которую он здесь ставил, — ограничить значение Римской империи для мировой истории исключительно рамками римской истории и тем самым расчистить путь для главной своей идеи — обосновать значение славянства и его оплота — России. Это определяло отношение Крижанича к историческим концепциям, господствовавшим в России. Основным мотивом этих концепций, как известно, было осветить власть московских царей авторитетом древнего Рима. А это было как раз той идеей, против которой ополчался Крижанич, потому что это являлось признанием значения Римской империи и в последующие эпохи. Теория «Москва — третий Рим» основывалась на авторитете Византии, а мотивом, который был пущен в ход, являлась присылка царских инсигний византийским императором Константином Мономахом киевскому князю Владимиру Мономаху. Крижанич решительно выступил против этого мотива как несовместимого с достоинством России. «Когда Мономах прислал к нашему Владимиру знаки царского достоинства и сделал его царем, Владимир прекрасно бы сделал, если бы эти знаки послал назад к Мономаху и отвечал бы: — Ты меня творишь царем русским, а я тебя творю царем греческим»¹⁰.

Но с наибольшей яростью обрушивается он на теорию о происхождении московских царей от Августа. Это была теория, которая имела хождение в современной Крижаничу России. Ответственность за распространение этой теории Крижанич возлагает на царя Ивана Грозного. Он сравнивает этот факт с другими фактами подобного рода, известными в истории. Александра Македонского объявляли потомком Зевса, а по линии матери — Ахилла; эту версию Крижанич называет «крайней глупостью» и ложью «ядовитых ласкавцев». Предком Августа Virgilius объявляет троянского героя Энея. Вместо прославления люди, по убеждению Крижанича, «хулят и срамотят» Августа. Велика ли честь для римского повелителя происходить от какого-то беглеца, не умевшего защитить собственный город. К тому же сам Эней считался сыном блудливой богини Афродиты. Этому Крижанич противопоставляет добрую традицию древних афинян считать своим родоначальником не какого-нибудь пришельца, а коренного жителя своего города. Куда почетнее быть «домородником, чем приходчиком». И Крижанич считал для Грозного весьма зазорным

¹⁰ «Русское государство в половине XVII века», ч. 2. М. 1860, стр. 295.

объявлять себя потомком Августа — язычника и человека столь сомнительного происхождения. Кроме того, Крижаничу, превосходно знавшему античную историю, не составило большого труда доказать, что Грозный никак не мог быть потомком Августа.

С мифом об Августе было связано сказание о Гостомысле и призвание варягов. Крижанич был первым в историографии, кто объявил Гостомысла легендарной личностью. О Гостомысле, подавшем совет призвать варягов, ничего не известно, ибо «никто не знает ни отца, чьим сыном был Гостомысл, ни времени, когда он правил, ни дел никаких, которые он делал. Осталась только эта написанная о нем повесть, для которой и придумано это имя „Гостомысл“ — тот, кто замыслил пригласить на Русь гостей. Сам сочинитель думал тогда о гостях и, размышляя, как назвать выдуманного им советчика, назвал его Гостомыслом»¹¹. Само призвание варягов Крижанич считает легендой, обычной попыткой прославить своего князя, как это бывало и в других странах. Легенда о призвании варягов, как полагает Крижанич, родилась в то время, когда потребовалось прославить деяния князя Владимира; его родословную и повели от варяжских князей, поскольку предков обычно искали в других землях.

Отвергает Крижанич и другую популярную в то время легенду — о даровании славянам их территории Александром Македонским, попавшую, например, и в одно из изданий «Синописа». По словам Крижанича, авторы этой басни не подумали о том, что Александр не имел никакого права распоряжаться землей, которая ему не принадлежала. Пора бы знать, что «мы, русские, никак не менее, чем древние афиняне, можем называть себя автохтонами, местными уроженцами»¹².

Таким образом, Россия — страна с автохтонным населением, прошедшая путь самостоятельного исторического развития. Всякие попытки поставить ее историю в связь с Византией или Римом — исторически беспочвенны, а сказания на эти сюжеты — пустые легенды. Подобные исторические басни приносят России только вред. Этим Крижанич решительно отрицал созданные в России исторические концепции, ставившие ее в зависимость от Запада.

2. ПРОБЛЕМА РОССИИ И ЗАПАДА

Таково прошлое России. Но каково ее настоящее и что ей нужно делать для своего будущего? Россия занимает промежуточное положение между Востоком и Западом, между греками и немцами; греки — наследники Византии — тянут Русь к старому, немцы являются сторонниками нового, но и православные греки и протестанты немцы в одинаковой мере не внушают Крижаничу симпатии, оба этих народа «как будто сделали клятвенный заговор на нашу гибель». Но греки, т. е. проблема России и Востока, Крижанича не интересуют. Его глубоко волнует проблема России и Запада, поэтому он постоянно говорит о немцах. Решение этой проблемы он начинает со сравнения России с Западом. Одна из главных задач политика, по его мнению, уметь сравнивать жизнь своего народа с жизнью других народов, выяснить, «в чем наше житие может считаться беднее, а в чем славнее жития соседних народов... познать силу и слабость нашу: в чем мы сильнее и в чем слабее того или иного народа»¹³.

Это сравнение, по Крижаничу, явно не в пользу России. Западные народы превосходят нас во всех отношениях. Они, прежде всего, богаче нас. «В одной Германии, по крайности, есть 20 городов, да столько же дру-

¹¹ «Политика», стр. 625—626.

¹² Там же, стр. 622.

¹³ Там же, стр. 462.

гих в одной Франции, таких городов, из которых в каждом найдется больше золота, серебра и драгоценных камней, чем в целой Руси»¹⁴. Немцы «плавают и торгуют по всему миру да и земли их богаты рудниками, нивами и т. д., между тем, как на Руси не то»¹⁵. Не могут русские соперничать с немцами также «в рукоделиях и ремеслах... потому что во всяком художестве они превосходят нас без сравнения»¹⁶. Не можем мы с ними равняться и «в пространных разглагольствованиях и трактатах... как скоро мы допускаем их к таким трактатам, они всегда нас проводят и одолевают»¹⁷.

Правда, у России есть и свои преимущества. В природном отношении это — обилие речных путей, обилие леса для постройки флота, а также безопасность границ. Война России с Польшей за воссоединение с Украиной не укладывалась в концепцию Крижанича о единстве славянства, он не понимал эту войну, считая ее чем-то вроде исторического недоразумения, и доказывал, что границам России никто не угрожает, за исключением крымцев и, может быть, шведов.

Однако отсталость России сводит на нет эти преимущества. Земля наша бедна ископаемыми, в России долгая зима, холодное лето, страна слабо заселена. В результате она производит мало товаров, имеет слабую торговлю, а это ведет к зависимости от соседей. Русские люди вынуждены учиться у других стран. Но от иноземцев больше худа, чем добра. У чехов и поляков немцы заселили Моравию, Поморье, Силезию, Пруссию. В России также установилось засилье немцев. Они всячески поносят русских в своих книгах. «И вся Европа им в том верит, и народ наш повсюду подвергается злейшему презрению»¹⁸.

В России, согласно Крижаничу, самая лучшая форма правления — неограниченная монархия. Но монархия «легко навлекает на себя ославу тиранства». Это случилось и в России. «Круто владение» здесь заведено «людодерцами» Иваном Грозным и Борисом Годуновым. Крижанич рисует ужасающую картину политического состояния России, разоренной подавляющими, когда царские чиновники «грабят несчастных подданных и не опускают ни одного способа для их ограбления»¹⁹. В России процветает взяточничество, чиновники «продают правду». Здесь свирепствуют суды. «Нигде на всем широком свете короли не получают ни корысти никакой, ни дохода от судов, только здесь на Руси возник этот безбожный, людодерский и уничтожающий справедливость закон»²⁰. В России «всякое место полно кабаков и монополий, и запретов, и откупщиков, и целовальников, и выемщиков (сборщиков податей), и таможенников, и тайных доносчиков, так что люди повсюду и везде связаны и ничего не могут сделать по своей воле и не могут свободно пользоваться тем, что добыто их трудом и потом»²¹.

Виной всех этих «беззаконных законов» является тирания. Она, в частности, находится в числе главных причин, обусловивших малолюдность России. Этот вывод Крижанич подтверждает опытом мировой истории. В Турции из-за тиранического правления многие плодородные поля лежат невспаханными. То же происходит и в Испании. Греция была населенной страной, но под турецким владычеством стала превращаться в страну с

¹⁴ «Русское государство...», ч. 2, стр. 161.

¹⁵ Там же, стр. 161—162.

¹⁶ Там же, стр. 163.

¹⁷ Там же, стр. 161.

¹⁸ Там же, стр. 157.

¹⁹ «Политика», стр. 583—584.

²⁰ Там же, стр. 585.

²¹ Там же, стр. 587.

редким населением. Зато у немцев другая картина. Несмотря на то, что много людей там уходит в чужие страны в наемники, несмотря на то, что немцы ведут между собой частые войны, все же «дома их остается несметное множество и земля есть везде густо обсеелена». Одна из главных причин этого — «повольно, не тиранско владание». Все это создает русской монархии «худую славу жестокости или тирании и отпугивает людей нашим правлением»²².

Так выглядит Россия в глазах Западной Европы. К этому прибавляется клевета врагов-иностранцев; «я прочел много книг, которые содержат ложь о нашем славянском народе... И из тех писателей, которых я прочел, большая часть пишет о нас не историю, а как бы сатиру или пасквиль. Ничего хорошего, но только плохое о нас рассказывают. Они изображают и описывают нас с величайшей ненавистью... Более того, они изображают нас еще худшими, чем были бы легендарные циклопы, кентавры и лэстригоны. Такая клевета, такое позорное бесчестие и такая всеобщая ненависть и поношение представляются мне непершимым злом»²³. С этим нельзя мириться, об этом нельзя молчать.

И Крижанич выступает с проектом реформ хозяйственной и политической жизни России, чтобы страна могла стать вровень со странами Запада, что, собственно, и составляет его главную цель. По его понятиям, страна бывает богатой, если в ней есть золото и всякие товары. Еще более богата страна, если в ней «процветает всякое ремесло и земледелие и великая морская торговля, как это происходит в Английской и Брабантской землях»²⁴. Но самым богатым и счастливым можно считать то государство, в котором при всем этом «имеются еще и хорошие законы, как это мы видим во Французском королевстве»²⁵. Из этого следует, что критерием богатства и процветания государства для Крижанича являлся не только уровень экономического развития страны, но и ее политический строй. С этой точки зрения высшим идеалом для него являются не Англия и Голландия (Брабантская земля) — страны, в которых уже свершились буржуазные революции, — а Франция Людовика XIV, страна, где безраздельно господствовало дворянство, что являлось образцом для дворянства всей Европы.

Это не случайно, это — один из главных устоев всей исторической концепции Крижанича. Земледелие для него «есть корень и основа всего богатства», ибо земледelec «кормит и обогащает и себя и ремесленника, и торговца, и боярина, и короля»²⁶.

Сословие, господствующее в земледелии, — князья, бояре и дворяне, — является для него главным сословием в государстве и главной опорой самодержца. Кстати сказать, сам Крижанич причисляет себя к людям «знатного сословия (которые от имени царя управляют народом)»²⁷. Положение феодалов по идеальному законодательству Крижанича, которое он излагает устами самого царя, определяется следующим образом: «И да будете навеки свободны от всяких холопских тягот и работ, от дани, налога, сборов, (поставки) подвод, земледелия, ремесла и от всяких холопских черняческих и посадских дел и рукодельных промыслов. Вы будете также свободны от сторожевой службы и от всяких тяжелых воинских дел в мирное время»²⁸. Все именитые люди освобождаются от наказания кнутом, батогами и другого «остудного кажнения». Только князья имеют право

²² «Русское государство...», ч. 2, стр. 48.

²³ «Из рукописного наследия Ю. Крижанича», стр. 172.

²⁴ «Политика», стр. 382.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же, стр. 406.

²⁷ «Из рукописного наследия Ю. Крижанича», стр. 172.

²⁸ «Политика», стр. 603.

владеть городом, только бояре могут владеть поместьями. Только княжеским и боярским детям, наряду с детьми профессиональных чиновников, «должно быть дозволено учить греческий и латинский язык, чтобы знать народную историю, и философию, и политику. А другим трудным и неблагородным наукам, то-есть, науке счета, звездочетию, землемерию и врачеванию пусть учатся посадские и бедные боярские сыновья столько, сколько их будет нужно для королевства»²⁹.

Вольности феодалов не должны нарушать прав самодержца, иначе государство грозит распад, как это случилось в Германии и Польше, но задача состоит в том, чтобы сочетать самодержавие с вольностями господствующего сословия. Там, где эти вольности имеются (Франция, Испания), никакой опасности королям не грозит. Там же, где феодалы лишены своих свобод, король остается один на один с простым народом и его положение становится шатким. В позднем Риме, у турок и т. д. самодержец являлся игрушкой в руках войска. «А такое глуподерзие все идет от того, что у бояр нет той силы и крепости, которая могла бы обуздать черных людей и удерживать их от бешеных поступков»³⁰.

Единственной общественной обязанностью каждого представителя господствующего сословия является государственная служба. Не несущий службу царю феодал, по мнению Крижанича, выпадает из своего сословия, а следовательно не приносит пользы ни России, ни славянству. К таким Крижанич неумолимо суров, он именует их «хлебогубцами» и «сарданапалами». Эти люди ничего не делают для своего народа, «ни руками, ни дуמוю, ни потом или кровью, но пот и кровь других пожирают и совершают множество общественных преступлений», поэтому такие «бесполезные животы» должны лишаться всяких прав в собственной стране и даже изгоняться вовсе, ибо божественный закон учит: «Кто не трудится, да не ест»³¹.

В одном ряду с феодалами стоит духовенство, так как оно дает людям «духовный корм». Вместе с феодалами оно является сословием привилегированным, избавленным от всяких обязанностей, за исключением церковных. Кроме феодалов и церковников, в государстве есть еще «мудростные учительники» — художники, рудолейцы (литейщики), грамматикки, историки, математики, астрономы, философы и т. д.

Этим сословиям противостоят «черняки» — земледельцы, ремесленники и торговцы. Оценивая значение «черняков» в целом, Крижанич подчеркивал, что «самыми многолюдными и богатыми бывают те державы, где лучше всего развиваются эти промыслы черных людей, как мы видим, происходит в Голландской и Французской землях (но мы не должны гнаться за ними в стремлении угодить народу, ибо при любом способе правления у нас это невозможно)»³².

Сословиям черных людей Крижанич уделяет неодинаковое внимание. Лишь мельком он говорит о крестьянстве и притом в самом неожиданным тоне: «Милости, оказанные нами крестьянам и земледельцам, всегда были велики, — говорит русский царь авторской волею Крижанича. — Ведь всем известно, что в нашем королевстве крестьяне устроены гораздо лучше, чем в некоторых соседних странах, где боярские люди и воины безнаказанно обижают земледельцев. А у нас такого обычая не водится. И эти исстари обычные милости, оказанные нашим кметам и всем земледельцам и селянам, мы подтверждаем на будущее и повелеваем, чтобы никто не смел

²⁹ «Политика» стр. 606.

³⁰ Там же, стр. 599—600.

³¹ «Русское государство...», ч. 2, стр. 25.

³² «Политика», стр. 560.

сельских людей никоим образом притеснять и обижать и обременять их работами или тяготами без нашего указа»³³. Иначе говоря, Крижанич считает, что на Руси крестьянам всегда жилось «много лучше», чем в других странах, и законодателю только остается «из старины обычные милости» закрепить и на будущее.

Неожиданным это звучит потому, что в своем понимании общества Крижанич исходит из тезиса — человек отличается от животного наличием разума и наличием рук, которыми он может «изделать мудростные или умельные дела». Казалось бы, благодаря этому тезису концепция Крижанича должна была бы прийти в противоречие с крепостным правом, тяготевшим над основной производительной силой тогдашнего русского общества — крестьянством. Но в своих пространственных рассуждениях о современной ему России Крижанич не только не поднимает голоса против крепостного права, но считает, что крестьянство в России находится в гораздо лучших условиях, чем в других странах. Единственно, что его заботит, это то, чтобы благоденствующего русского крестьянина никто не смел «изобижать» без царского соизволения, что стоит в прямой связи с его идеями абсолютизма.

Однако ничего неожиданного в таком отношении Крижанича к крепостному праву нет. Стоит вспомнить его отношение к «рабству». Термин «рабство» он понимает несколько расширительно, разумея под ним подчинение вообще, но под этим термином скрывается, прежде всего, отношение Крижанича к крепостному праву. «Моисей предложил о рабстве учение и Павел заповедал его и все благочестивые императоры римские допускали его. Разумное же основание к тому есть порча человеческой природы... поелику вследствие испорченной природы люди не могут быть введены в область благой деятельности без принуждения силой и рабством; и в делах политических не сделано и не может сделаться ничего отменного без рабства»³⁴. Как видим, рабство людей, по убеждению Крижанича, установлено священным писанием, освящено разумом и подтверждено опытом истории. Если к этому прибавить ту роль, которую Крижанич отводит в обществе феодальному господствующему классу, то увидим перед собою типичного дворянского просветителя, которому претила отсталость, азиатчина русского феодализма, но который вовсе не покушался на самый феодализм, он лишь хотел придать ему «европейские» формы.

Это подтверждается и его отношением к другим категориям «черняков». Крижанич решительно за развитие ремесла. «Благодаря ремеслу богатеет страна и наполняются города. Если бы делать дома все те товары, что мы покупаем у немцев и которые можно было бы сделать на Руси, в этой стране жило бы на много тысяч людей больше, чем живет их ныне, и казна имела бы большую прибыль, и города стали бы многолюднее, и все царство было бы сильнее»³⁵. Ратует он и за дарование ремесленникам необходимых привилегий; в этом его убеждает опыт других стран. Лучше всего ремесло развито у немцев. «А причина здесь в том, что у них имеются привилегии и законы, поощряющие развитие ремесел»³⁶. Цеховой строй обеспечивает там как развитие ремесла, так и права ремесленников: «...никто не смеет обижать и насильно гнать их на работы. Ни один правитель не принуждает их работать на него даром»³⁷. Крижанич за то, чтобы ввести цехи и в России.

³³ «Политика», стр. 613.

³⁴ «Русское государство...», ч. 2, стр. 69.

³⁵ «Политика», стр. 406.

³⁶ Там же, стр. 399

³⁷ Там же, стр. 400

Но что отсюда следует? Идеалом Крижанича является цех, типичная феодальная организация. Он существует в рамках феодализма, он не ломает эти рамки, не выходит за их пределы. Дальнейшему развитию производства цех с его порядками, с его регламентацией производства, являлся помехой. Не случайно Крижанич проектирует развивать в России ремесло при помощи чисто феодальных методов. Чем, как не феодальным надзором и регламентацией производства, являются предлагаемые им меры, с той лишь разницей, что в условиях России большая роль во всем этом отводится самому феодальному государству. Если чей-нибудь «раб» имеет несколько сыновей, то одного из них он обязан отдать в ремесленники. Если тот овладеет мастерством «трудных и уметельных вещей», то ему давать свободу. Если же он окажется плохим мастером, то он остается во власти своего господина и может выкупиться только собственными средствами. Есть и другой способ обеспечения ремесла рабочей силой, это — хватать нищих и всякий праздношатающийся народ, ибо «безделие и праздность — враги ремесла»³⁸.

Крижанич предлагает установить контроль за качеством изделий. «Надо дать приказ пазорам и дружинам ремесленников, чтобы они следили за всеми орудиями, посудой и одеждой, выставленными на продажу, и указывали, если что нечисто, дурно или некрасиво сделано»³⁹. Под страхом смертной казни запретить ремесленникам продавать за границу сырье и т. д.

Крижанич много говорит о торговле. Для развития торговли Россия, наряду с условиями благоприятными, имеет и условия неблагоприятные. Опоясанная с севера Студеным морем, с востока и юга — народами, с которыми «никакова торгования быть не может», на западе связанная с внешним миром только через Архангельск, Новгород и Псков, Россия «мало торговищ имеет». Она не располагает нужным количеством золота и товаров; ее дороги малопроезжи, ее люди неискусны в торговле, а ее торговцы «арифметике и чисельным наукам» не учатся; в стране установилось засилье иностранных купцов, которые разоряют русских людей.

Какой выход? Для Крижанича торговля — это, прежде всего торговля внешняя, отсутствие торговли ведет к иностранному засилью, поэтому торговля в России, как и горное дело, должна стать общегосударственным делом, а возглавить торговлю должен сам «краль». Торговля в таких масштабах и во имя общегосударственных интересов почетное занятие и является прямым королевским делом. Одной из главных задач государственной власти является создание «торговищ»; Крижанич называет места, где должны быть созданы торговые центры, при этом снова имеется в виду внешняя торговля — с Индией, Персией, Турцией и Украиной. Развитие торговых путей должно преследовать ту цель, чтобы «через наши руки проходили бы товары от народов к народам, и тем бы неизговорно обогатела казна господарская и весь народ». Тогда иноземным торговцам «не будет здесь чего делать». Таким образом тезис Крижанича о государственной торговле подчинен его главной цели — поставить Россию в один ряд со странами Запада.

Что же касается политического значения торгового сословия в России по сравнению с дворянством, то здесь Крижанич приравнивает купцов к «хлебогубцам» и «сарданапалам». Купцы, по его решительному мнению, «ни руками, ни думою не трудятся, не проливают крови за народ. Не возделывают полей, не куют железа, не бодрствуют в соборах (думах), не отправляют суда и расправы, не несут посольских обязанностей, не водят войска и не служат в нем. Но существуют только для самих себя, заня-

³⁸ «Политика», стр. 403

³⁹ Там же.

ты одною только торговлею, промыслом менял и процентчиков, монополией и собиранием имущества. И будучи, таким образом, праздно, бесплодны и совершенно бесполезны, сами однако сгребают к себе большую часть народных богатств и пожирают тук земли; а что всего нетерпимее, в отечественном управлении предъявляют притязания на лучшие права и хотят, чтобы имели к ним преимущественное уважение»⁴⁰. Когда речь заходит о том, что кушцы «сгребают большую часть народных богатств», и, что особенно возмутительно, «в отечественном управлении предъявляют притязания на лучшие права», Крижанич, так заботившийся о развитии торговли, начинает смотреть на торговое сословие как на тунеядцев и опасных людей.

Таков взгляд Крижанича на реформы социального строя России. Все это завершается провозглашением незыблемости русского абсолютизма. Свой взгляд на монархию он старается обосновать ссылками на историю — он считает, что у всех народов монархия исторически предшествовала всем другим формам правления, «законы же аристократии и могущество (или лучше неистовство) черни подкрались и подняли голову после, вследствие пороков и порчи нравов»⁴¹. Задача главной науки — политики — состоит в том, чтобы охранять абсолютную монархию и в настоящем. Как против церкви недопустимы ереси, так и против власти самодержца недопустимы ереси политические, ибо эта власть — результат «божьего законоставия».

Но Крижанич не ограничивается этими общими положениями. Он разрабатывает целый регламент отношений абсолютного монарха со своими подданными и, прежде всего, с господствующим сословием. Обязанность самодержца — наделить каждое сословие соответствующими правами. До сих пор в России не было свобод — княжеские междоусобицы, татарское иго, «крутосердый Иван Грозный», Смута — все это не способствовало процветанию свобод. И только теперь, при царе Алексее Михайловиче, пришло время даровать их. Крижанич говорит устами царя: «Мы рассмотрели и разобрали законодательство разных королевств — Греческого, Французского, Испанского, Немецкого, Польского — и те законы, что сочли хорошими и пригодными, и надобными для нашего королевства, хотим вам щедро даровать»⁴².

Но не повредят ли дарованные свободы принципу единодержавия? Во-первых, не всем следует давать свободы; их нельзя давать еретикам, злодеям, кочевым народам (кобыльникам), иностранцам, торговцам и бездельникам, которых он объединяет термином «негодные». Свободы должны предоставляться только «добро-заслуженным», а это те, кои «проповедают и приносят богочестие... приносят кровь и пот свой на общее народное благо... за отечество жнуряют себя думами и бдением... ускоряют себе старость заботами и беспокройствами»⁴³. Во-вторых, эти свободы должны быть неодинаковы для разных сословий; недопустимо, чтобы «нисшие перемешивались с высшими или недостойные с достойными», нужно, чтобы «никто не входил и не втирался в то состояние, в коем он не может состоять с достоинством»⁴⁴. В-третьих, предоставляемые свободы должны быть умеренными и «совмещаться с монархическим и государственным нашим правом»⁴⁵.

⁴⁰ «Русское государство...», ч. 2, стр. 28—29.

⁴¹ Там же, стр. 69.

⁴² «Политика», стр. 597. Характерно, что среди стран, политический строй которых изучается как положительный опыт для России, постоянно отсутствуют Англия и Голландия.

⁴³ «Русское государство...», ч. 2, стр. 42.

⁴⁴ Там же, стр. 77.

⁴⁵ Там же, стр. 20.

Рассматривая привилегии феодального сословия, мы уже видели, что привилегии эти огромны, но ни одна из них не затрагивает сферы центральной власти. Абсолютистские принципы Крижанич проводил со всей последовательностью, он решительно против аристократического правления. Своеволие аристократов он считал бедствием Польши; Германию он считал страной анархии. Крижанич наотрез отказался видеть в Венеции идеал аристократических вольностей; «...это обман, ибо в республике венецианской больше монархии, чем вашей анархии. Там дож пожизненный и его обязанность блюсти ненарушимость законов... и все они ограничивают вольность знати, а не ослабляют ее»⁴⁶. Но если Крижанич своеволие аристократии считал «злой свободой», то тем с большей яростью он ополчался против «необузданной вольности» народа.

В этой связи его постоянно беспокоят свободолюбивые идеи, идущие с Запада, под особым подозрением у него немцы с их реформацией; они «сперва заразили целую Европу своими правами, а после значительную часть ее ересями... После разрушения дисциплины, за разнузданной свободой и роскошью в нравах с совершенной необходимостью следует ересь»⁴⁷. Поэтому, говоря о заимствовании исторического опыта Западной Европы, Крижанич очень опасается, как бы вместе с ним не занести на Русь «необузданную вольность, которую они зовут более почетным именем — свободами»⁴⁸. Он доказывает, что «всякий благоразумный человек... должен бы себе желать скорее жить под строгим, чем распушенным правлением»⁴⁹, и что «некоторые привилегии и некоторые почести, имеющиеся в Европе, не похвальны, но скорее весьма вредны и противны всякому благу народа, а посему не должны быть предметом желаний, но скорее предметом проклятий»⁵⁰.

Особое место в концепции Крижанича занимает вопрос об иностранцах. Задача, которую он преследовал, состояла в том, чтобы избавить Россию от иностранного засилья. Чтобы отбить экономическое наступление иностранцев на Россию, Крижанич требовал запретить въезд иностранных купцов в Россию, лишить их права брать что-либо на откуп или заниматься промышленностью; «припусти к себе инородника и разорит тя», — таково было убеждение Крижанича; он считал, что лучше оставить свою землю пустовать, чем заселять ее иностранцами. Въезжать в страну можно разрешать только тем, в ком есть нужда — «Лекарей, толмачей, ликописцев, музыкантов и всяких ремесленников принимать, сколько будет надобно», но избавляться от них тотчас же, если «нашишцы» овладеют данным ремеслом. Его политические меры против иностранцев не менее решительны. Крижанич выступает против распространенного на Западе мнения, что Рим погиб по причине разврата и роскоши. Подлинной причиной гибели Римской империи он считает распространение прав римского гражданства на провинциалов — людей, чуждых римскому государству. Дело кончилось тем, что господство от римлян перешло к грекам. Константин перенес столицу в Константинополь и «греков, рабов сделал господами, а римлян, господ — рабами»⁵¹. Поэтому не нужно «принимать никаких послов без достаточных причин и как можно скорее отправлять их обратно. И своих никуда не посылать без серьезных причин»⁵². Внутри страны иностранцы лишаются права занимать должности, переходить в русское

⁴⁶ «Русское государство...», ч. 2 стр. 330.

⁴⁷ Там же, стр. 70.

⁴⁸ Там же, стр. 17.

⁴⁹ Там же, стр. 18.

⁵⁰ Там же, стр. 20.

⁵¹ Там же, стр. 103.

⁵² «Политика», стр. 643.

подданство, иностранца нельзя делать наследником престола, иностранные войска можно было вводить в Россию только для защиты законного государя и т. д. Славян Крижанич не считает иностранцами, и в своих правах они должны быть равны с русскими.

Не последнее место в рассуждениях Крижанича занимает проблема культуры, то, что он имеет мудростью. Мудрость не есть достояние каких-либо определенных народов; в разные времена она переходит от одного народа к другому. Народы, в древности славившиеся своей ученостью, теперь отстали, другие же, как, например, немцы, французы, итальянцы, ныне стали передовыми. Крижанич не раз горько сетует по поводу культурной отсталости России, но путь к культуре славянам не заказан, наступило время, когда они должны выступить на поприще овладения мудростью. Если евреи достигли вершин своего могущества при Давиде и Соломоне, греки при Александре Македонском, римляне в языческое время при Цезаре и Августе, а в христианское — при Константине, если могущество немцев началось с Карла Великого, то Россия, призванная возглавить славянский мир, должна вступить на эту стезю сейчас. «Значит, и нам надо учиться и надеяться, что под благородным правлением благочестивого царя и великого государя Алексея Михайловича мы сможем стереть плесень древней дикости, научиться наукам, завести более похвальные отношения (между людьми) и достичь более счастливого состояния»⁵³.

Обращает на себя внимание та роль, которую в этой связи Крижанич отводит русскому царю. Чтобы идти в ногу со своим временем, «краль» обязан изучать философию. Под философией Крижанич понимает как теорию, так и «книжную промышленную мудрость», т. е. всякую культуру и практические навыки, необходимые для управления государством, — однако он подчеркивает особое значение теории. Одного практического опыта, — говорит он, — далеко не достаточно, ибо он является достоянием лишь старого, долго прожившего на свете человека; кроме того, если ограничиваться только практикой, то чаще ошибаешься, а ошибаться королям нельзя — их ошибки губельны для народов. Теория изложена в книгах, вот их-то и обязан изучать русский «краль». Это тем более необходимо, что царь постоянно окружен льстецами, которые своими советами «на щету (вред) и на погибель ведут». Вместо таких советчиков царю надо иметь при себе одного или двух философов — они бы изучали книги, лучшие из них рекомендовали бы царю, в частности изучали бы опыт других стран. В России это особенно важно, так как здесь царские советники «книг политических и философских не понимают».

Наконец, большой интерес представляет взгляд Крижанича на внешнюю политику России. На втором месте после хозяйственной мощи государства стоит, согласно Крижаничу, сила. Сила государства выступает в двух ипостасях: сила внутренняя — доброе правление, народное согласие, благочестивый царь, удерживающий подданных от «духовного беззакония», и т. д., и сила внешняя — охрана государства от иноземцев. Что касается силы внешней, то Крижанич настаивает, чтобы Россия имела сильную, славянскую армию; в ее командном составе не может быть места чужеземцам; сильная армия совершенно необходима — каждый государь наслаждается миром, «покуда наслаждаться им допускает ему сосед его».

Куда должно быть направлено внимание России во внешней политике? Этот тезис подчинен у Крижанича его славянской идее. Западные славяне теснимы немцами, южные — турками и отстоять себя собственными силами не могут. Единственная сила, способная им помочь, это — Россия.

⁵³ «Политика», стр. 455.

На востоке и севере у нее нет причин для войны. На западе ей нужно мириться с поляками и вместе с ними противостоять шведам. Сорваться с поляками России нет смысла и в другом отношении — если шведы или немцы овладеют Польшей и Литвой, Россия получит куда более опасных соседей. Все усилия Россия должна сосредоточить на юге, против крымцев, поскольку они представляют постоянную угрозу. В этой связи Крижанич считает, что Крым должен быть завоеван, русскую столицу следует перенести на Перекоп. Это откроет дорогу освобождению южных славян, стонущих под игом Турции.

Вне этой задачи — освобождения славян — Крижанич не видит для России необходимости вести какую-либо иную наступательную внешнюю политику; «всякий король должен заботиться о мире и покое для своего народа, а воевать должен не всякий, если его не заденут»⁵⁴. России надо усвоить опыт мировой истории — расширять рубежи государства гораздо легче, чем их удерживать, хотя завоевания «боле людям в очи лезут и вящи шум и грохот творят». Судьба завоеванных Александра Македонского, Тамерлана, Батыя, Атиллы и др. показывает, сколь непрочны такие государства. Даже такие, казалось бы, более прочные государства, как созданные Юлием Цезарем, Константином, Карлом Великим, и те «злою смертию сгинули». С другой стороны, Афины времен Солона, Спарта времен Ликурга, Рим со времени Нумы Помпилия были прочными государствами. Город Венеция стоит «всегда цел». Причина прочности этих государств «доброе законоставие», а отсюда — прочное внутреннее состояние.

Поэтому задача России — заботиться о внутренней прочности государства. Иван Грозный, например, чрезвычайно расширил русское государство завоеванием Казани, Астрахани и Сибири, но он не скрепил его, и поэтому вскоре после его смерти Россия в Смуту едва не развалилась. Другими словами, Крижанич предлагает России проводить внешнюю политику в интересах всего славянства, а его реформы должны способствовать укреплению русского государства.

Такова историческая концепция Юрия Крижанича. Она свидетельствует, что религиозные мотивы не занимают в ней сколько-нибудь заметного места. Его церковным идеалом была уния католической и православной церкви. Несмотря на все его преклонение перед папским престолом и отстаивание им папской униатской идеи, вся его историческая концепция находится в резком противоречии со стремлениями папской курии. Если последняя намеревалась подчинить себе Россию и все славянство, то цель Крижанича была противоположной — он хотел, чтобы Россия и славянство были независимыми от турок и Запада, а их общественный строй и культура — на уровне западных стран.

Борясь с западным толкованием теории четырех монархий, борясь с русскими концепциями, ставившими Россию в зависимость от Рима и Византии, он решительно рвал всякую связь, исторически ставившую Россию в эту зависимость. Вся его программа реформ русского общественного строя и его ярая ненависть к иностранцам имели своей задачей сделать эту независимость реальной и обеспечить ее на будущее. Сама славянская идея, царившая над всеми историческими конструкциями Крижанича, стояла в непримиримом противоречии с целями папского престола. Все это совсем не похоже на программу папского соглядатая, прибывшего в Россию с планами ее подчинения папству и Западу.

Программа реформ, предлагаемая Крижаничем, преследовала цель ускорить историческое развитие России, поставить ее в один ряд с передо-

⁵⁴ «Политика», стр. 654.

выми странами Европы. Но далеко ли простирается эта программа? Является ли она программой, выводящей Россию за пределы феодализма? Сама программа Крижанича дает отрицательный ответ на этот вопрос. Идеал Крижанича — феодализм западноевропейского типа, пример, по которому должна равняться Россия, это — Франция Людовика XIV. Все его симпатии на стороне господствующего класса феодалов, а вся его концепция повернута против черного люда. Он освящает крепостное право авторитетом не только священного писания, но и разума. Все его реформы ремесла и торговли не выходят за рамки феодализма. Политических прав не получают не только ремесленники, но и торговцы, которые причисляются к тунеядцам и не могут претендовать на уважение в государстве. Абсолютизм, за который ратует Крижанич, — это феодальный абсолютизм, подчинивший все экономическое и общественное развитие страны своей неумолимой регламентации. Для борьбы за капитализм еще не созрела ни сама Россия XVII века, ни концепция Крижанича. Ученый хорват ставил своей задачей — причесать русский феодализм под феодализм западноевропейский, который и служил ему образцом. Крижанич был типичным феодальным просветителем.

О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ АРЕАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИХ МЕТОДОВ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ БАЛКАНСКОГО ЯЗЫКОВОГО СОЮЗА

(К построению лингвистического атласа
балканского языкового союза)

Систематическое описание языковых союзов методом ареальной лингвистики может дать интересные результаты.

Дальнейшее изучение и анализ балканского языкового союза (БЯС) как определенной структуры трудно вести лишь на основании существующих данных: грамматик литературных языков и монографических описаний отдельных диалектов или диалектных групп. Значительная ценность этого материала несомненна: именно на его основании выявлены основные черты сходства, объединяющие все языки, относимые к союзу — албанский, болгарский, македонский, новогреческий, румынский (и другие балкано-романские диалекты), сербско-хорватский, — (см. список балканизмов, перечисленных Саундфелдом)¹ или свойственные двум-трем языкам. Однако актуальные задачи балканистики — поиски более тонких схождений структурного характера — требуют нового материала. В идеале исследователь должен иметь в своем распоряжении максимальное число единообразных описаний отдельных диалектов (грамматика — тексты — словарь). Желательно специально фиксировать языковые изменения, которые можно интерпретировать как балканистические². К сожалению, по крайней мере в ближайшее время, это (и особенно — исчерпывающее описание отдельных говоров) нереально. И хотя появление монографических исследований такого рода чрезвычайно ценно, все же для развития балканистики теперь нужны методы, которые позволили бы как-то компенсировать нехватку материала.

В данное время, как это ни неожиданно, наиболее экономным и рациональным может явиться картографическое описание совпадений в балканских языках (т. е. лингвистический атлас). С помощью такого атласа можно в обозримый срок получить единообразно оформленные сведения по большой территории. В оптимальном варианте охватываются в с е важнейшие точки, где можно ожидать действия балканистических процессов и соответственно наиболее заметных изменений. Такими точками, в частности, могут быть диалекты с островным расположением или пограничные зоны

¹ См. K. S a n d f e l d. *Linguistique balkanique*. Paris, 1930, p. 163 и далее.

² Ср., например, появление в румынском языке местоименной репризы в предложении без инверсии: *i-a făcut semn lui Iudrea* (I. C o t e a n u. *Anticiparea complementului prin pronume, o regulă gramaticală nouă?* — *Limba română*, 1963, № 3, s. 244); некоторую аналогию можно найти в болгарском: *остаи ги тия писма* (К. П о п о в. *Стилно-граматична употреба на удвоеното допълнение в българския книжовен език.* — *Известия на Института за български език*, кн. VIII, 1962, стр. 464—466).

более или менее крупных диалектных массивов (например, область юго-славского и румынского Баната).

Успех предполагаемого атласа БЯС во многом зависит от качества вопросника, так как этот атлас отличается от обычных, для которых составление вопросника является, как правило, более или менее технической задачей (требуется, например, выяснить, какое слово употребляется для обозначения определенного объекта или какой звук произносится на месте некоего старого звука, поэтому речь идет скорее о выборе удачной формулировки вопроса).

Задача атласа БЯС должна заключаться, по нашему мнению, в том, чтобы найти в пределах БЯС живые процессы схождения и, может быть, прежде всего грамматического схождения. Составление вопросника для этого атласа — самостоятельная теоретическая задача. Дело заключается не только в проверке и уточнении уже известных изоглосс, но и в обнаружении неотмеченных явлений. Для этого должна быть выработана достаточно совершенная процедура, помогающая найти наибольшее число общепалланских схождений структурного характера. Следовательно, с некоторым основанием можно говорить, что предполагаемый атлас есть атлас не отдельных, входящих в БЯС языков (см. выше), но атлас теоретико-множественного произведения (ТМП) структурных особенностей в с е х этих языков плюс ТМП структурных особенностей ч е т ы р е х из них, соответственно т р е х и д в у х языков. Поэтому перед составителем вопросника стоит задача на основании уже известных сведений о структуре БЯС наметить такие точки на разных языковых уровнях, в которых с наибольшей вероятностью можно предположить активный ход интерференционных процессов.

Идея описания балканских языков именно с помощью атласа впервые высказана М. Деановичем³. Может быть, эта мысль возникла в связи с разработкой средиземноморского атласа (М. Деанович рассматривает балканский атлас как продолжение атласа средиземноморского). М. Деанович предлагает в общих чертах программу атласа, который, по мысли автора, должен охватывать 70—125 пунктов с албанским, болгарским, новогреческим, македонским, сербско-хорватским, румынским, словенским и турецким языками. Для картографирования намечено 500—850 слов и выражений, общих для балканских языков. Хотя атлас в основе задуман как лексический, в нем предусматривается и проверка ряда изоглосс по фонетике, морфологии, синтаксису, словообразованию, например, ослабление конечной гласной в безударном положении, падение склонения, постпозиция артикля, образование будущего времени с помощью глагола «хотеть», общие словообразовательные ресурсы и т. д. Если бы эту идею удалось осуществить, это был бы единственный в своем роде многоязычный атлас.

Поскольку речь идет о единой языковой системе, хотя и представленной столь разнообразно, целесообразнее было бы делать упор не на лексическую, а именно на грамматическую сторону БЯС. Если в средиземноморском атласе воссоздается древнейшая культурная история средиземноморья по лексическим данным, то в предполагаемом балканском основная задача — выделить существенные особенности структуры БЯС. В связи

³ См. в частности, его работы: М. D e a n o v i ć. L'atlas linguistique des Balkans et l'atlas linguistique méditerranéen.— «Балканско езиковознание», т. III, ч. 2, 1961; е г о ж е. L'atlas linguistique méditerranéen et l'atlas linguistique balkanique.— «Bolletino dell'Atlante linguistico mediterraneo», 1962, № 4; е г о ж е. Über den Entwurf eines Sprachatlases des Balkanraumes.— Zeitschrift für Balkanologie, t. I, 1962; е г о ж е. Deux atlas plurilingues et la slavistique.— «Revue des études slaves», t. XL, 1964 и т. д.

с этим строение атласа должно отличаться рядом специфических особенностей.

Ни в коей мере не беря на себя задачу давать какие-либо рекомендации по составлению вопросника, мы все же решаемся высказать некоторые соображения по поводу того, какие стороны взаимодействия балканских языков представляются наиболее значительными.

Возможно, было бы целесообразно предпослать собственно лингвистической части атласа раздел, который можно условно назвать «диалектографическим». Сейчас уже в общем не вызывает сомнения тот факт, что основой для балканистических сходжений и в прошлом и в настоящее время служат языковые контакты. Изучение практического осуществления этих контактов может пролить свет на механизм действия балканистических процессов и определить ареалы, где эти процессы идут наиболее активно. Расположение диалектов и численность говорящих на них известны, особенно когда это касается достаточно крупных диалектных массивов. Однако существуют еще не отмеченные и, главное, еще не описанные островки, представляющие собой либо неизученный говор данного языка, либо иноязычное вкрапление (например, албанские говоры на территории Болгарии). Поэтому очень важно возможно более подробное и детальное изучение диалектной географии Балкан с составлением соответствующих карт. Диалектографическая карта Балкан облегчит выбор материала для исследования.

В качестве примера можно привести описанное П. Ивичем зарождение балканизмов в сербских говорах румынского Баната и той части югославского Баната, которая соприкасается с ареалами румынского языка⁴. По своей структуре эти говоры уже сейчас стали близки к призренско-тимочским (хотя генетически эти сербские говоры Баната вовсе не являются близкими призренско-тимочским). Не менее интересно и их сходство с диалектом галипольских сербов, развивавшимся под длительным и интенсивным влиянием греческого языка⁵.

Ввиду сказанного важно с наибольшей подробностью описать ситуации, когда в общение вступают носители разных языков⁶. Предполагается, что карта распространения диалектов, к которой прилагается и демографическая карта (их сочетание поможет выяснить, сохранился или утерялся родной язык, что важно особенно в случаях миграции), учет все языковое разнообразие Балкан, а не только языковой состав БЯС.

Следующим этапом было бы выяснение степени лингвистического разнообразия Балкан, иными словами, выяснение того, в какой степени в пределах БЯС существует многоязычие (т. е. владение двумя, тремя и т. д. языками). Предварительно на основании диалектной и демографической карт Балкан устанавливается по возможности максимальное число случаев (в идеале — все) непосредственного контакта разноязычных диалектов (сюда включаются и ареалы со смешанным населением). В самом простом виде это можно представить с помощью таблицы (табл. 1).

Уже такая таблица, при всем своем схематизме и условности, свидетельствует о лингвистической пестроте Балкан — в любой стране можно найти едва ли не все языки и диалекты БЯС (к этому надо прибавить, что на всех указанных территориях распространены тюркские диалекты).

⁴ См.: P. Ivić. Les balkanismes naissants dans les parlers serbes du Banat.— «Cercetări de lingvistică», t. III, supliment, 1958.

⁵ П. И в и ч. О говору Галипольских Срба. Београд, 1957.

⁶ Такой анализ был частично проведен Т. М. Судник для белорусско-литовского языкового союза. См.: Т. М. Судник. Заметки о литовско-белорусском двуязычии (на материале говора Гервят).— В сб.: «Проблемы индоевропейского языкознания». М., 1964.

Таблица 1

Распространение языков, сходящих в БЯС, на территории стран Балканского п-ова

Страны Балканского п-ова	Языки и диалекты БЯС				
	Албанский	Болгарский, македонский	Новогреческий	Балкано-романские	Сербско-хорватский
Албания		+	+	+ ¹	+
Болгария	+		+	+ ²	+
Греция	+	+		+ ³	+
Румыния	+	+	+		+
Югославия	+	+	+	+ ⁴	

Примечание. «Плюс» в таблице означает, что на территории данной страны есть ареалы с распространением данного языка или диалекта.

Пожалуй, более всего распространены славянские диалекты, когда-то занимавшие почти всю территорию Балканского п-ова и имевшие субстратное значение для остальных языков; теперь они образуют более или менее крупные островные скопления в северной Греции и в Албании, в Румынии (особенно в Банате). В Югославии (район Косова-Метохии), Греции (Аттика), Болгарии распространены албанские говоры. На юге Албании, на побережье Черного моря в Румынии, в Болгарии и Югославии встречаются греческие говоры и т. д. Естественно, что в окончательном виде в таблицах (схемах, картах) должно быть указано не просто наличие данного диалекта, но его расположение и численность говорящих на нем людей. Для иллюстрации здесь расшифрована одна колонка таблицы — распространение балкано-романских диалектов на территории Балканского п-ова:

1) Албания: р-н Тираны, Эльбасана, Берата, Каваия и др. — арумынский (фершеротский).

2) Болгария: р-н Витоши, Рилы, Стара-Планина до Черного моря — арумынский.

3) Греция: р-н Салоник, Пинда, Олимпа; на северо-востоке близ Ксанты, Драма, Кавалла и др. — арумынский; р-н Салоник — мегленорумынский.

4) Югославия: р-н Косова-Метохии — арумынский; р-н Вардара — мегленорумынский; восточная Истрия — истрорумынский; Банат (Зренянин, Вршац, Алибунар, Панчево) — дакорумынский, представленный банатским, олтенским и трансильванским говорами⁷.

Приблизительно таким же образом (но более подробно и точно) могут быть раскрыты и остальные «плюсы» в таблице.

⁷ См., в частности: S. Pop. Atlas linguistique roumain. — «Orbis» t. VII, 1958, № 1; J. van Coppenolle. A la mémoire de Theodor Capidan. Les Macédo-Roumains. Ibid.; R. Florin. L'atlas linguistique des parlers roumains du Banat yougoslave. Ibid., t. V, 1956, № 1; его же. Graiurile românești din Banatul jugoslav. — «Fonetica și Dialectologie», t. I, 1958, и др.

Этот материал можно обработать, применяя к нему формулы вычисления степени лингвистического разнообразия, предложенные Дж. Гринбергом⁸. Речь идет о составлении карты, где для выбранных пунктов будут указаны числовые показатели степени лингвистического разнообразия. Таким образом могут быть получены более точные и объективные данные для последующего сравнения.

При изучении многоязычия существенно учитывать и степень владения языком (пассивное/активное; разные степени активного знания — возможность объясняться, знание упрощенного варианта чужого языка, свободное владение и т. п.). Самые предварительные наблюдения показывают, что выяснение этих вопросов влечет за собой целый ряд других, казалось бы не имеющих отношения непосредственно к лингвистике: установление того, что можно назвать дифференциальными признаками ситуации общения и участников общения. Дело в том, что факторами, определяющими владение только одним или более чем одним языком, а также выбор языка-посредника, могут быть пол, возраст, национальность, вероисповедание, общественное положение, профессия и т. д.⁹. Интересно, что те же самые дифференциальные признаки существенны при выборе правил этикета в ситуациях так называемого «этикетного поведения»¹⁰. Естественно, что распространение хотя бы некоторых из этих признаков (в частности, национальность, вероисповедание) целесообразно картографировать. Кроме того, в районах со смешанным населением необходимо учитывать и количественное соотношение посетителей разных языков, поскольку оно тоже оказывает существенное влияние на выбор языка-посредника. Очевидно, при полевых исследованиях окажется возможным и составление хотя бы примерного списка характерных ситуаций общения (например, частные беседы, встречи в общественных местах, общение во время работы и т. п.).

По возможности следовало бы составить и хронологическую карту диалектного расположения, отражающую время заселения или переселения, а при опросе местных жителей — выяснить направление миграции.

Целесообразность такого предварительного описания, которое затем используется при обработке собственно лингвистического материала, сейчас живо осознается. Подобная программа изложена, например, для атласа английских говоров США¹¹.

Исследование выбора населением языка-посредника должно привести к установлению ареалов с преимущественным использованием определенного языка. Ситуация «разноязычного общения» описана М. Павловичем для Призрена¹², население которого состоит из сербов, арумын, албанцев, турок. Владение языками распределяется следующим образом: албанцы-мужчины старшего поколения владеют гегийским диалектом албанского языка, говорят на упрощенном турецком, пассивно знают сербский призренский и в редких случаях говорят на нем, но с ошибками; женщины говорят только по-албански, немного понимают по-сербски; в отличие от албанцев-католиков албанцы-мусульмане активно владеют турецким. Турки, кроме родного языка, знают сербский призренский и в исключи-

⁸ См.: J. H. Greenberg. The measurement of linguistic diversity. — «Language», t. 32, 1956, № 1.

⁹ На важность этих характеристик указывает и М. Деанович. См.: M. Deanović. Über den Entwurf..., S. 4.

¹⁰ См.: Т. В. Цивьян. К описанию этикета как семиотической системы. — «Симпозиум по структурному изучению знаковых систем», М., 1962, стр. 79—80.

¹¹ См.: Raven I. McDavid. Structural linguistics and linguistic geography. — «Orbis», t. X, 1961, № 1.

¹² См.: M. Pavlović. Les processus balkaniques et les perspectives du parler serbe de Prizren. Ibid., t. VII, 1958, № 1.

тельных случаях говорят на нем; немного понимают по-албански. Арумыны-мужчины пользуются сербским призренским (кстати, все арумыны носят сербские имена), забывая и родной язык и новогреческий. В нескольких семьях говорят между собой по-арумынски. Вообще же удержалась только арумынские приветствия. Родной язык прочнее сохранился у женщин — некоторые хорошо говорят на нем, знают национальные песни.

К сожалению, в работе М. Павловича ничего не говорится о выборе языка в конкретных ситуациях, а также о том, сколькими языками и в какой степени владеют сербы (вскользь упоминается, что они могут объясняться по-турецки). Тем не менее можно составить некоторое представление о возможностях общения (табл. 2).

Таблица 2

Выбор языка-посредника Призрена

	арумын	албанец	серб	турок
арумын	арумынский сербский	сербский	сербский	сербский
албанец	сербский		сербский	турецкий, албанский, сербский
серб	сербский	сербский		сербский
турок	сербский	турецкий, албанский, сербский	сербский	

Вообще чувствуется острый недостаток в работах, посвященных языковым контактам на Балканах. Обычно диалектологи, описывая говор, находящийся в иноязычном окружении, где явно должны осуществляться дву- или многоязычные контакты, специально на этом не останавливаются. Между тем включить несколько пунктов в опрос информанта при составлении вопросника атласа не представляет затруднений, а результаты будут важными и интересными не только для атласа.

Что касается собственно лингвистической части атласа, то в оптимальном варианте она должна охватывать все языковые уровни, т. е. лексику, фонетику с фонологией, морфологию и синтаксис, особенно подробно два последние.

Акцентирование грамматического плана оправдано некоторыми особенностями балканского языкового общества: пожалуй, самые значительные схождения обнаруживаются именно в морфологии и синтаксисе. Одна из возможных интерпретаций этого состоит в том, чтобы рассматривать отмечаемые явления в связи с нуждами непосредственного общения носителей разных балканских языков. Можно предположить, что при затрудненном, неполном понимании постепенно вырабатываются однотипные синтаксические конструкции. Параллельно или вслед за этим могут происходить изменения и в морфологии. Предполагается, что для обеспечения понимания надо владеть некоторым лексическим минимумом и знать определенные конструкции, выражающие универсальные логико-синтаксические единицы языка (субъект, предикат, прямой и косвенный объект атрибут, адверб). Существенно установить способы выражения названных единиц в языках БЯС. Для этого в вопросник включается ряд фраз или

отдельных синтагм, составленных таким образом, чтобы можно было получить данные о грамматических особенностях системы БЯС¹³. Информанту предлагается распознать и синтезировать (т. е. перевести с родного языка на известный ему другой балканский и наоборот) эти фразы. Очевидно, удобнее начинать с простого предложения, состоящего из 4—6 слов, с общей схемой следующего вида:

Subj. — (Atr.) — Praed. — Obj. dir. — (Atr.) — Obj. obl. — Adv.

Эту схему можно считать типичной для разговорной речи. Некоторое комбинирование ее элементов (например, путем инверсии) дает возможность выделить конструкции, анализ и синтез которых поможет исследованию грамматики БЯС.

Можно привести несколько конструкций такого рода и наиболее общие, сводные способы их перевода на языки БЯС (берется только существительное; учитываются два типа именной системы БЯС — беспаддежный и двухпаддежный, с противооставлением прямого падежа — Dir. — и косвенного — Obl. = D. — G.):

1. Subj. & Praed. & Obj. dir. → S. dir. + V. + S. dir. ∨ S. dir. + S. dir. + V. ∨ V. + S. dir. + S. dir. ∨ S. dir. + Pron. dir. + V. + S. dir. ∨ S. dir. + V. + (praep. + S. dir.),

т. е. в данной фразе субъект и прямой объект могут выражаться существительными в прямом падеже; в определенных случаях прямой объект может дублироваться личным местоимением в форме Acc., а также выражаться сочетанием существительного в прямом падеже с предлогом (например, в румынском и ряде македонских диалектов).

2. Subj. & Praed. & Obj. obl. → S. dir. + V. + S. obl. (praep. + S. dir.) ∨ S. dir. + Pron. obl. + V. + S. obl. (praep. + S. dir.),

т. е. в данной фразе субъект выражается существительным в прямом падеже, а косвенный объект — существительным в косвенном падеже или сочетанием предлога с существительным в прямом падеже; косвенный объект может дублироваться личным местоимением в форме Obl.¹⁴.

Предлагаемый способ исследования синтактико-морфологических особенностей БЯС можно иллюстрировать разбором конструкций, в которых атрибут и косвенный объект выражены именем существительным. Как известно, на морфологическом уровне в большинстве балканских языков и диалектов происходит полная нейтрализация косвенного объекта и атрибута: оба они выражаются либо существительным в форме косвенного падежа (там, где есть противооставление Dir./Obl, как, например, в румынском *scrisoare vecinului*), либо сочетанием предлога (*на, от, од, la, сѐ* и т. п.) с существительным в прямом падеже (например, в болгарском — *книгата на учителя*). Это смешение кажется серьезным препятствием для понимания (в особенности тем, в чьем языке такое противооставление сохраняется). Интересно выяснить, в каких случаях нейтрализация действительно приводит к двусмысленности. Теоретически это может произойти в синтагме вида S. & S. (как в русском *письмо микадо — чье? или кому?*).

¹³ Предлагаемый вариант вопросника рассчитан на информантов, знающих более одного языка (хотя бы в слабой степени). Естественно, что в случаях одноязычия применяется другая система опроса.

¹⁴ Подробнее о таких конструкциях см.: Т. В. Ц и в ь я н. К проблеме построения лингвистического атласа балканского языкового союза. — «Проблемы лингво- и этногеографии и ареальной диалектологии». Тезисы докладов, М., 1964; е ж е. Имя существительное в балканских языках М., 1965.

Но, с одной стороны, существуют формальные приемы разрешения этой нейтрализации (например, интонация, инверсия, употребление артикля); с другой стороны, снимает или во всяком случае значительно уменьшает двусмысленность контекст, понимаемый в самом широком смысле этого слова. Необходимо было бы изучать и другие способы выражения атрибута и косвенного объекта, либо сосуществующие с уже названными, либо вытесняющие их (например, в мегленорумынском атрибут регулярно выражается сочетанием существительного с артиклем *lu*, а косвенный объект — сочетанием существительного с предлогом *la*; аналогично в новогреческом, где при выражении атрибута используется артикль *τοῦ*, а косвенного объекта — предлог *σέ*)¹⁵.

Можно предложить и несколько иной аспект рассмотрения местоименной репризы: действительно ли она применяется носителями языка сознательно как различительное средство (во всяком случае так представляется описывающим употребление репризы извне) или это обычно свойственный языку плеоназм, сопоставимый, например, в русском языке с употреблением местоимений вместе с личными формами глагола (*я нес-у, ты нес-ешь* и т. д.), что при определенном подходе тоже, пожалуй, можно трактовать как специальное редуцирующее различительное свойство. Есть кое-какие факты, подтверждающие это предположение (как, несомненно, есть факты, его опровергающие): реприза прямого объекта появляется в новогреческом языке, где различение логико-синтаксических единиц происходит на морфологическом уровне; литературный болгарский, напротив, старается ее избегать, хотя тут она, казалось бы, совершенно необходима.

Сейчас более или менее цельную картину распространения репризы можно получить именно путем картографирования. Составить контрольные фразы достаточно просто (во всяком случае гораздо проще, чем выискивать и подбирать их по текстам).

Полезной кажется и проверка определенного артикля (независимо от того, находится он в постпозиции или в препозиции) на «грамматичность». Под грамматичностью здесь понимается форморазличительная способность, т. е. то, насколько артикль теряет собственно определительное значение, становясь своего рода отделившейся флексией. Так происходит, например, в мегленорумынском, где в Obl. можно одновременно употреблять определенный и неопределенный артикли (*lu un ampirat*), из которых первый обозначает только падеж, а второй — род, число и неопределенность. Структурный подход к артиклю важен потому, что по традиции внимание обращают только на его положение по отношению к определяемому существительному, а не на функциональную роль.

Здесь перечислялись особенности, в общем характерные для всех или почти всех языков, входящих в БЯС. Однако ограничиться изучением черт такого рода означало бы не использовать преимуществ, предоставляемых методами ареальной лингвистики. В данном случае их ценность заключается в том, что они позволяют сравнивать языки выборочно — по два, по три и т. д., обнаруживая частные, или локальные, схождения балканистического характера. Можно быть уверенным, что пока известна только небольшая часть подобных схождений, а описана еще меньшая.

Заслуживает внимания, например, такая специфически балканская изоглосса, как образование множественного числа существительных с исходом на твердый согласный прибавлением признака палатальности (румынский, албанский, ряд северногреческих диалектов). Не менее интерес-

¹⁵ В новогреческом косвенный объект в ряде случаев может выражаться и родительным падежом: *ἔστειλε γράμμα τῆς κοπέλλας* — он послал письмо девушке (см.: A. M i r a m b e l. Grammaire du grec moderne. Paris, 1949, p. 72).

но проверить и то, как в балканских языках отражается категория одушевленности или личности.

Изучая синтагму вида $S. + S.$, где оба существительных стоят в одинаковом падеже (или входят в состав одинаковых синтаксических конструкций), интересно было бы систематизировать случаи аппозиции со значением *G. gen.* — типа *чаша вода*, отмеченные в болгарском, македонском, сербско-хорватском, албанском, новогреческом, а также в тюркских говорах Балкан.

При изучении элементарных синтаксических конструкций в лингво-географическом аспекте необходимо было бы обратить внимание на порядок слов. Балканские языки в общем допускают свободный порядок слов в 2—6-членном простом предложении. Для славянских языков, входящих в БЯС, пожалуй, сильным ограничением является только взаимное расположение прямого и косвенного объекта после предиката и соответственно расположение местоимений, дублирующих прямой и косвенный объект. Такая конструкция выведена Э. Голомбом для македонских диалектов Салоник и подходит для описания других славянских языков и диалектов¹⁶. То, что в синтаксисе простой фразы все же существуют определенные закономерности, хотя бы они и заключались в допустимости широкого варьирования, отчасти доказывается изменением (под славянским влиянием) синтаксиса простого предложения в гагаузском языке. Там нарушен фиксированный порядок слов, свойственный тюркским языкам, например, объект может стоять после предиката, а атрибут — после определяемого слова. Вообще же конструкция простого предложения в гагаузском языке та же, что и в других балканских языках¹⁷.

Предполагается, что приемы лингвистической географии окажутся весьма эффективными для выяснения того, какой из балканских языков обнаруживает максимальное число общих черт с другими балканскими языками и с какими именно (вопрос о «самом балканском» или «самом влиятельном» языке всегда служит предметом самых ожесточенных споров). Тогда, может быть, новыми фактами обогатится и подтвердится, например, поразительное сходство между румынским и албанским — языками, в настоящее время максимально удаленными друг от друга (ср. сходство в системе связующих артиклей, в согласовательных классах существительного и т. д.). Тогда, может быть, появятся новые данные о правомерности включения в БЯС сербско-хорватского языка. Одним словом, эти исследования могут принести пользу для размещения балканских языков в лингвистическом пространстве.

Мы не будем касаться исследований структуры БЯС на других уровнях. Для фонологического, например, вопрос может быть решен достаточно просто, во всяком случае с точки зрения метода, благодаря существованию достаточно разработанных способов фонологического описания. Здесь речь может идти, скорее, о сборе фактического материала. Гораздо сложнее обстоит дело с лексическим уровнем. Он наиболее проникаем, лексические заимствования характерны для любого вида языкового взаимодействия, и трудно выделить то, что имеет отношение непосредственно к языковому союзу (а в данном случае интересно не только полное перечисление лексических совпадений). Поэтому лексический уровень, может быть, целесообразно рассматривать в несколько ином аспекте, так сказать «общекультурном», объединяя его с семантическим уровнем, т. е. включая в систему общих духовных ценностей балканского сообщества.

¹⁶ См.: Z. G o l a b. Funkcja syntaktyczna proklityki zaimkowej w gwarach macedońskich. — «Lingua Posnaniensis», t. IV, 1953.

¹⁷ См.: Т. К а л а к и н а - К а л е д и н а. Порядок слов в простом предложении гагаузского языка. М., 1955.

При составлении вопросника, к какому бы уровню он ни относился, существенно было бы принимать во внимание значимость порядка вопросов¹⁸, тем более, что многие явления могут быть связаны отношениями транзитивности и импликации (например, в ряде новогреческих диалектов сохранение флексий у существительного предполагает падение склонения артикля и наоборот).

В 1937 г. М. Деанович высказал идею создания средиземноморского атласа. В 1956 г. приступили к его осуществлению. Быть может, атлас БЯС будет счастливее. Некоторым утешением может служить то, что уже сама разработка программы и вопросника атласа несомненно сыграет значительную роль в развитии балканистики и лингвистической географии вообще. Принципиальная новизна атласа БЯС заключается не в многоязычии, а в том, что этот атлас в основе своей должен быть типологическим. Такое сочетание, или сращение, методов типологии и лингвистической географии, насколько нам известно, для лингвистических атласов пока еще не применялось. Между тем оно может значительно расширить сферу применения и тех и других методов, создав наиболее выгодные и эффективные условия для их приложения. Типология получит возможность оперировать более широким материалом, целенаправленно выбирая его, а ареальная лингвистика приобретет определенную системность. Естественно, что сочетание ареальных и типологических методов должно осуществляться разумным образом и в разумных пределах. Перевес любой стороны не желателен. В применении к атласу БЯС это означает следующее: если он строится традиционно, по образцу уже имеющихся атласов, то упускаются из виду типологические цели и в результате получается описание разрозненных явлений, часть которых может оказаться полезной, а часть ничего не прибавит к изучению балканистических процессов. Если же ограничиться чисто типологическими целями, понимая их как поиски балканизмов, охватывающих максимальное число языков, то это может оказаться вторжением пройденного — такая проверка подтвердит или уточнит уже известные изоглоссы, не проведя нового, более детального разбиения. Поэтому составить вопросник для атласа БЯС — значит решить задачу теоретическую в той же мере, как и практическую.

¹⁸ См.: M. Halle. On the role of simplicity in linguistic description. В сб.: «Structure of language and its mathematical aspects». Providence, Rhode Island, 1961.

Н. Ф. КОПЫСТЯНСКАЯ,
В. Л. ГОШОВСКИЙ

КАК ВОЗНИКЛА ПЕРВАЯ КНИГА ИВАНА ОЛЬБРАХТА О ЗАКАРПАТЬЕ «ЗЕМЛЯ БЕЗ ИМЕНИ»

Все, что писал Иван Ольбрахт в 30-е годы, посвящено Закарпатыю¹. Первая книга Ольбрахта о Закарпатые — «Земля без имени». Автор книги достигает подлинной виртуозности в предельно сжатом, конкретном и вместе с тем художественном изложении, в умении отобразить своеобразие быта, нравов, красоту природы и вскрыть экономические и политические причины отсталости Закарпатья. В книге с большой художественной силой и убедительностью звучит обвинение чехословацкой буржуазной политике.

Почему же 49-летний писатель, который до сих пор черпал темы только из чешской жизни, поехал в 1931 г. в Закарпатые и не ограничился одной поездкой, а ездил туда ежегодно (иногда и несколько раз в год) вплоть до 1936 г.? До поездки в Закарпатые Ольбрахт, конечно, кое-что знал об этом крае. Уже в ранних рассказах писателя мы находим образ закарпатца («Любовь к родине», 1910) и упоминание о Закарпатые («Карьера Эдуарда Жака», 1921). На страницах коммунистической газеты «Руде право», одним из редакторов которой был И. Ольбрахт, уже в 1921, 1922, затем в 1928 г. печатались речи депутатов-коммунистов, ставивших в парламенте вопрос о голоде в Закарпатые, о необходимости срочных мер для экономического развития области, присоединенной по Сен-Жерменскому договору 1919 г. к буржуазной Чехословакии. Ольбрахт знал о борьбе закарпатских рабочих, о большой демонстрации в Сваляве в 1924 г. Он знал о большой забастовке в Берегово в 1925 г. и с возмущением писал о кровавой расправе с голосующими за коммунистов в 1928 г. в Бороняве около Хуста². Писатель читал обращение закарпатских рабочих к чешским с просьбой поддержать их в борьбе³.

Из художественной литературы Ольбрахт не мог черпать сведения о Закарпатые⁴, зато многое рассказал ему В. Ванчура, впервые побывавший

¹ Очерк «Земля без имени» Ольбрахт значительно расширил и издал в 1935 г. под названием «Горы и столетия», в 1933 г. он издал роман «Никола Шугай разбойник» и создал совместно с К. Новым и В. Ванчурой оригинальный кинофильм «Неверная Марийка», в 1937 г. вышла его последняя книга о Закарпатые — рассказы «Голет в долине». О художественных особенностях очерка см.: Н. Копыстьянская. Нариси про Закарпаття та їх роль в розвитку соціалістичного реалізму в Чехословаччині 30 pp. — «Іноземна філологія», вид. Львівського університету, 1965, № 6.

² I. Olbracht. Omyl Jaroslava Stranského. В сб.: «O umění a společnosti». Praha, 1958. s. 231.

³ «Rudé právo», 24 VII 1930.

⁴ В романе В. Ванчуры «Последний суд» (1929) говорилось о закарпатцах, собравшихся в эмиграцию и застрявших в Праге, но роман отличался такой усложненно метафоричной формой, которая исключала конкретность и реальность изображения. Ярослав Дурих в свойственной ему тогда экспрессионистской манере только намекнул на голод, отсталость, вырождение верховинской деревни в рассказе «Фигура на часах» (сб. «Чудесная лампа», 1926). Малоизвестный поэт Йосиф Спилка издал крошечным тиражом сборник «Бронза» (1929), 11 стихов о евреях и цыганах области.

в крае в 1926 г., а затем В. Каня, который был там в 1925, 1927 и весной 1931 г. и написал очерки⁵ о бедственном положении, о растущей революционной силе закарпатских рабочих. В начале 30-х годов Закарпатье посещали иностранные журналисты и помещали свои заметки в польской, французской и др. прессе⁶, что создавало атмосферу заинтересованности краем, усиливало противоречивые слухи о нем.

Все это побудило Ольбрахта поехать в Закарпатье. О том, что послужило непосредственным толчком к поездке, писатель говорит в письме к Е. Н. Гошовской⁷: «Я жил 6 недель в Восточной Словакии у русского эмигранта⁸ и общался исключительно с русскими. И как раз в разговорах с ними у меня возникло убеждение, что, вероятно, все выглядит не так, как они это представляют, и я вздумал увидеть Подкарпатскую Русь⁹ собственными глазами». 11 июля он пишет своей старой знакомой Анне Устьянович в Ужгород: «Не знаешь ли Ты где-нибудь в Ваших деревнях какого-нибудь лесника, крестьянина или таможенного служащего, который мог бы предоставить в мое распоряжение 1 м² стога сена и возможность собирать грибы, удить рыбу, охотиться, а если не все вместе, то хоть что-то из этого»¹⁰. Ольбрахт запасается специальной научной литературой о Закарпатье, продолжает вести лингвистически-политическую полемику с редактором журнала «Наше ржеч» И. Галлером.

Даже не дождавись ответа на свое письмо, Ольбрахт в пятницу 16 июля приезжает в Ужгород¹¹. Он не застает ни Е. Н. Гошовскую, ни А. Устьянович; муж Анны судья Владимир Устьянович советует ему ехать для ознакомления с душой Закарпатья в один из самых глухих верховинских районов — Воловский (теперь Межгорский). К тому же в Воловом живет знакомый Устьяновича, адвокат Дудикевич.

Но знакомство с Верховиной начинается уже на следующий день, в вагоне поезда, в котором Устьянович и Ольбрахт едут в Дубриничи, чтобы повидаться с отдыхающими там женой и детьми Устьяновича. В том же вагоне едут с полевых работ на воскресенье домой верховинские девушки и очень красиво в два голоса поют грустные верховинские песни. Как вспоминает В. Устьянович¹², писатель слушал некоторое время, а потом шепнул ему: «Я этого дольше не вынесу. Это ужасно грустное, идем отсюда, а то разревусь».

В понедельник утром Ольбрахт отправился через Хуст в Воловое¹³. Дудикевич, по словам Ольбрахта, был хорошим рассказчиком. В первый

⁵ Почти наполовину конфискованные цензурой, они печатались в журнале «Творба» (1931), отдельной книгой вышли в 1932 г.

⁶ Например, лондонские журналисты в 1928 г., французские в мае 1931 г. — от журналов «Petite Journee», «Journee Industrielle». Заметки в польской прессе: «Piustrowany kurjer codzienny», «Czas», Kraków, I 1931; «Słowo polskie», Lwów, V 1931.

⁷ С Елизаветой Николаевной Гошовской Ольбрахт (тогда еще молодой публицист Камил Земап) познакомился в Вене в 1911 г., и с того времени у них установились дружеские отношения. Письмо от 2 II 1932 г., как и все остальные письма, использованные в нашей работе впервые, хранится у адресатов — в семье Гошовских в Ужгороде. Перевод их сделан авторами статьи.

⁸ Инженер Былинский.

⁹ Официальное название Закарпатья в Чехословацкой буржуазной республике.

¹⁰ Письмо хранится у дочери адресата Любови В. Мацевич в Праге.

¹¹ Имеющиеся в нашем распоряжении документы опровергают утверждение А. М. Рота (статья «Из творческой истории романа „Никола Шугай разбойник“»). Наукові записки Ужгородського університету, т. XXXVII, 1959) о том, что Ольбрахт впервые приехал в Закарпатье в марте 1931 г.

¹² Письмо В. Устьяновича к В. Л. Гошовскому от 1 II 1965 хранится у адресата. Считаю своим приятным долгом выразить глубокую признательность В. Устьяновичу, предоставившему нам ценные сведения о его встречах с Ольбрахтом в Закарпатье.

¹³ Там же.

же вечер их знакомства он поведал писателю много интересного, и прежде всего о колочавском разбойнике Николе Шугае, принесшем много неприятностей местным богатым евреям, венгерским и чешским жандармам. Рассказ о смелом разбойнике, который был предательски убит в 1922 г., не мог не заинтересовать писателя. Он всегда ненавидел пассивное примирение со злом¹⁴ и любовно изображал всякого рода бунтарей и борцов против социальной несправедливости¹⁵. Не удивительно, что Ольбрахт загорелся желанием увидеть родное село Шугая — Колочаву.

С детства полюбивший суровую природу Подкирконошских гор, Ольбрахт очарован красотой Карпат, тишиной девственных чащ, таинственностью ущелий. А вид, который открылся ему на крутом перевале по пути с Волового в Колочаву, величественный и неповторимый, где, говоря словами писателя, «горы на горах и ущелья в ущельях», сразу должен был завладеть его сердцем. Вероятно, при первом же знакомстве с Колочавой возникло описание этого необыкновенно живописного, растянутого на много километров села, с которым мы встречаемся на первых страницах романа о Шугае¹⁶.

Ольбрахт решил поселиться в Колочаве, нанял комнату у столяра П. Гляйзера, в которой мог работать под журчанье реки, протекавшей рядом, через дорогу, а из окна видеть поросший лесом склон горы. Возвратившись на несколько дней в Ужгород, писатель вошел к Устьяновичу со словами: «Володя, у меня есть прекрасная тема для романа: „Никола Шугай“»¹⁷.

Ольбрахт принадлежал к писателям, которые всегда в своих произведениях основывались на хорошо изученных фактах. Судя по статьям писателя¹⁸ и материалам, сохранившимся в Закарпатском областном архиве¹⁹, Ольбрахт мог из судебных документов узнать о ходе событий, но, как он сам писал, это была только небольшая частица всех нужных ему сведений, основное надо было узнать на месте, в Колочаве. Здесь он знакомится с отцом, братьями, женой, односельчанами Никола, учится понимать местный диалект.

Чтобы узнать местность и уяснить себе, как удавалось Николе ускользать от жандармов, писатель предпринимает длительные походы в горы, на полонины, в лесные дебри, иногда с новыми знакомыми или проводником, а чаще всего один, запасшись туристическими картами. Иногда это были весьма утомительные походы для немолодого, с большим сердцем, писателя; например, впервые поднимаясь на гору Попадья, Ольбрахт сошел на звериную тропу, которая завела его к оврагу, и пришлось долго «безобразно блуждать»²⁰. Но вместе с тем для писателя «эта отдаленность от мира, от городских привычек и немножко приятного неудобства — это как раз то, что составляет самую большую прелесть таких прогулок»²¹,

¹⁴ Еще в 1909 г. Ольбрахт зло обрушился на культ мученичества (см. статью «Kult bití»). В сб.: «O umění a společnosti», s. 201). В 1919—1920 гг., активно участвуя в революционной борьбе, он призывал к ней во многих своих статьях, например: «Nevíte co je to boj učitele?». В сб.: «O umění a společnosti», s. 226. В 1928 г. писал из тюрьмы: «нет ничего хуже покорного терпения, всегда лучше действовать».

¹⁵ Герои рассказов «Злые пелюдимы», «Разбойник, мой приятель с детства», драмы «Пятый акт»; Ян Веселы из романа «Странная дружба артиста Есения»; герои «Анны пролетарки» и «Зеркала за решеткой».

¹⁶ И. О л ь б р а х т. Никола Шугай разбойник. М., 1952, стр. 15.

¹⁷ Письмо В. Устьяновича к В. Л. Гошовскому от 1 II 1965.

¹⁸ I. O l b r a c h t. Loupežník Suhaj a «rozhorčení» četníci. В сб.: «O umění a společnosti»; Jak mi Masarykovo jméno pomohlo napsat tři knihy. В сб.: «Přuč s legendami». Praha, 1961.

¹⁹ 30 А, ф. 117, оп. 4, № 61; ф. 88, оп. 1, № 18.

²⁰ I. O l b r a c h t. Pojedete letos na Verchovinu? — «Eva», č. 11, 1936, s. 6.

²¹ Там же.

ему даже кажется, что под влиянием природы человек начинает иначе воспринимать все вокруг.

Ольбрахт присматривается к труду лесорубов и сплаву леса по горным рекам, к жизни пастухов на полонинах — как они доят коров и овец, делают сыр, играют на трембите. Он прекрасно научился ставить пастуший шалаш из веток — колыбу. Он так увлечен, что отказывается от своего первоначального плана вернуться на несколько дней в Ужгород и, сообщая об этом Е. Н. Гошовской, пишет 9 августа: «Сейчас на меня навалилось столько работы, которую нужно сделать на месте...» А в письме 17 августа обещает приехать в начале сентября: «Приеду после трехмесячного²² скитания по Подкарпатской Руси немного обтрепанный и не в порядке и прошу Вас уже наперед извинить меня за это. Я нашел здесь роман и гоняюсь за ним по полонинам, деревьям, зимовкам и судам от Хуста до польских границ. Сегодня, в понедельник, я вернулся из путешествия: Воловое — Синевир — Озеро — Попадья — Немецкая Мокрая — Колочава — несколько утомленный 45-километровым походом и весело сажусь, чтобы ответить на Ваше письмо».

Все было бы просто, если б Ольбрахт мог заниматься только своим романом, но в нем тут же заговорил публицист, борец. Если словацкое село казалось писателю XIV столетием, то закарпатское напоминало об XI веке. Он видел курные избы, в которых скот помещался вместе с людьми и которые проветривались только через щели в стенах (крошечные окошки невозможно было открывать), он видел примитивное полуголодное существование и то, как бессовестно на этой беспросветной нужде наживались чиновники, ростовщики и всякого рода мошенники²³, как деревня и целый район были «настоящим эльдорадо господствующих корыстолюбцев... настоящей разбойничьей идиллией..., где крали безобразничали в божественной безопасности»²⁴.

А местечко, город вызывают у писателя другие мысли. Почему в Ужгороде слышен только венгерский и чешский язык, где же украинцы, как же с обещанной автономией? Освободившись от векового гнета венгерских магнатов, Закарпатье стало, видно, чем-то вроде колонии чехословацкой буржуазии. В коротеньком письме, которое Ольбрахт посылает в первые дни пребывания в Ужгороде своему другу и издателю Гиргалю, находим уже зародыш его позднейших статей: «Шлю Тебе привет из города двух единомышленных завоевателей: венгров и чехов»²⁵.

Устьянович, видя, как серьезно Ольбрахт интересуется местной литературой²⁶, театром, школами, всеми вопросами культуры, знакомит его с писателем В. Гренджей-Донским, писателем и литературоведом В. Бирчаком, с адвокатом Гаги. Ольбрахт сам, во время своих поездок, знакомится с многими людьми, которые могли его информировать весьма по-разному. Писатель располагал к откровенности, он был общительным, легко завоевывал доверие своей искренностью, горячностью, веселым нравом, был хорошим собутыльником и интересным спорщиком. Но, слушая других и очень внимательно собирая фактический материал, он умел видеть

²² Ольбрахт, очевидно, включает сюда и свое пребывание в Восточной Словакии.

²³ Тут же в Колочаве священник Стефан Кираль, переписывая и поддельвая векселя, обокрал своих прихожан на 800 000 крон, из-за чего всему селу угрожала конфискация имущества. Закарпатский обл. архив, 30А, ф. 88, оп. 1, № 243. (Вполне возможно, что именно приезд Ольбрахта содействовал разоблачению мошенника).

²⁴ I. O l b r a c h t. Jak mi Mařarykovó jméno pomohlo napsat tři knihy. — «Novový o knihách» č. 5, 1938.

²⁵ J. O p e l í k. Olbrachtovy zakarpatské dopisy. Sborník Národního muzea v Praze. Řada C-Literární historie. Sv. IX, č. 5, 1964.

²⁶ Ольбрахт, наверное, был знаком со статьями о закарпатской литературе чешского ученого Ф. Тпшого и, возможно, с работами Гартля.

все своими глазами. Долголетний опыт политического деятеля, публициста научил его видеть экономические и политические корни культурных явлений.

В произведениях Ольбрахта сочетаются черты романтика, страстно влюбленного в природу, во все необузданное, естественное и неприглаженное, с чертами трезво мыслящего реалиста. Человек жизнерадостный, деятельный, умеющий с юмором переносить личные жизненные неприятности и трудности, Ольбрахт в то же время чуток к горю других, он бурно, стремительно реагирует на всякую общественную несправедливость и зло. В Закарпатье эти черты его характера проявляются особенно полно.

Ольбрахт стремится рассказать о закарпатцах чешскому читателю, пробудить общественное мнение, сочувствие к голодающим, оказать им немедленную реальную помощь. Роман временно отходит на второй план. «Я пришел сюда писать беллетристику, — скажет позже Ольбрахт, — но когда я увидел, в какую безмерную нужду был ввержен край, какая культурная и политическая неразбериха вызывается тут сознательно и из корыстных целей, какая опасная и хорошо организованная шайка грабит целые районы, я не мог, по крайней мере вначале, не отложить беллетристику и не писать обо всем этом»²⁷. И тут же, в Колочаве и в Воловом, в августе Ольбрахт пишет статьи «Борьба за культуру в Подкарпатье». Как верно отметил Р. Гавел, «Ольбрахт за два месяца пребывания в Закарпатье увидел больше, чем другие увидели за годы, и уже его статьи сказали чешскому читателю больше, чем все официальные газеты и журналы за предыдущие 10 лет»²⁸.

Заехав в начале сентября в Ужгород и познакомившись с сыновьями Е. Н. Гошовской²⁹, писатель возвращается в свой пражский дом в Кирчи. Тогда же, в сентябре, газета «Литерарни новiny» начинает печатать его статьи, которые вызывают большой интерес к Закарпатью. Журнал «Творба» писал, что Ольбрахт открыл для чешских читателей неведомый им до этого мир незнакомой земли. В коммунистической прессе появилось много статей в духе ольбрахтовских³⁰.

В январе 1932 г. едет в Закарпатье делегация от пролетарских организаций Чехословакии, в составе ее депутат Штетка, который выступает в сенате с очень подробным и разоблачающим политику чехословацких буржуазных партий докладом о положении Закарпатья³¹ и, показывая овсяный хлеб³², говорит, что и его во многих крестьянских семьях нет уже в феврале и марте. Он говорит о том, что вместо больниц в Закарпатье строятся тюрьмы, приводит данные врача о смертности, болезнях, требует немедленной помощи Закарпатья. Правительство не удовлетворило этих требований, выделив сначала только 200 000 крон (требовали 20 000 000). «Творба» возмущенно писала, что в Закарпатье каждый голодающий получает одну крону³³. Надо было искать другие возможности помочь области.

По инициативе И. Ольбрахта при чехословацкой секции Рабочей помо-

²⁷ I. Olbracht. Jak mi masarykovo jméno pomohlo napsat tři knihy. — «Novory o knihách», č. 5, 1938.

²⁸ Послесловие Р. Гавела к кн.: I. Olbracht. Nikola Šuhaj loupežník. Golet v údolí. Hory a saletí. Praha, 1959, s. 603—617.

²⁹ У Гошовской хранится фотография Ольбрахта с их семейством, датированная 6 IX 1931.

³⁰ Например, остро разоблачающая чешскую буржуазию статья Й. Чермака кончалась словами: «Только 120 км отделиют Закарпатье от Украинской Советской Республики, и украинское население, как его ни терроризируют, расстреливают, эксплуатируют, знает это». «Levá fronta», X 1931, № 2.

³¹ «Творба», 28 I 1932.

³² Ольбрахт писал, что последний пражский нищий бросил бы этот хлеб в лицо того, кто осмелился бы ему его предложить.

³³ «Творба», 11 I 1932.

щи создается Комитет спасения трудящихся Подкарпатской Руси, в который входят кроме Ольбрахта писатели Л. Новомеский³⁴, К. Тейге. Возглавляет Комитет выдающийся ученый-гуманист Эд. Неудлы. В коммунистических газетах и журналах систематически появляются воззвания Комитета к широкой общественности помочь продуктами, лекарствами, одеждой голодающим, не допустить расстрела мирных демонстраций. Под воззваниями находим подписи не только многих выдающихся деятелей культуры Чехословакии, но и подписи Анри Барбюса, Клары Цеткин. В акцию включаются разные организации, ученики, студенты. Комитет издает брошюру «Голод в Закарпатье», в которой врач Гауер и писатель Л. Новомеский приводят потрясающие факты о голоде, отсталости, отсутствии элементарных гигиенических условий и врачебной помощи в селах, задолженности крестьян, засилии экзекуторов.

В феврале продолжают выступления писателей и всей передовой общественности Чехословакии. Сам писатель часто выступает с публичными лекциями о Закарпатье, которое, как он пишет Е. Н. Гошовской (2 II 1932), «все еще остается неизвестным африканским материком». Ольбрахт много рассказывает о природе этой области, своеобразии быта, фольклора, и лекции эти у одних вызывают похвалу³⁵, у других упрек в излишнем увлечении внешними сторонами жизни закарпатцев в ущерб социальной характеристике³⁶.

Писатель постоянно мечтает о новой поездке в Закарпатье. 9 XII 1931 г. он пишет Гошовским: «Не забывайте, что Вы обещали приехать летом в Кирч. Но очень боюсь, что я ворвусь к Вам в Ужгород еще раньше, сразу, как только повеет весной. Эта Подкарпатская Русь меня на самом деле очаровала, я постоянно думаю о ней среди здешнего движения, шума и беспокойства, и так мне хочется засесть там где-нибудь в глуши, чтобы быть в состоянии работать». Но для этого надо заработать деньги, и Ольбрахт занимается переводами из немецкой и английской литературы. Е. Н. Гошовской он пишет 2 II 1932 г.: «За то, что мало пишу, не сердись на меня, Лизочка. Я действительно запряжен днем и ночью. Это не так просто чешскому писателю поехать летом на несколько месяцев в Подкарпатскую Русь. Для этого надо заработать на сегодня и на завтра и всю зиму делать какую-нибудь поденную переводческую работу. Но до апреля я кончу переводы, потом оформлю свои статьи в отдельную книжечку, а потом, наконец, смогу взяться за свой подкарпатский роман. Но его уже буду писать там у Вас». Он пишет, что мечтает поехать вначале в Колочаву, кое-что уточнить, а потом куда-нибудь под Говерлу к запруде, на обратном пути заехать в Ужгород увидеться с Гошовскими и посмотреть цыган и их школу³⁷.

Но сложилось несколько иначе, чем планировал писатель. В Закарпатье зимой усилился голод. Хотя правительство под давлением общественного мнения увеличило помощь на 800 000 крон, это все равно была капля в море нужды. Комитет собирал продукты, обращался к международным рабочим организациям за помощью. Собранное, однако, не всегда доходило по назначению, так как местные закарпатские власти препятствовали вмешательству общественности в их «внутренние дела»³⁸.

³⁴ Л. Новомеский тоже написал очерки о Закарпатье в журналах «Дав» и «Творба» (II 1932).

³⁵ О лекции в Брно 12 II 1932 «Index», 1932, № 4, стр. 21—22.

³⁶ О лекции в Брно «Творба», 31 III 1932.

³⁷ Местные власти приводили эту школу как пример демократии в национальной политике Чехословакии.

³⁸ Газета аграрной партии «Венков» 7 II 1932 г. писала: «Протестуем против диких утверждений воззвания Комитета... Протестуем против того, чтобы чехословацкие коммунистические интеллигенты просили милостыню за границей».

Обстановка в Закарпатье накаливается. Были организованы демонстрации в Сваляве, Перечине, Мукачеве, Севлюше, Тячеве, Воловом. В Туре Пасике (в районе Перечин) 14 февраля жандармы стреляли в демонстрантов, были убитые, раненные. Туда едут коммунистические депутаты и корреспонденты коммунистических газет и журналов, которые подробно пишут о событиях. В знак протеста против террора и солидарности с трудящимися Закарпатья 130 заводов в Фривальдове объявляют забастовку, пролетариат Праги организует демонстрацию.

Закарпатье снова в центре внимания чехословацкой и отчасти зарубежной общественности. Правительственные круги обеспокоены этим. Запрещают передовым писателям печатать статьи о Закарпатье, буржуазные газеты пытаются дискредитировать писавших правду о создавшемся положении³⁹ или доказать, что ничего особенного не происходит в области: голод там был всегда, люди привыкли плохо питаться и ходить босыми по снегу («Венков», 15 II 1932), а бунтуют они только потому, что зима длинная, скучно, нечего делать («Народни политика»), надо им дать хлеба, но немного, так, чтобы не умерли с голода («Господарске розгледы»). Подобных циничных высказываний было много.

Напряженность политической обстановки и вызвала, вероятно, решение Ольбрахта, не ожидая весны, немедленно ехать в Закарпатье. Его поездка совпадает с поездкой Ренна, Гамильтона, делегации Комитета спасения трудящихся Подкарпатья. Возможно, у него были какие-то поручения от Комитета. Бесспорно, он хотел уточнить кое-что для своих очерков и посмотреть, что происходит в области. Нужда, голод, примитивность быта, антисанитарные условия — зимой все выступало ярче и трагичнее. Ольбрахт уточнял и некоторые вопросы культурной жизни⁴⁰, общался с интеллигентами, выступал с публичным чтением начатого романа о Шугае (11 марта в Ужгороде в зале общества «Просвита»)⁴¹.

Возвратившись в Прагу, он писал Е. Н. Гошовской 23 III 1932 г.: «Вспоминаю Вас и Подкарпатье. Я рад, что сейчас зимой там был и верю, что моя поездка хотя бы частично принесла какую-то пользу».

Понимая, что закарпатские проблемы в создавшихся тяжелых условиях приобретают особое важное значение, Ольбрахт переделал статьи⁴² в книгу очерков «Земля без имени», появление которой весной 1932 г. было очень своевременным и нужным в сложившейся обстановке. Она вызвала ярость реакционеров⁴³ и много прямых и косвенных откликов. Чтобы опровергнуть или смягчить выгоды Ольбрахта, писались статьи, издавались книги. Очерки писателя вызвали брожение и в Закарпатье. Со свойственным ему юмором Ольбрахт писал Е. Н. Гошовской 31 V 1932 г.: «У Вас 25 политических партий и группировочек, и яснее ясного, что

³⁹ Так, например, в газете «Podkarpatské hlasy» 20 III 1932 г. писалось, что Г. Гамильтон, который выдает себя за аристократа, сотрудника «Таймс» и бывшего дипломата, является чиновником, сидевшим за нечестные дела в тюрьме. Гамильтону пришлось подавать дело в суд, чтобы заставить редакцию поместить опровержение клеветы (Закарпатский обл. архив, 30А, ф. 30, оп. 4, № 1189).

⁴⁰ Немногом раньше, 2 II 1932 г., он пишет Е. Н. Гошовской: «С моими взглядами на Подкарпатскую Русь уже ничего не поделаешь, я их смогу изменить или дополнить только сам, когда опять поеду туда, но заметила ли Ты какие-нибудь фактические неточности или ошибки в моих статьях, я буду Тебе очень благодарен, если укажешь мне на них раньше, чем статьи выйдут отдельной книгой».

⁴¹ Информация об этом выступлении Ольбрахта помещена в газете «Українське слово», 15 III 1932.

⁴² Интересные сведения об этой работе см.: J. O p e l i k. Olbrachtové Zakarpatské reportáže. Sborník Vysoké školy v Olomouci. II. Praha, 1955.

⁴³ В прессе того времени можно найти немало злобных замечаний вроде этого: «из писателя беллетриста тотчас же выдупливается партийный политик». — «Podkarpatské hlasy», 7 V 1932.

должно быть 25 упреков к книжке...». С большим одобрением писали о книге Ольбрахта прогрессивные деятели. В журнале «Творба» (14 IV 1932) говорилось, что эту наиболее актуальную сейчас книгу должен прочитать каждый. Знаменательно, что одним из первых откликнулся выдающийся критик и литературовед Ф. Кс. Шальда, который долго не вступал активно в политическую борьбу. Шальда написал большую статью ⁴⁴, в которой, исходя из очерков «Земля без имени» и часто их цитируя, осудил колонизаторскую политику чехословацкой буржуазии и колонизацию вообще. Он развил мысли Ольбрахта о том, что после присоединения области к Чехословацкой республике закарпатцам стало не легче, а еще тяжелее жить. Кстати, этот вывод вызывал особенно яростные нападки на Ольбрахта в буржуазной прессе ⁴⁵. Ольбрахту и Шальде, чехам-патриотам, было горько и обидно, что их страна, только что добившись национальной независимости, стала угнетать других. Им нужно было задеть за живое, вызвать серьезный разговор, разоблачить политику чехословацкой буржуазии там, где она скрывалась за красивыми фразами об освобождении закарпатцев от векового гнета, показать, что буржуазия маленького народа имеет такие же колонизаторские стремления, как и буржуазия других народов. Все это имело большое политическое значение. И ясно, что Ольбрахт обратился к Закарпаты, не уклоняясь от политической борьбы в поисках романтического сюжета, как писал Арне Новак ⁴⁶, и не увлекаясь экзотикой (А. Гартль ⁴⁷, М. Любинецкий ⁴⁸). Он сказал нужное слово художника-интернационалиста и гуманиста тогда, когда оно могло принести и действительно принесло большую пользу.

⁴⁴ «List pro poesii, politiku a život». — «Saldův zápisník», Cerven 1932, IV, s. 10—11.

⁴⁵ Издание большого сборника «Podkarpatská Rus» (Bratislava, 1936) было вызвано желанием официально опровергнуть мнение Ольбрахта, о чем свидетельствует предисловие сборника.

⁴⁶ А. Н о в á к. Baladický román I. Olbrachta. — «Lidové noviny», 24 IV 1933; А. Н о в á к. Stručné dějiny literatury české. Praha, 1946.

⁴⁷ А. H a r t l. Podkarpatská Rus v české literatuře. В кн.: Podkarpatská Rus. Bratislava, 1936, s. 207—209.

⁴⁸ М. Л ю б и н е ц к и й. Підкарпаття в чеській літературі. В кн. Międzynarodowy zjazd sławistów. S. II. Warszawa, 1934.

СЛЕДЫ ЭПИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ НА БУКОВИНЕ

В июле 1965 г. в составе лингвистической экспедиции Института славяноведения АН СССР мне довелось побывать на Буковине: в Заставненском, Хотинском, Кельменецком и Новоселицком районах Черновицкой области. Наряду с выполнением работы по лингвистической программе и сбором сведений по истории сел мною проводилась и запись фольклора, причем сбор фольклорного материала осуществлялся по программе собирания эпических произведений, которой пользовались участники экспедиций МГУ на русском Севере.

Целью такого эксперимента было обнаружить сопоставимые, типологически близкие русскому эпосу сюжеты и на основании обнаруженного судить о современном состоянии украинской эпической поэзии в сравнении с русской. Существенно, что названные районы обследования в течение десятилетий или даже столетий были отрезаны государственными границами от Украины и что, следовательно, в силу исторических обстоятельств в них могли консервироваться такие фольклорные явления, какие в самой Украине уже исчезли.

Слишком короткий срок пребывания в каждом селе (не более 3—4 дней) побуждал тщательно подбирать исполнителей. Опрос велся на русском языке. Исполнители были настроены очень доброжелательно. Опрос проводился по именам эпических героев и по сюжетам. Попытка опрашивать исполнителей по южнославянским эпическим именам и сюжетам не дала никаких результатов (хотя в говорах исполнителей обнаружены южнославянские черты). Что касается украинских дум, то их бытования также не обнаружено, только один исполнитель предложил думу, но и та была перенята им по радио.

Совершенно безрезультатным оказался и опрос по именам русских эпических героев. Опрошенные не слышали подавляющего большинства русских сюжетов. «Це у казках може бути», — временами слышался ответ, но никто из опрошенных не мог сообщить, бытовали ли в этих местах сказки с подобными сюжетами. Представления местных жителей об истории очень часто ограничиваются историей данной местности и не уходят вглубь далее начала XIX в. Жители, например, с удовольствием делились преданиями о турецком владычестве на этой территории, но эти предания нередко оказывались бессюжетными, неопределенными.

В ходе работы удалось записать около 40 песен, в том числе 17 близких русским сюжетам типа: «Михайла и рябинка» (9 вариантов), «Оклеветанная жена» (3 варианта), «Братья-разбойники и сестра» (2 варианта)¹,

¹ Указания на славянские варианты этих трех сюжетов см. в работе: П. В. Липинт у р. Народные баллады Закарпатья и их западнославянские связи. Серия «Доклады советской делегации на V Международном съезде славистов». Киев, 1963. П. В. Липинт вслед за Н. П. Андреевым и Й. Горакком относит эти сюжеты к «древнейшему историческому слою» (там же, стр. 7).

В украинской фольклористике принято сближать балладу типа «Оклеветанная жена» («Гребенюшка») с русскими балладами «Мать князя Михайлы губит его жену» и «Князь, княгиня и старицы». На самом деле, наиболее точным соответствием укра-

«Теща в плену у зятя» (1 вариант)², «Жена мужа повесила» (1 вариант)³, «Муж на свадьбе своей жены» (1 вариант)⁴. Остальные тексты представляют собой несопоставимые с русским материалом украинские баллады⁵. Их предлагали сами исполнители взамен отсутствующих сюжетов, в общем довольно точно угадывая запросы собирателя. В с. Онут Заставненского района один из исполнителей сообщил о бытовании в прошлом песни типа былины «Чурила и Катерина», однако другие жители этого сообщения не подтвердили.

Как правило, записываемые тексты назывались «старыми песнями». Наиболее слабое бытование баллад (только сюжет типа «Михайла и рябинка») отмечено в Хотинском районе, наиболее заметное — в районах, в прошлом входивших в состав Австро-Венгерской империи.

Баллады удалось обнаружить лишь в пяти из восьми обследованных сел. Поют их только женщины, причем обычно старше 40 лет. Только однажды пришлось фиксировать хоровое (но на один голос) исполнение девушками с колхозной фермы баллады типа «Михайла и рябинка». Отношение девушек к ней практически такое же, как и к русским «жестоким» романсам, которые, кстати, в буковинских селах достаточно широко известны. Многие исполнительницы постарше в своих оценках баллад также склонны сближать их с «жестокими» романсами. Это присуще не одним лишь буковинским певцам. Аналогичное отношение к некоторым балладам наблюдается также в севернорусских деревнях, в болгарских селах на юге Украины. При этом характерно, что столь позднее (или столь современное) переосмысление содержания этих произведений всегда стоит в тесной связи с их поздними формами⁶.

Нельзя утверждать, будто указанное отношение к балладам предшествовало поздним формам баллад или возникало одновременно с ними. Так, проведенное нами сравнение буковинских песен со сходными украинскими и польскими вариантами, опубликованными на протяжении последних ста тридцати лет, свидетельствует о весьма значительной устойчивости балладных форм на протяжении этого времени. Сопоставление записей разного времени показывает, что сдвиги в форме произошли в основном за счет стяжения размера стиха и усиления роли повторов, идущих от лирических песен, но и эти сдвиги свойственны отнюдь не большинству текстов в пределах западноукраинского ареала они не всегда совпадают с выявленным отношением к балладам⁷.

инской версии служит песня «Написала сыну мать в Петербург письмо», в ряде районов русского Севера вытеснившая названные русские баллады. Нужно вместе с тем подчеркнуть, что украинская баллада отличается от этой песни рядом более ранних элементов в форме и содержании, занимая как бы промежуточное место в эволюции от русских баллад к этой песне.

² Анализ русской и украинской версий этой баллады см. в работе: Б. Н. Путь и л. в. Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI веков. М.—Л., 1960, стр. 87—97. Указания на славянские варианты см. в работе того же автора «Славянская историческая баллада», М.—Л., 1965, стр. 104—109.

³ Русский вариант: «Русская баллада». Пред., ред. и прим. В. И. Чернышева. Вст. статья Н. П. Андреева. «Советский писатель», 1936, № 208 на стр. 221 и прим. на стр. 439. Эту балладу во множестве вариантов записывали и экспедиции МГУ на русском Севере, однако в силу сложившейся практики ее включали не в число баллад, как, впрочем, многие другие сюжетные песни, а в разряд лирических песен.

⁴ Указания на славянские варианты см. в работе: K. Hořálek, Z. Hořálková. Moravskoslezská píseň s námětem «Muž na svatbě své ženy». Pokus o historicko-rovňávací rozbor. — «Slezský sborník. Acta Silesiaca», 1958, t. 56, № 2, s. 145—178.

⁵ Некоторые из них (например, «Бондаривна») встречаются и в русском фольклоре, но их украинское происхождение очевидно.

⁶ Под поздними формами украинских баллад подразумеваются те, что несопоставимы с формами русских баллад и сближают украинские тексты с западнославянскими. Большинство буковинских записей обладает поздними формами.

⁷ Случаи прямого распада формы, участвовавшие за последние десятилетия, здесь не берутся во внимание, так как они служат не столько показателем внутрижанровых

Говоря об устойчивости балладных форм, трудно в то же время не заметить изменений в содержании баллад. Так, в балладе типа «Братья-разбойники и сестра» инцест совершенно исчез, акцент перенесен на убийство зятя. Исполнители, к которым я обращался, независимо от того, знают они эту балладу или нет, решительно исключают возможность воспевания инцеста⁸.

В вариантах баллады типа «Михайла и рябинка» заклятие свекрови чаще всего снято. Превращение невестки в тополь описывается кратко и неопределенно. О заклятии свекрови слушатель узнает лишь в конце баллады, но и здесь оно подается как-то вскользь, акцент делается не на самом заклятии, а на дурных качествах свекрови.

В двух из трех случаев записи баллады типа «Оклеветанная жена» и в пояснениях исполнителей описание положения Гребенюшки (Драбенюшки), его богатств оценивается как гиперболизация. В связи с этим вся балладная ситуация оказывается типизированной и подчеркнута современной и, следовательно, вполне актуальной для исполнителей.

Короче, изменение содержания баллад непосредственно связано с трансформацией наиболее древних его элементов. В одних случаях наблюдается снятие древнего элемента, в других — сильное его смягчение, в третьих — стремление его осовременить. Вряд ли подобная трансформация обусловлена формой произведений. Скорее всего, определяющими моментами здесь были какие-то сдвиги в общественном сознании нескольких поколений исполнителей. Иными словами, из двух отношений (содержание — форма, содержание — сознание) решающую роль в изменении содержания баллад сыграло именно последнее. Из-за отсутствия необходимой информации трудно датировать процесс изменения содержания баллад в пределах Буковины. Что же касается более широкого ареала (Западная Украина), то в его пределах этот процесс шел неравномерно в разных районах бытования и для различных сюжетов, однако он явно начался значительно позже, чем окончательно сложились те балладные формы, которые характерны для украинской и западнославянской фольклорных традиций.

Из числа названных выше сюжетов лишь один — «Жена мужа повесила» — выглядит заимствованием из русского фольклора. Происхождение песни выдает прежде всего язык, почти сплошь русский, с редкими украинскими вкраплениями. За этим исключением, другие баллады, судя по языку и характеру разработки сюжета, свободны от русского влияния.

Сюжеты типа «Михайла и рябинка» и «Теща в плену у зятя» фиксировались на Буковине еще во второй половине XIX в.⁹ Сюжеты типа «Братья-разбойники и сестра» и «Оклеветанная жена» представлены в одном варианте и в новейшем сборнике Л. Яценко¹⁰. Вместе с сюжетом типа «Василий и Софья»¹¹, бытования которого мне не удалось обнаружить, они составляют круг тех сюжетов, которые сопоставимы с русским материалом.

изменений, говорящим о каких-то возможностях бытования жанра, сколько показателем отмирания жанра. Среди буковинских записей лишь два текста дефектны: полупересказ на сюжет типа «Братья-разбойники и сестра» и начальный отрывок на сюжет типа «Михайла и рябинка».

⁸ Судя по записям экспедиций МГУ, инцест опущен и во многих вариантах баллады этого типа на русском Севере.

⁹ См., например: «Песни буковинского народа». Собрал Г. Купчанко, подготовил к печати А. Лоначевский. Записки Юго-Западного отдела Русского географического общества, т. II за 1874 г. Киев, 1875, стр. 542, 549—550.

¹⁰ «Буковинські народні пісні», Київ, 1963, стр. 185—186, 293—295. В сборник Л. Яценко включены материалы экспедиций Института искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР в 1959 и 1962 гг., а также записи местных буковинских собирателей. К сожалению, Л. Яценко совершенно опустил вопрос о бытовании баллад на Буковине.

¹¹ «Песни буковинского народа», стр. 541.

Примечательно, что в рамках украинской фольклорной традиции эти же пять сюжетов бытовали в прошлом и в Покутье¹². Судя по публикациям украинских и польских собирателей, повсюду в прилегающих районах, включая богатое балладами Закарпатье, число сопоставимых с русским материалом баллад резко падает. Пока что этому факту трудно найти объяснение.

Из всех буковинских записей наибольший интерес вызывает баллада «Муж на свадьбе своей жены»¹³. Дело в том, что она, по-видимому, впервые фиксируется на украинской почве. Правда, А. М. Кинько утверждает, что эта баллада бытует на Украине, но почему-то ссылается лишь на русскую былинку «Добрыня и Алеша», имеющую аналогичный сюжет¹⁴. М. М. Плисецкий, отметив, что А. М. Кинько не привел в качестве доказательства украинские тексты, в свою очередь попытался дать украинскую параллель к русской былинке, но эта параллель не соответствует былинному сюжету¹⁵. Предпринятая мной попытка найти опубликованные украинские варианты также не увенчалась успехом.

Располагая единичной записью, трудно сделать какие-либо окончательные выводы относительно происхождения текста. Нельзя, разумеется, не заметить, что некоторые восточнопольские варианты этой баллады имеют аналогичные признаки формы: восьмисложный силлабический стих, парные рифмы, постоянное ударение на предпоследнем слоге. Вместе с тем они отличаются от буковинской записи разработкой иной сюжетной версии¹⁶. Указанные признаки формы вообще характерны как раз для той группы песен, которая равным образом известна и полякам и украинцам. Эти же признаки формы прослеживаются и в ряде словацких и чешских песен. Поэтому можно попасть в весьма затруднительное положение, избрав лишь эти признаки формы в качестве доказательства о каком-то определенном этническом происхождении буковинской баллады. Сильное фольклорное взаимодействие на территории со смешанным славянским населением не позволяет категорически высказываться в пользу какого-то одностороннего решения¹⁷.

Даже когда налицо совпадение не только по признакам формы, но и по разработке сюжетной версии, о происхождении текста еще нельзя судить со всей определенностью. Самым близким соответствием буковинской балладе, как выяснилось, являются чешские варианты из северо-восточной Моравии¹⁸. В этих вариантах все моменты сюжета поданы без акцента на каком бы то ни было из них. В отличие от польских вариантов, в чешских также отсутствует мотив перстня, скрипки или гусель, благода-

¹² O. Kolberg. Dzieła wszystkie, t. 30, Pokucie, cz. II. Wrocław — Poznań, 1963, s. 30, 36, 39—40, 41—42, 224—226.

¹³ Запись от В. Д. Костенюк 57 лет в с. Онут Заставненского р-на.

¹⁴ «Українська народна поетична творчість», т. I. Дожовтневий період. Київ, 1958, стр. 582.

¹⁵ М. М. Плисецкий. Взаимосвязи русского и украинского героического эпоса. М., 1963, стр. 37, 388.

¹⁶ См., например: «Pieśni ludu polskiego w Galicji». Zebrał żegota Pauli. Lwów, 1838, s. 107—108. Наиболее полную подборку польских вариантов «Муж на свадьбе своей жены» см.: O. Kolberg. Dzieła wszystkie, t. I. Pieśni ludu polskiego. Wrocław, 1961, s. 224—235.

¹⁷ На это обстоятельство указывает и Ч. Гернас. См.: Cz. Herbas. Staropolska pieśń ludowa (Problemy źródeł i metodologii). Nadbitka z tomu «Z polskich studiów slawistycznych», seria druga. Warszawa, 1963, s. 359. Примечателен, но пока не объяснен и тот факт, что наиболее активное бытование баллад в рамках польской фольклорной традиции отмечено публикациями в районах со смешанным польско-украинским населением и в районах, смежных с Моравией и Словакией. В других районах Польши число балладных сюжетов резко падает.

¹⁸ K. Horálek, Z. Horálková. Ibid., s. 152 a d.

ря которым жена узнает вернувшегося мужа¹⁹. Любопытно и то, что в рамках чешской фольклорной традиции сюжет «Муж на свадьбе своей жены» представлен лишь этой версией, а фиксировался он, правда, в небольшом числе вариантов, исключительно в северо-восточной Моравии. И все же ныне преждевременно утверждать, случайно или не случайно подобное совпадение буковинской баллады с чешскими текстами. К тому же ряд мелких отличий свидетельствует о том, что буковинская баллада не похожа на недавнюю или же непосредственную кальку с чешского извода.

Закljučая сообщение, следует сказать о важности поиска сопоставимых с русским эпосом украинских произведений. Буковинская поездка была пока что последним звеном в цепи длительного поиска таких типологических соответствий. До сих пор на Украине обнаруживались преимущественно кальки с русских былин. Редчайшие типологические исключения представляли собой либо смутные произведения в виде преданий и сказок, либо осколочные элементы в колядках и думах, т. е. они лишь намекали на возможность бытования песен, сопоставимых с русскими былинами. База типологической общности украинской и русской эпических традиций выглядит чрезвычайно узкой. А ведь консерватизм фольклорной традиции достаточно прочен для того, чтобы сохранились подобные украинские эпические произведения, если они существовали, в большем числе сюжетов и вариантов. К тому же по благоприятности исторических условий для фольклорной традиции такие украинские районы, как Буковина, Покутье, Закарпатье, не уступают русскому Северу, однако же типологические соответствия обнаруживаются лишь по новеллистическим сюжетам.

Сказанное побуждает по-иному оценивать восточнославянскую эпическую общность. Не складывался ли основной круг сюжетов русской эпической традиции параллельно с процессом образования украинской народности? К такому предположению приводит практика собирания. Аргументы за или против этого предположения может принести очень серьезный и тщательный поиск в украинских районах.

ПРИЛОЖЕНИЕ

(Муж на свадьбе своей жены)

Оженѐў ся Васѐлѐчек
Та взяў себи Маричѐчку,
Полягали ввѐчер спати
Та зачали розмѐвяти.

— А я їду на войнѐчку,
Тѐбя лѐшу серитѐчку,
Та там буду воювати,
Буду теби лѐст писати.

Ой, вже рѐчек, ой, вже дрѐгий,
Васѐль лѐст на ўсилайе,
А не лѐста, не лѐстѐчка,
Ні жадної відомѐсті.

А на дрѐгий вже мѐнуло,
На Васїля-м не чекала,
За Ивасем се віддѐла²⁰.

Ой, я в цѐркви до слюбѐчку,
Васѐль з войны до домѐчку;
Ой, я с цѐркви вже за стѐлом,
Васѐль з войны пѐред двѐром.

Ой, хочѐла-м рясни пѐле
Та скочїла-м чѐрез стѐле.
— Жий, Ивасю, с кем ти мѐло,
Бо прїхаў мїй дѐбрѐло²¹.

¹⁹ В некоторых польских вариантах этот мотив также отсутствует. См., например: O. Kolberg. Dzieła wszystkie, t. 6. Krakowskie, cz. II, s. 167—168. Однако и для этих вариантов свойственна иная сюжетная версия.

²⁰ Эти три строчки исполнительница не пела.

²¹ Эта форма сразу напоминает о Добрыне, — герсе русской былины с аналогичным сюжетом. Пока трудно сказать, правомерна ли эта связь. Ни в местных диалектах, ни в просмотренных украинских словарях и западнославянских вариантах форма «добрело» не встречается. Сама исполнительница и опрошенные жители способны объяснить эту форму, лишь ориентируясь по контексту: добрело — добрый человек.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

ЧЕХОСЛОВАЦКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА 1965 г. ОБ АНТИФАШИСТСКОМ ДВИЖЕНИИ СОПРОТИВЛЕНИЯ НАРОДОВ ЧЕХОСЛОВАКИИ

За последние годы чехословацкая историческая наука достигла значительных успехов в разработке проблем отечественного национально-освободительного движения в годы второй мировой войны. Несколько новых работ появилось и в минувшем году. Ряд вопросов, связанных с движением Сопротивления, нашел свое отражение в первом, вводном томе издания «Путь к маю»¹, выпущенном к двадцатой годовщине освобождения Чехословакии Советской Армией. В этом сборнике собрано 273 документа, хронологически охватывающих период с декабря 1943 г. до середины мая 1945 г. Документы, вошедшие в сборник, выявлены в результате большой работы по изучению материалов чехословацких архивов и прессы как подпольной, так и легальной. Публикация состоит из двух больших разделов.

В первом разделе «За программу и характер новой республики» содержатся документы, отражающие заключительный этап идейной борьбы за программу послевоенного социально-политического устройства чехословацкого государства, ведшейся в рамках антифашистского движения Сопротивления в стране и в эмиграции. Большой интерес здесь представляют впервые опубликованные материалы о московских переговорах Э. Бенеша с представителями руководства КПЧ в декабре 1943 г. В сборнике много места отведено документам Словацкого национального восстания.

Второй раздел составляют документы, показывающие начало и ход национально-демократической революции на территории страны, освобожденной Советской Армией. Интересны новые документы о деятельности Чешского национального совета во время Майского восстания 1945 г. Эти материалы вошли в сборник под названием «Первые шаги».

¹ М. Klimeš, P. Lesjuk, I. Malá, V. Prečan. Cesta ke květnu. Vznik lidové demokracie v Československu. Sv. 1—2. Praha, 1965.

Помещенные в сборнике обширные комментарии носят исследовательский характер; они ценны своими ссылками на другие источники и выдержками из неопубликованных документов. Большой интерес представляет краткое описание фондов пражских и братиславских архивов, материалы которых послужили основой для этого издания. Свообразным дополнением к публикации «Путь к Маю» является сборник документов «Создание единых профсоюзов в 1944—1946 гг.»². Он посвящен процессу складывания организационного и идейного единства профсоюзного движения в Чехословакии в ходе национально-демократической революции. Документы сборника отражают борьбу КПЧ за единство рабочего класса со времени Словацкого национального восстания до первого съезда профсоюзов в апреле 1946 г.

К двадцатилетию освобождения страны Советской Армией приурочен также выход двух сборников документов о Майском восстании 1945 г. в Чехии. В первом из них содержится материал местных архивов о боевых действиях чешского народа во время Майского восстания, о моральном разложении оккупационных властей и об освобождении восточной и северо-восточной Чехии Советской Армией³. Во втором — помещены местные хроники и воспоминания участников революционных событий в средней Чехии⁴.

В последнее время в трудах чехословацких ученых значительное место занимают исследования по проблемам национально-демократической революции.

² «Budování jednotných odborů 1944—1946.» Sborník dokumentů. Praha, 1965.

³ J. Frajdl, J. Kmoníček. Květen 1945 ve východních a severovýchodních Čechách. Sborník dokumentů. Havlíčkův Brod, 1965.

⁴ «Květen 1945 ve Středních Čechách.» Praha, 1965.

Вышедшие в течение года две крупные монографии словацких историков о заключительном этапе национально-освободительного движения в Словакии — свидетельство их внимания к этой теме.

В обстоятельном исследовании Й. Яблоничко о «Словакия на переломе»⁵ рассматривается мало изученный так называемый кошицкий период в развитии национально-демократической революции в Словакии, т. е. период деятельности Словацкого национального совета и революционных изменений, осуществляемых словацким народом под руководством Коммунистической партии Словакии на территории, освобожденной Советской Армией.

Автор рассматривает Словацкое восстание как начало национально-демократической революции, он показывает деятельность Словацкого национального совета, революционные преобразования, происшедшие в ходе этого восстания. На обширном материале о первых социально-экономических мероприятиях национальных революционных комитетов, создании народной милиции и органов безопасности, о мобилизации в чехословацкие воинские части и содействии Советской Армии автору удалось показать процесс перерастания освободительного движения в национально-демократическую революцию. Работа Й. Яблоничко существенно восполняет пробел в изучении периода с конце октября 1944 г. до прихода войск Советской Армии. И на освобожденной территории страны продолжалась национально-освободительная борьба, отмечает автор, но в других формах, чем на оккупированной части.

Монография С. Цамбела «Революционный 1945 год»⁶ посвящена национально-демократической революции в средней Словакии и имеет более узкие хронологические рамки. Новый этап в развитии национально-освободительного движения автор связывает с приходом туда войск 2-го и 4-го Украинских фронтов. С. Цамбел впервые обстоятельно осветил вопрос о взаимоотношении Советской Армии и словацких национальных органов власти. Основное внимание автор уделяет анализу деятельности народно-демократической власти после победы национально-демократической революции. Написанная на основе местных архивных фондов, книга С. Цамбела является одной из крупных работ чехословацких историков по региональной истории.

Теоретической разработке проблем национально-демократической революции

в Словакии посвящена книга С. Фалтыяна⁷. Автор придерживается в ней общепризнанной в чехословацкой историографии точки зрения о том, что Словацкое национальное восстание является началом национально-демократической революции в стране.

Появившаяся в течение последних трех лет литература внесла много нового в разработку проблематики выдающегося события в антифашистском движении Сопротивления народов Чехословакии — Словацкого национального восстания. Новую трактовку получила оценка деятельности Пятого ЦК КПС, характер Национального фронта, роль Словацкого национального совета в восстании, помощь СССР восставшему народу, социально-политическое и международное значение восстания.

В 1965 г. интерес к истории Словацкого национального восстания не ослаб, о чем свидетельствует переиздание книги Э. Фриша на чешском языке, появившееся рядом статей об отдельных аспектах восстания и публикация материалов научной конференции в Смоленицах (июнь 1964 г.)⁸. Материалы этой конференции показывают, что чехословацкие историки считают Словацкое национальное восстание вершиной национально-освободительной борьбы словацкого народа и начальным этапом в развитии национально-демократической революции в Чехии.

По сравнению с исследованием проблем Словацкого национального восстания значительно меньше сделано в изучении Майского восстания 1945 г. в Чехии.

В прошлом году вышло второе, переработанное издание книги К. Бартошека⁹. До недавнего времени проблематика восстания разрабатывалась очень неравномерно. В центре внимания исследователей находились события в Праге.

⁷ S. Faltán. K problémom národnej a demokratickej revolúcie na Slovensku. Bratislava, 1965.

⁸ E. Friš. Povstání zdaleka a zblízka. Praha, 1965; J. Pivořák. Príspevok k otázke príčin nezapojenia bratislavskej vojenskej posádky do Slovenského národného povstania.— «Historie a vojenství», č. 5, 1965; L. Tilkovský. Príspevok k dejinám partyzánskej činnosti na pohraničí južného Slovenska.— «Historický časopis», č. 1, 1965; V. Horňák. Prameny k dejinám národnoslobodzovacieho boja a SNP.— «Archivní časopis», č. 3, 1965; «Slovenské národné povstanie roku 1944». (Sborník príspevkov z národnoslobodzovacieho boja 1938—1944). Bratislava, 1965; «Diskusia z vedeckej konferencie o Slovenskom národnom povstaní».— «Historický časopis», č. 1, 1965.

⁹ K. Bartošek. Pražské povstání 1945. Praha, 1965.

⁵ J. Jablonický. Slovensko na prelome. Pociatky národnej a demokratickej revolúcie. Bratislava, 1965.

⁶ S. Cembel. Revoluční rok 1945. Oslobodenie a prvé kroky lidovej moci na Strednom Slovensku. Bratislava, 1965.

Этот недостаток был свойствен и первому изданию книги К. Бартошека. Во втором издании монографии К. Бартошек расширил IV главу книги за счет освещения революционных событий в провинции.

К двадцатилетию Майского восстания чешского народа был приурочен выход книги Й. Долежала¹⁰ и опубликованы статьи об этом выдающемся событии в истории движения Сопротивления в Чехословакии¹¹.

Во всех этих исследованиях, основанных на значительно более широком круге источников, Майское восстание 1945 года рассматривается как общенародное восстание в чешских землях, как важнейший этап национально-демократической революции в Чехословакии.

Одной из немногих исторических работ, посвященных сопротивлению оккупантам чехословацкого рабочего класса на столичных металлургических заводах, является книга Л. Легара¹². Основное внимание автора сосредоточено на деятельности коммунистов в подпольных организациях в первые два года оккупации. Изучение местного архивного материала и воспоминаний участников событий дало автору возможность обстоятельно осветить вопрос о двух стачках рабочих «Вальтровки» в конце августа и в начале сентября 1941 г., явившихся одним из проявлений усиления волны активного сопротивления чешского народа после начала Великой Отечественной войны Советского Союза.

В статье В. Менцла показывается, как революционная группа «Пршедвой» (Авангард) боролась за создание национальных революционных комитетов¹³.

Среди работ чехословацких историков об освободительных боях Советской Армии самой обстоятельной является двухтомный труд авторского коллектива Военно-исторического института в Праге, посвященный освобождению Чехослова-

кии Советской Армией в 1944—1945 гг.¹⁴ Эта фундаментальная работа является серьезным вкладом в историографию освободительной миссии Советской Армии в период второй мировой войны. На материалах советских и чехословацких архивов авторы воссоздали объективную картину освобождения Чехословакии, подчеркнув историческую, решающую роль Советских вооруженных сил. Боевые действия Советской Армии на территории Чехословакии с сентября 1944 г. до окончания войны подразделены авторами на девять крупных операций; весь ход освободительных боев они разделили на четыре периода.

В работе дана развернутая характеристика боевых действий Чехословацкого корпуса, сформированного на территории СССР. Здесь впервые была предпринята попытка выявить удельный вес и роль чехословацких воинских частей в освободительных боях Советской Армии на территории Чехословакии. В книге показаны силы движения Сопротивления. Особое внимание авторы уделили Майскому восстанию. На обширном материале они показали, что национально-освободительное движение оказало существенную помощь Советской Армии и сыграло решающую роль в установлении пародно-демократического строя в стране.

Помощь СССР народам Чехословакии на заключительном этапе второй мировой войны освещается в многочисленных статьях, опубликованных в прошлом году¹⁵.

Большой интерес представляет написанная на основе изучения нацистских документов статья Э. Конечного и Ф. Майнуша о советских военнопленных на территории Чехословакии¹⁶.

В чехословацкой литературе много внимания уделяется изучению истории

¹⁰ J. D o l e ž a l. Majové povstanie 1945. Bratislava, 1965.

¹¹ См.: S. Ž a m e č n í k. Květnové povstání českého lidu.— «Historie a vojenství», č. 1 — příloha, 1965; K. B a r t o š e k. Povstání pražského lidu.— «Nová mysl», č. 5, 1965; J. D o l e ž a l. Jak vznikalo české květnové povstání.— «Slovanský přehled», č. 2, 1965; J. V e g n e r. Činnost partyzánské brigády «Národní mstitel» a květnové boje proti fašistickým okupantům na Mělnicku.— «Historie a vojenství», č. 6, 1965; H. K r a č m a r o v á. Vysokoškoláci v květnu 1945.— «Dějiny a současnost», č. 6, 1965.

¹² L. L e h á r. Pražští kováři v boji za svobodu 1939—1941. Praha, 1965.

¹³ V. M e n c l. Revoluční skupina Předvoj.— «Příspěvky k dějinám KSČ», č. 3, 1965.

¹⁴ «Osвобоzení Československa Růdou Armádou 1944—1945». Sv. 1—2. Praha, 1965.

¹⁵ См.: F. N e s v a t b a. Osвобоzení Československa Růdou Armádou.— «Historie a vojenství», č. 1 — příloha, 1965; J. M a c h a č. Sovětská Armáda v boji za naši svobodu.— «Nová mysl», č. 5, 1965; E. R e č k o v á. K niektorým problémom oslobodenia južného a juhovýchodného Slovenska Sovětskou Armádou.— «Slovanské štúdie», VII. Bratislava, 1965; J. P a u l í k. Co znamenala pomoc SSSR našim národům v roce 1944.— «Praha — Moskva», č. 2, 1965; B. T v a r ů ž e k. Prameny k historii vojenského osvobození Československa 1944—1945.— «Archivní časopis», č. 2, 1965; Ч. А м о р т. Из истории спасения Праги Советской армией.— «История СССР», № 3, 1965.

¹⁶ Z. K o n e č n ý, F. M a i n u š. Sovětské váleční zajatci na československém území za druhé světové války.— «Historie a vojenství», č. 3, 1965.

создания Чехословацкой народной армии в годы второй мировой войны. Задачи и основные проблемы историографии этого вопроса рассматриваются в статье М. Лихновского¹⁷. Опубликовано второе издание книги Т. Брода и Э. Чейки «На западном фронте»¹⁸. Работа посвящена боевым действиям чехословацких воинов, главным образом летчиков, на западных фронтах второй мировой войны. За счет привлечения нового материала авторы переработали главы о военных частях в Польше и во Франции в 1939—1940 гг., на Среднем Востоке в 1940—1943 гг.

В связи с двадцатилетием принятия Кошицкой программы появился ряд статей, в которых оценивается ее место и значение в национально-демократической и социалистической революциях в Чехословакии¹⁹.

Чехословацкие ученые работают над созданием трехтомного обобщающего труда по истории отечественного национально-освободительного движения. В минувшем году опубликован первый результат их труда — очерки под названием «Соппротивление и революция 1938—1945 гг.»²⁰. В предисловии авторы отмечают, что их работа является рабочей гипотезой, основная ее цель состоит в том, чтобы поставить нерешенные проблемы и наметить пути к их научному объяснению (стр. 7). В вводной главе книги примечательна постановка вопроса о методологии исследования проблематики «Соппротивление и революция». Революцию следует рассматривать как акт и процесс, подчеркивают авторы, как явление, имеющее свое прошлое и будущее.

Книга состоит из трех больших разделов, которые соответствуют основным этапам в развитии чехословацкого движения Соппротивления. В основу периодизации авторы положили главные общеполитические события второй мировой войны, связанные прежде всего с героич-

еской борьбой Советского Союза против фашистской Германии.

Движение Соппротивления в Словакии рассматривается в очерках как часть общего процесса чехословацкого движения Соппротивления и национально-демократической революции; в органической взаимосвязи показаны процессы, происходившие на всей территории домюнхенской Чехословакии. Очерки «Соппротивление и революция» являются удачной попыткой чехословацких историков дать общую картину антифашистского национально-освободительного движения в Чехословакии, определить его место в общеевропейской антифашистской борьбе и установить связь его социально-политических явлений с национально-демократической революцией в стране.

Составной частью работы чехословацких ученых над созданием трудов обобщающего характера является изучение истории освободительного движения в отдельных районах страны. Из работ по региональной тематике, кроме упомянутой монографии С. Цамбела, в 1965 г. вышла книга «Юго-восточная Моравия в борьбе против оккупантов»²¹. Она состоит из двух самостоятельных исследований об антифашистском сопротивлении в области моравско-словацкого пограничья. Один из авторов книги Й. Пршикрыл посвятил свою работу анализу форм сопротивления чешского народа в районе Злина (ныне Готвальдов). На основе местного архивного материала он показал динамику развития национально-освободительной борьбы в период от начала оккупации до осени 1944 г. Одна из глав посвящена откликам Словацкого национального восстания в Злине. Автор другого исследования Л. Слезак поставил своей целью осветить вопрос о возникновении и развитии партизанского движения в юго-восточной Моравии. Ему удалось показать объективные и субъективные моменты в развитии этой формы борьбы.

Большую работу проделал Й. Радимский по составлению хронологии партизанских и других боевых действий в Моравии в 1943—1945 гг.²². Интересны статьи Й. Кмоничка и Й. Летохи по проблематике оккупационного режима в восточной Чехии²³. Предметом иссле-

²¹ J. P ř í k r y l, L. S l e z á k. Jiho-východná Morava v boji proti okupantům. Brno, 1965.

²² J. R a d i m s k ý. Chronologie partyzánských a jiných bojových akcí na Moravě 1943—1945.— «Sborník archivních prací», č. 1, 1965.

²³ J. K m o n i č e k. O některých formách práce nacistického aparátu proti odboji na Králověhradecku.— «Historie a vojenství», č. 5, 1965; его же. Několik poznámek k činnosti pracovních úřadů za nacistické okupace ve východních

¹⁷ M. L i c h n o v s k ý. Úkoly a některé současné problémy historiografie Československé lidové armády.— «Historie a vojenství», č. 1, 1965.

¹⁸ T. B r o d, E. Č e j k a. Na západnom fronte. Bratislava, 1965.

¹⁹ См.: J. N a v r á t i l, J. G r o s p i č. Program národní a demokratické revoluce.— «Nová mysl», č. 3, 1965; F. B e e r. Program revoluce.— «Život strany», č. 6, 1965; T. H o c h s t e i g e r. Místo a úloha Košického vládního programu-jeho vojenské části v historii Československé lidové armády.— «Historie a vojenství», č. 1.— příloha, 1965; E. F r i š. Košické období revoluce.— «Dějiny a současnost», č. 3, 1965.

²⁰ «Odboj a revoluce 1938—1945. Nástin dějin československého odboje». Praha, 1965.

дования в этих статьях являются еще мало изученные методы борьбы местных органов власти оккупантов с национально-освободительным движением чешского народа.

В общем потоке научно-популярного материала необходимо выделить сборник документальных фотографий под названием «Настал час борьбы», подготовленный историками Т. Бродом и Й. Доле-

жалом²⁴. В книге помещено около четырехсот фотографий, отражающих события Мюнхена, оккупации, национально-освободительной борьбы народов Чехословакии и освобождения страны Советской Армией.

Обзор исторической литературы, вышедшей в 1965 г., показывает, что ученые Чехословакии уделяют самое серьезное внимание исследованию социально-политических проблем освободительного движения и стремятся к глубокому осмыслению его процессов.

М. Копашева

Čechách.— В сб.: «Východní Čechy 1964». Hradec Králové, 1965; е го же. K problematice nacistické okupace Náchodská v letech 1939—1940.— Ibid.; J. Letocha. Okupační veřejná správa 1938—1943 ve východočeském kraji. Ibid.

²⁴ T. Brod, J. Doležal. Nastal čas boje. Československý odboj 1938—1945. Praha, 1965.

ОБЗОР РАБОТ СЕКТОРА СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ АН СССР (1963—1965 гг.)¹

В научной деятельности сектора славянского языкознания Института славяноведения АН СССР в истекшие три года, и особенно в 1963 г., наплод отражение такое важное событие в славянской жизни, как V Международный съезд славистов, состоявшийся в сентябре 1963 г. в Софии. Непосредственная подготовка сектора заключалась в том, что сотрудниками сектора было написано и опубликовано 4 доклада (С. Б. Бернштейн, В. А. Дыбо и В. М. Иллич-Свитыч, Н. И. Толстой, Е. В. Чешко) и 15 ответов на вопросы научной анкеты к съезду (С. Б. Бернштейн, В. А. Дыбо, В. М. Иллич-Свитыч, Г. П. Нещименко, З. Н. Стрекалова, Н. И. Толстой, Р. М. Цейтлин). Серьезным вкладом сектора в советское языкознание явились опубликованные в 1963 г. 4 монографии, 4 сборника статей и исследований, том библиографии по славянскому языкознанию. В 1964—1965 г. вышло из печати три сборника статей. Кроме этого, в разных периодических и непериодических изданиях СССР и зарубежных стран сотрудниками сектора было опубликовано несколько десятков статей, рецензий, заметок, обзоров по различным вопросам славянского и праславянского языкознания. Опубликованные труды характеризуют основные направления научной деятельности сектора.

Проблемы сравнительно-исторической грамматики и праславянского языка занимают важное место в исследованиях сектора. Из опубликованных трудов по

этой проблематике прежде всего следует сказать о монографии В. М. Иллич-Свитыча «Именная акцентуация в славянском и балтийском» (М., 1963, 179 стр.), представляющей большой вклад в развитие балто-славянской и индоевропейской акцентологии. В монографии, основанной в значительной части на новом фактическом материале современных диалектов, славянских и старолитовских акцентуированных текстов, исследуются процессы, приведшие к преобразованию индоевропейской системы акцентуационных парадигм имени в балтийском и славянском. Автор показывает, что балто-славянская система акцентуационных парадигм непосредственно восходит к соответствующей индоевропейской системе.

Важные результаты исследования соотношения славянской и балтийской акцентуационных систем имени и глагола содержатся в докладе к V съезду славистов В. А. Дыбо и В. М. Иллич-Свитыча «К истории славянской системы акцентуационных парадигм» («Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов». М., 1963, стр. 70—87; далее: «Славянское языкознание»). Авторы пришли к выводу, что праславянская система трех акцентуационных парадигм восходит к более ранней системе двух (подвижной и бартионированной) парадигм, которая соответствует такой же системе в балтийском и непосредственно отражает индоевропейскую систему акцентуационных парадигм. Реконструкцию акцентуационных систем в балтийском по данным балтийских заимствований в прибалтийско-финских языках предлагает В. М. Иллич-Свитыч в статье «Следы исчезнувших балтийских акцентуационных систем» («Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР», далее — РСИС, вып. 41, 1964,

¹ Подробный обзор исследований сектора за предыдущие годы, составленный Н. И. Толстым, опубликован в «Кратких сообщениях Института славяноведения АН СССР», вып. 30, 1961, стр. 110—117; вып. 41, 1964, стр. 91—99.

стр. 18—26). Результаты сравнительного исследования славянской акцентологии кратко формулирует В. А. Дыбо в ответе на вопрос анкеты к V съезду славистов (см.: «Славянская филология», т. 1. София, 1963, стр. 76—77; далее — «Славянская филология»).

Трудной и слабо разработанной проблемой праславянского слога был посвящен доклад С. Б. Бернштейна на V съезде славистов «К истории слога в праславянском языке» («Славянское языкознание», стр. 53—69). С. Б. Бернштейн здесь подчеркивает первостепенное значение «закона открытых слогов» в истории фонетического строя и структуры слога в славянских языках, связывая этот закон с перемещением слогораздела и установлением устойчивого слогораздела. Большое место в докладе уделено слогоделению — одному из центральных вопросов проблематики слога. Важной проблемой праславянского аблаута посвящен доклад С. Б. Бернштейна «К истории праславянского аблаута (ступень редукции)» на конференции по сравнительной грамматике индоевропейских языков, организованной филологическим факультетом МГУ в ноябре 1964 г. (см.: «Проблемы сравнительной грамматики индоевропейских языков». Научная сессия. Тезисы докладов. М., 1964, стр. 78—79).

О реконструкции фонда праславянской лексики говорят в ответах на вопросы анкеты к V съезду славистов С. Б. Бернштейн («Славянская филология», стр. 59—60; «Известия АН СССР, Отд-ние лит-ры и языка», т. XXII, 1963, вып. 4, стр. 312—313) и В. М. Иллич-Свитыч (там же, соответственно стр. 61—62 и 313—314). Этому же вопросу был посвящен доклад Н. И. Толстого «О некоторых возможных лексико-семантической реконструкции праславянских диалектов» на конференции по проблемам лингво- и этногеографии и ареальной диалектологии, организованной сектором и состоявшейся в Институте славяноведения АН СССР в декабре 1964 г. (см.: «Проблемы лингво- и этногеографии и ареальной диалектологии». Тезисы докладов. М., 1964, стр. 37—39) ².

В монографии М. А. Гадиной «История форм личных и возвратного местоимений в славянских языках» (М., 1963, 146 стр.) на материале памятников славянской письменности и современных говоров исследуется история форм этих местоимений в славянских языках, определяются основные тенденции в развитии этих местоимений, общие всем славян-

ским языкам, и устанавливаются формы местоимений, выступавшие в поздний период существования праславянского языка.

Важный вопрос о необходимости строгого разграничения морфонологических и грамматических чередований в славянских языках рассматривается в статье С. Б. Бернштейна «О некоторых вопросах теории чередований» («Советское славяноведение», 1965, № 5, стр. 45—52).

Ряд опубликованных работ сотрудников сектора по своей тематике выходит за рамки проблем сравнительно-исторического славянского языкознания. С. Б. Бернштейн в ответе на один из вопросов анкеты к V съезду славистов останавливается на проблеме балканского субстрата («Славянская филология», стр. 305—306). В. М. Иллич-Свитыч опубликовал две ценные работы, посвященные проблемам индоевропейского сравнительно-исторического языкознания. Вопросы языковых контактов между индоевропейскими и семитскими языками он исследует в интересной статье «Древнейшие индоевропейско-семитские языковые контакты» («Проблемы индоевропейского языкознания». М., 1964, стр. 3—12), где приведен список лексем, имеющих общиндоевропейское (или в части диалектов) распространение и находящихся соответствие в семитских языках. Лингвистическое истолкование этих лексем В. М. Иллич-Свитыч дает исходя из гипотезы о заимствовании индоевропейских образований из протосемитского. Происхождению гуттуральных в индоевропейском посвящена работа В. М. Иллич-Свитыча «Генезис индоевропейских рядов гуттуральных в свете данных внешнего сравнения» («Проблемы сравнительной грамматики индоевропейских языков», стр. 22—26).

Интересные и важные выводы по сравнительной фонетике тюркских и других алтайских языков содержат насыщенные богатым фактическим материалом статьи В. М. Иллич-Свитыча «Алтайские дентальные: *t, d, ð*» («Вопросы языкознания», 1963, № 6, стр. 37—56) и «Алтайские гуттуральные: **k', *k, *ε*» (сб. «Этимология», М., 1965, стр. 338—343). Он же в статье «Caucasica» предложил этимологию слов кавказского ареала: кавказ. *uγ(e)l* 'ярьмо'; дагестан. *-oš*, *нахск. -ioš* 'ребенок'; тур. *zağar* 'гончая, охотничья собака' (там же, стр. 334—337).

Из работ по старославянскому языку следует отметить прежде всего монографию К. И. Ходовой «Система падежей старославянского языка» (М., 1963, 159 стр.). Новое в этой работе, основанной на данных классических старославянских памятников, заключается в стремлении автора установить систему беспредложных падежей в ее функционировании, общие основания и объективные критерии выделения функций падежей.

² Подробное изложение содержания докладов и прений на этой конференции см. в хроникальных заметках Е. В. Чешко («Советское славяноведение», 1965, № 3, стр. 126—131) и Е. И. Деминой («Вопросы языкознания», 1965, № 4, стр. 150—153).

Исследованию падежей посвящена и другая работа К. И. Ходовой — «Употребление падежей при синтаксических производных глагола в старославянском языке» («Проблемы индоевропейского языкознания», стр. 122—160). Проблеме падежей в старославянском языке был посвящен и подготовленный к V съезду славистов доклад Е. В. Чешко «Нейтрализация падежных противопоставлений в развитии системы склонения старославянского языка» («Славянское языкознание», стр. 273—290). В этой работе возникновение и разрушение нейтрализации в системе противопоставления падежных форм одушевленных и неодушевленных существительных мужского рода объясняется исходя из действия различительной функции падежных форм. Вопрос о круге памятников, характеризующих старославянский язык кирилло-мефодиевского периода, рассматривает Р. М. Цейтлин («Славянская филология», стр. 11—12).

Истории древнеславянского литературного языка посвящен ряд работ Н. И. Толстого. В докладе к V съезду славистов «Взаимоотношение локальных типов древнеславянского литературного языка позднего периода (вторая половина XVI—XVIII вв.)» («Славянское языкознание», стр. 230—272) Н. И. Толстой характеризует задачи построения истории древнеславянского литературного языка, включая и его позднейший период, дает подробную характеристику языковой ситуации в XVI—XVIII вв. в Западной и Московской Руси и на славянском юге, путей нормализации древнеславянского литературного языка. Построения истории древнеславянского литературного языка касается Р. М. Цейтлин в ответе на вопрос анкеты к V съезду славистов («Славянская филология», стр. 13—15). Роль кирилло-мефодиевской традиции в нормализации и сохранении древнеславянского литературного языка как «орудия межславянской культуры» освещается Н. И. Толстым в докладе к съезду славистов: «Роль кирилло-мефодиевской традиции в истории восточно- и южнославянской письменности» (КСИС, вып. 39, 1963, стр. 27—38; это же см. и на украинском языке в кн.: «Питання походження і розвитку слов'янської писемності». Київ, 1963, стр. 30—42).

Интересному вопросу употребления исконно русских и старославянских по происхождению слов посвящена большая статья Р. М. Цейтлин «Из истории употребления неполногласных и полногласных слов-варпантов в русской художественной речи конца XVIII — начала XIX века» (в кн.: «Образование новой стилистики русского языка в Пушкинскую эпоху». М., 1964, стр. 225—284). В плане изучения элементов старославянского языка в современных славянских литературных языках заслуживает

внимания заметка Р. М. Цейтлин «Об употреблении термина „старославянизм“» (КСИС, вып. 43, 1965, стр. 64—67). Н. И. Толстым составлен интересный обзор литературы по древнеславянскому литературному языку, опубликованной к V съезду славистов. — «Проблемы истории древнеславянского литературного языка на V Международном съезде славистов» («Вопросы языкознания», 1964, № 4, стр. 155—161). О роли двуязычия и койне в формировании литературных языков говорит Н. И. Толстой в ответах на вопросы анкеты к V съезду славистов («Славянская филология», стр. 24—25, 44—46).

Опубликованные работы по вопросам лингвистической географии и диалектологии посвящены главным образом изучению языков и диалектов карпатского ареала и болгарских диалектов. Лингвогеографическое изучение языков и диалектов карпатского ареала проводится в секторе по программе Карпатского диалектологического атласа, над которым трудится группа сотрудников. Разные вопросы, связанные с созданием этого атласа, следует С. Б. Бернштейн. В статье «Карпатский диалектологический атлас» («Вопросы языкознания», 1963, № 4, стр. 72—84) рассматривается проблема древних связей восточнославянских языков (точнее: западноукраинских говоров) и южнославянских языков и характеризуются в этом плане задачи Карпатского диалектологического атласа. О задачах этого атласа С. Б. Бернштейн говорит и в тезисах доклада «Карпатский диалектологический атлас» (см.: «Проблемы лингво- и этногеографии и ареальной диалектологии», стр. 28—31). Интересные выводы, которые могут быть сделаны на материалах этого атласа, С. Б. Бернштейн демонстрирует в статье «Из „Карпатского диалектологического атласа“, напечатанной в сб.: «Lingua viget (Comentationes Slavicae in honorem V. Kiparsky)». Helsinki, 1964 (на обл.: 1965), стр. 19—24, на примере анализа значений слов, восходящих к праслав. *gryzja (*gryža), в современных славянских языках. В статье С. Б. Бернштейна «К изучению польско-южнославянских языковых связей» («Studia z filologii polskiej i słowiańskiej», t. V. Warszawa, 1965, s. 33—36) вновь ставится вопрос о необходимости изучения проблемы древних взаимоотношений между лехитской и южнославянской группами языков.

Кроме указанных, а также работ по болгарской диалектологии, о которых будет сказано ниже, опубликовано было несколько статей и по другим вопросам лингвогеографии и диалектологии. Так, в ответах на вопрос анкеты к V съезду славистов Н. И. Толстой говорит о возможности использования лингвистической географии в установлении структуры диа-

лекта («Славянска филология», стр. 333—334), а С. Б. Бернштейн — о задачах и принципах построения атласа балканского языкового союза (там же, стр. 321—322). Г. П. Клепикова в статье «Значение славянских орнитологических названий, восходящих к **zlna*» («Проблемы индоевропейского языкознания», стр. 106—114), продолжает свои разыскания в области географии славянских названий птиц. Ею же описана система ударения одного западноукраинского говора в статье «К характеристике системы ударения одного переходного гуцульско-покутского говора» (КСИС, вып. 41, 1964, стр. 40—54).

В интересной статье Н. И. Толстого «Из опытов типологического исследования славянского словарного состава» («Вопросы языкознания», 1963, № 1, стр. 29—45) делается попытка установить чисто лингвистические критерии определения границ семантического поля, показывается характер семантических связей внутри поля на основе различной дисприбуции лексем отдельных славянских диалектов в пределах моделированной общей семантической сетки. Автор предлагает применять этот метод в лингвогеографических и этимологических исследованиях.

Некоторые общие вопросы словообразования в славянских языках затрагивают в ответах на вопросы анкеты к V съезду славистов Г. П. Нецименко («Славянска филология», стр. 255—257) и Э. Н. Стрекалова (там же, стр. 114—115). Особенности семантики и словообразования собственных (личных и географических) имен в славянских языках и принципы транскрипции собственных имен в русском языке рассматриваются в статье Н. И. Толстого «Заметки о славянских именах собственных и их транскрипции» (в кн.: «Топонимика и транскрипция». М., 1964, стр. 103—121).

Проблемы билингвизма и взаимного влияния славянских языков касается Н. И. Толстой в ответе на вопрос анкеты к V съезду славистов («Славянска филология», стр. 326—327). Славянское влияние на исторорумынский в области глагола исследует Г. П. Клепикова в статьях «Приставки славянского происхождения *ras-*, *za-*, *na-* в исторорумынском» («Ученые записки Института славяноведения АН СССР», далее — УЗИС, т. XXVII, 1963, стр. 206—222) и «Приставка славянского происхождения *po-* в исторорумынском диалекте» («Fonetica și dialectologie», 1963, № 5, s. 69—81).

За истекшие три года сектор опубликовал ряд ценных исследований по отдельным славянским языкам. Здесь надо прежде всего отметить «Сербо-лужицкий лингвистический сборник», вышедший под редакцией Л. Э. Калынь (М., 1963, 172 стр.). Это первый в Советском Союзе сборник, специально посвященный сербо-

лужицким языкам. Сотрудники сектора выступают в этом сборнике с рядом статей. В большой статье «Об отражении древних количественных и литонационных отношений в верхнелужицком языке» (стр. 54—83) В. А. Дыбо на широком фоне акцентологических данных других славянских языков исследует историю акцентуационных отношений в глаголе и имени в верхнелужицком языке. Характеристике нижнелужицкого вокализма на основе новых диалектных материалов посвящена статья Л. Э. Калынь «О нижнелужицком вокализме» (стр. 23—46). Глагольной тематике посвящена статья М. И. Ермаковой «Морфология и значение форм настоящего времени глагола в нижнелужицком языке» (стр. 84—106). Синхронное описание фонологической системы нижнелужицкого диалекта дано в статье Л. Э. Калынь «О фонологической системе одного из нижнелужицких диалектов» (сб. «Studije k serbskej dialektologiji». Budyšin, 1963, s. 27—79). Употреблению форм аориста и имперфекта в сербо-лужицких памятниках XVI—XVIII вв. посвящена статья М. И. Ермаковой «Из истории употребления простых форм прошедшего времени в сербо-лужицких литературных языках» (КСИС, вып. 43, 1965, стр. 41—50).

Подготовленный в секторе и вышедший под редакцией А. Г. Широковой сборник «Исследования по чешскому языку. Вопросы словообразования и грамматики» (М., 1963, 190 стр.) — первый в СССР сборник, целиком посвященный чешскому языку. В этом сборнике опубликована большая статья сотрудницы сектора Г. П. Нецименко «Закономерности словообразования, семантики и употребления существительных с суффиксами субъективной оценки в современном чешском языке» (стр. 105—158), в которой анализируются продуктивность словообразовательных типов и средств и семантические изменения оценочных существительных. В ее же статье «Тенденции употребления существительных женского рода со значением лица в литературном чешском языке» (КСИС, вып. 43, 1965, стр. 51—63) охарактеризованы особенности функционирования данной группы лексики, свидетельствующие о том, что лица женского пола в чешском языке почти всегда обозначаются существительными женского рода. В небольшом этюде «Чеш. *první* 'первый' — инновация или архаизм?» (сб. «Этимология», 1964, стр. 81—84) В. М. Иллич-Свитыч чеш. *první* объясняет из праслав. **prьvъjъnъ*.

Об употреблении форм прошедшего времени в словацком языке пишет Л. Н. Смирнов в «Заметке о переносном употреблении форм претерита в литературном словацком языке» («Slovenská reč», год. 29, 1964, № 3, s. 137—139). Им же написана заметка «Антон Бернолак» (сб. «Славян-

ское источниковедение», М., 1965, стр. 138—145) и обзор новейшей литературы о языковой деятельности А. Бернолака — «У истоков словацкого литературного языка» (КСИС, вып. 43, 1965, стр. 85—94).

В истекшие три года сектор опубликовал ряд ценных работ по болгарскому диалектологическому и грамматике болгарского языка. Среди них в первую очередь следует назвать 1-й том «Болгарского диалектного атласа» («Български диалектен атлас, I. Югоизточна България», София, 1964), над созданием которого трудились большой коллектив диалектологов Института славяноведения АН СССР (С. Б. Бернштейн — руководитель, Г. К. Венедиктов, Э. И. Зеленина, Г. П. Клешикова, Т. В. Попова, Е. В. Чешко) и Института болгарского языка Болгарской академии наук (Ст. Стойков — руководитель, Т. Костова, Ив. Кочев, М. Лилов, М. Младенов, Хр. Тоналова, Хр. Холиолев). Это первый атлас болгарского языка, составленный по материалам говоров Болгарии. Он содержит 277 карт и комментариев к ним, а также ряд других материалов. На картах отражены явления фонетики, ударения, морфологии, лексики, а также отдельные вопросы синтаксиса и семантики. Карты атласа и комментарии к ним хорошо показывают диалектное разнообразие говоров на территории юго-восточной Болгарии и дают богатый материал для истории болгарского языка. На основе анализа карт этого атласа в статье С. Б. Бернштейна и Е. В. Чешко «Классификация юго-восточных говоров Болгарии» («Известия АН СССР, Отд. лит-ры и языка», т. XXII, 1963, вып. 4, стр. 289—299) устанавливаются и характеризуются основные диалектные группы на территории юго-восточной Болгарии. Исследование одного из болгарских говоров (балканского), развивавшегося в разных языковых окружениях, представлено в статье И. К. Буниной «К истории говора с. Дермендере» («Вопросы славянского языкознания», вып. 7, 1963, стр. 119—147). Анализ некоторых форм глагола и имени в родопских говорах посвящены статьи С. Б. Бернштейна «Об одной особенности глагольной флексии 1 л. ед. ч. настоящего времени в юго-восточных говорах Болгарии» («Slavica Pragensia», IV, s. 241—245) и Г. П. Клешиковой «К истории некоторых именных и глагольных форм в болгарском языке (по материалам говора с. Тихомир, округ Кырджали)» (КСИС, вып. 38, 1963, стр. 46—54). Подробное описание системы согласных в болгарском говоре с. Чернично, б. Ивайловградской околии (Болгария) дано в статье Т. В. Поповой «Консонантная система одного юго-восточного болгарского говора» («Известия на Института за български език», кн. XII, София, 1965, стр. 223—252).

В области грамматики болгарского языка наиболее значительным трудом в обозреваемые годы является монография профессора Ленинградского университета Ю. С. Маслова «Морфология глагольного вида в современном болгарском литературном языке» (М.—Л., 1963, 189 стр.). В ней на основе выдвинутых автором принципов изучения морфологии глагольного вида дано детальное исследование видового значения глаголов в современном болгарском литературном языке. Эта работа ценна как исчерпывающим и тщательным описанием конкретного материала, так и общим подходом к исследованию морфологии вида. Г. К. Венедиктов в статье «К семантической характеристике глаголов в болгарском литературном языке» («Български език», 1965, кн. 1, стр. 18—31) показал, что в болгарском языке между глаголами *вървя* и *ходя* существует оппозиция направленности/ненаправленности движения, представленная в группе парных глаголов движения в других славянских языках. Вопросам синтаксиса современного болгарского литературного языка, связанным со структурой сказуемого, посвящены статьи М. Г. Рожновской «К вопросу о предикативных определителях в болгарском языке» (УЗИС, т. XXVII, 1963, стр. 271—287), «Место приглагольного прилагательного в болгарском предложении» («Език и литература», 1964, № 1, стр. 31—42), «Два типа конструкций „глагол + предикативное определение“ в болгарском языке» (КСИС, вып. 43, 1965, стр. 68—84). Некоторые вопросы истории современного болгарского литературного языка, в частности вопрос о его начале, рассматривается в статье С. Б. Бернштейна «К изучению истории болгарского литературного языка» (сб. «Вопросы теории и истории языка». Л., 1963, стр. 34—41). В статье «К вопросу о начале современного болгарского литературного языка» (КСИС, вып. 43, 1965, стр. 3—16) Г. К. Венедиктов доказывает, что нет оснований связывать начало современного болгарского литературного языка с именами Пансия Хилендарского и Софрония Врачанского.

Истории глаголов движения в сербско-хорватском языке посвящены две статьи Р. В. Булатовой: «Судьба соотносимых пар глаголов движения в сербско-хорватском языке» (УЗИС, т. XXVII, 1963, стр. 223—258) и «Видовое противопоставление типа *приндести: приноси* в сербско-хорватском языке» («Проблемы индоевропейского языкознания», стр. 161—184).

В истекшие три года вышло в свет несколько работ по македонскому языку. Здесь прежде всего необходимо указать на «Македонско-русский словарь» (М., ГИС, 1963), составленный Д. Толковским и В. М. Илличем-Свитычем под редак-

цией Н. И. Толстого. Это первый полный переводной словарь македонского языка. Р. П. Ускова опубликовала четыре статьи по разным вопросам современного македонского языка: «О настоящем времени глаголов совершенного вида в македонском литературном языке» (кн. «Славянская филология», вып. 4, изд-во МГУ, 1963, стр. 64—77), «Об ударении в современном македонском языке» (КСИС, вып. 41, 1964, стр. 27—39), «Морфологическая классификация глаголов в македонском литературном языке» («Вестник Московского университета», серия VII. Филология, журналистика, 1964, № 5, стр. 66—79) и «О некоторых изменениях норм в македонском литературном языке» (КСИС, вып. 43, 1965, стр. 35—40). Попытке создания литературного языка на основе центральных македонских говоров в середине XIX в. посвящена статья Н. И. Толстого «Страничка из истории македонского литературного языка» (там же, стр. 17—34), в которой дан анализ языка и графики переводов «Любушиного суда» из «Краледворской рукописи» на македонский и болгарский диалекты.

Словенскому языку посвящена статья Н. И. Толстого «О последней попытке применения „общеславянской азбуки“ к словенскому литературному языку» (сб. «Проблемы современной филологии», М., 1965, стр. 260—266), в которой рассмотрены некоторые вопросы истории словенского литературного языка, в том числе и попытки использования «общеславянской азбуки», и дана общая характеристика особенностей формирования современных южнославянских литературных языков.

Упомянем также заметки С. Б. Бернштейна «Еще раз о происхождении русского цоканья» («Romanoslavica», X, 1964, s. 191—192), в которой подтверждается мнение автора о субстратном (финноугорском) происхождении русского цоканья, и Р. М. Цейтлин «Об одной старой ошибке в словоупотреблении (*одеть и надеть*)» («Вопросы культуры речи», IV, 1963, стр. 110—119). Вопросам публикации памятников посвящена статья Е. И. Демной «О лингвистических изданиях памятников письменности» («Славянский архив», М., 1963, стр. 196—202). Описание рукописного польско-церковнославянского словаря XVII в. дано в статье З. Н. Стрелковой, написанной совместно с М. Диднакиным, «Из истории русской лексикографии («Лексикон полонославенский» 1670 г.)» (сб. «Славянское источниковедение», М., 1965, стр. 124—131). Г. К. Ведиктов в статье «Неизвестный список „Истории славяноболгарской“ Паисия Хилендарского» («Славянский архив», 1963, стр. 203—214) сообщает о списке «Истории» Паисия, хранящемся в Историческом музее в Москве.

Сотрудниками сектора был опубликован также ряд ценных библиографических

материалов. Среди них прежде всего следует отметить 2-ю часть «Славянского языкознания» — наиболее полного библиографического указателя литературы о славянских языках, изданной в СССР с 1918 по 1960 г. (М., 1963, 450 стр.). Эта часть указателя, составленная И. Е. Можжаевой совместно с М. В. Ляпон, сотрудницей Института русского языка АН СССР, содержит аннотированный список работ, изданных в СССР на славянских языках в 1956—1960 гг. Вышла также в свет аннотированная библиография работ по славянскому языкознанию за 1957 и 1958 гг. («Rocznik slawistyczny», т. XXII, cz. II, 1962—1963; т. XXIII, cz. II, 1964), часть которой составлена И. Е. Можжаевой. Она же составила «Библиографию советских работ по славянской акцентологии за 1958—1962 гг.» (КСИС, вып. 41, 1964, стр. 70—77), а совместно с К. И. Ходовой — «Библиографический указатель литературы по старославянскому языку, опубликованной в СССР за период с 1945 по 1961 гг.» («Вопросы славянского языкознания», вып. 7, 1963, стр. 148—169). Н. И. Толстым составлен обзор «Основной литературы по топонимике Югославии» (сб. «Иностранная литература по топонимике», М., 1965, стр. 28—34), а Г. П. Клепиковой — обзор лингвистических статей в румынском издании «Romanoslavica» («Советское славяноведение», 1965, № 4, стр. 100—102).

В нескольких статьях и заметках сотрудников сектора освещаются вопросы истории славяноведения. Основные итоги работы славистов-языковедов в СССР подведены Н. И. Толстым (см. раздел «Языкознание» в кн.: В. Д. Королук, Н. И. Толстой, И. А. Хренов, И. М. Шептунов, С. А. Шерлаимова. Советское славяноведение. М., 1963, стр. 65—79). Истории русского славяноведения в XIX в. посвящены написанные Р. М. Цейтлин главы во 2-м томе «Истории Академии наук СССР» (М., 1964, стр. 198—208, 607—612). С. Б. Бернштейн написал статью «Русское славяноведение о сербо-лужицких языках» («Сербо-лужицкий лингвистический сборник», стр. 5—22). Он же в статье «Памяти В. И. Григоровича» («Известия АН СССР. Серия лит-ры и языка», т. XXIV, вып. 4, 1965, стр. 359—362) охарактеризовал значение В. И. Григоровича в истории русского славяноведения. Деятельности М. В. Ломоносова посвящена статья Р. М. Цейтлин «М. В. Ломоносов — инициатор и организатор языковедческих исследований в Петербургской Академии наук» («Вопросы славянского языкознания», вып. 7, 1963, стр. 103—118). Деятельности П. И. Шафарика и ее оценке русскими лингвистами посвятил две статьи Л. Н. Смирнов: «Вклад П. И. Шафарика в славянское языкознание» (КСИС, вып. 38, 1963, стр. 55—67)

и «Русские слависты о вкладе П. Й. Шафарика в славянское языкознание» (в кн.: «Odkaz P. J. Šafarika» («Slovanské štúdie», VI), Bratislava, 1963, s. 189—195. Перу С. Б. Бернштейна принадлежит «Предисловие» к книге Р. Нахтигала «Славянские языки», вышедшей в русском переводе в 1963 г. История языкознания в Югославии за период с 1918 до 1945 г. освещается Н. И. Толстым в разделе «Языкознание» книги «История Югославии», т. II (М., 1963, стр. 280—282).

В 1963—1965 гг. были опубликованы также авторефераты кандидатских диссертаций сотрудников сектора Т. В. Поповой — «Корреляция тв рдых и мягкх

согласных фонем в болгарском языке» (1963 г.), К. Г. Венедиктова — «Глаголы движения в болгарском языке» (1963 г.), Р. В. Булатовой — «Глаголы движения в сербско-хорватском языке» (1964 г.), М. И. Ермаковой — «История употребления форм времени в сербо-лужицких языках» и аспирантки Р. П. Усиковой — «Морфология имени и глагола в современном македонском литературном языке» (1965 г.).

Кроме перечисленных работ, сотрудниками сектора были опубликованы также статьи в разных энциклопедиях, хроникальные заметки, рецензии и другие материалы.

Г. К. Венедиктов

«Интернационалисты в боях за власть Советов». «Мысль», 1965, 397 стр.

Рецензируемая книга представляет собой сборник статей, рассказывающих об участии зарубежных трудящихся вместе с советскими людьми в Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войне. Первые попытки осветить участие зарубежных трудящихся в борьбе за упрочение Советской власти в России предпринимались еще в годы гражданской войны. Затем стали появляться работы, в которых были намечены некоторые общие линии изучения истории интернационалистского движения. Однако вскоре научно-исследовательская работа в этой области на долгие годы совершенно прекратилась. В результате в подавляющем большинстве монографий, брошюр, сборников статей или документов, посвященных борьбе за Советскую власть в ряде крупнейших районов нашей страны, в том числе в тех, где активно действовали сотни, а то и тысячи иностранных трудящихся, о них не было ни малейшего упоминания.

Возобновление изучения истории интернационалистского движения началось в связи с подготовкой к 40-летию Великого Октября. Советскими учеными совместно с зарубежными коллегами проведена в этом направлении большая работа, свидетельством которой являются состоявшаяся в Одессе в ноябре 1965 г. Всесоюзная научная сессия, посвященная этой проблеме, и рецензируемый сборник статей, вышедший накануне ее.

Все материалы сборника касаются нескольких основных проблем. Первая из них — это участие военнопленных в Октябрьской революции и гражданской войне.

Сборник открывает большая статья А. Клеванского (Москва), основанная на обширном круге источников и хронологически охватывающая весь период первой мировой войны, — «Военнопленные

центральных держав в царской и революционной России (1914—1918 гг.)». Читатель найдет в ней богатый фактический материал о количестве военнопленных в нашей стране, об использовании их царским и Временным правительством на различных работах в промышленности и сельском хозяйстве, о забастовках как самих пленных, так и совместно с русскими рабочими, о формировании воинских частей из военнопленных славян. Большой интерес вызывают страницы, рассказывающие об отношении к военнопленным молодого советского государства.

Давая в общем высокую оценку работе А. Клеванского, мы тем не менее считаем необходимым отметить, что стоило бы привлечь дополнительные материалы с тем, чтобы полнее раскрыть такую важную тему, как работа большевиков России среди пленных до победы Октября. Нижняя хронологическая рамка статьи (1914 г.), на наш взгляд, несколько выходит за пределы того периода, который охватывает сборник в целом.

Отдельные вопросы участия в борьбе за власть Советов наиболее сознательной и революционной части попавших в русский плен солдат и офицеров центральных держав освещаются в статьях В. Копылова (Москва), А. Жилака (ВНР) и С. Штригниц (ГДР).

Автор первой из них рассказывает о Всероссийском съезде военнопленных социал-демократов интернационалистов, состоявшемся в Москве в апреле 1918 г. Как известно, деятельность этого съезда, созыв которого стал возможен только благодаря помощи большевистской партии, завершилась созданием «Интернациональной революционной организации социалистов рабочих и крестьян» (в других источниках эта организация именовалась «Революционным объединением

иностранных интернациональных социалистов — рабочих и крестьян»), избранием ее Центрального исполнительного комитета и образованием Коллегии по формированию интернациональной Красной Армии. Благодаря съезду, делает правильный вывод В. Копылов, революционное движение иностранных трудящихся в Советской республике получило более четкое идейное содержание, и был сделан важный шаг к дальнейшему вовлечению революционно настроенных военнопленных в активную борьбу трудящихся масс Республики Советов против внутренней контрреволюции и иностранных интервентов.

Очень хорошее впечатление производит статья венгерского ученого А. Жилака «Великий Октябрь и революционное движение военнопленных венгров в России (1917—1918 гг.)». Автор статьи подробно останавливается на образовании в марте 1918 г. Венгерской коммунистической группы РКП(б), а также на проведении в октябре и ноябре того же года совещаний венгерских коммунистов, которые явились важными вехами на пути создания Коммунистической партии Венгрии.

В статье А. Жилака рассматриваются также и некоторые общие вопросы интернационалистского движения. В частности, автор приходит к заключению о существовании в России трех его главных центров: Федерации иностранных групп РКП(б), которая по праву считала себя центром всероссийского движения, хотя и действовала преимущественно в европейской части России; Коммунистической (социал-демократической) партии иностранных рабочих и крестьян Сибири и Коммунистической партии иностранных рабочих и крестьян Туркестанской республики.

Революционное движение среди немецких военнопленных в течение сравнительно небольшого периода — от февраля до октября 1917 г. — анализируется в статье немецкого историка С. Штригниц. В статье показано, как растущее общение с русским революционным пролетариатом способствовало постепенному росту классового сознания и пролетарской солидарности в среде немецких военнопленных, приведены интересные данные об их участии в забастовках совместно с русскими рабочими (стр. 105—110).

Сборник, разумеется, не претендует на всесторонний охват столь обширной темы. Тем не менее нам хочется указать на некоторые важные моменты, которые, по нашему мнению, нуждаются в дальнейшей глубокой разработке. Это — руководящая роль нашей партии и лично В. И. Ленина в интернационалистском движении, численность интернационалистов разных национальностей в отрядах Красной гвардии, в частях и подразделениях Красной Армии.

Ряд статей сборника касается истории создания и деятельности иностранных коммунистических групп РКП(б).

Интересный вопрос затрагивается в статье М. Бирмана (Москва) — «К истории возникновения Болгарской коммунистической группы в Петрограде (1918 г.)». До сих пор в литературе можно было встретить разноречивые утверждения о времени создания этой группы. В одних источниках называлось начало 1918 г., в других — говорилось о периоде, непосредственно следовавшем за Февральской революцией. Всесторонне изучив имеющиеся материалы, автор статьи заключает, что Болгарская коммунистическая группа возникла в октябре 1918 г. путем выделения из Югославянской группы (причем не в Петрограде, а в Москве).

История югославянских коммунистических групп РКП(б) в 1918 г. является предметом исследования в статье И. Очака (Москва). Рассказав вначале о Югославянском революционном союзе — этой массовой революционной организации, созданной югославянскими военнопленными в Киеве в 1917 г., автор затем подробно излагает вопрос об образовании и деятельности югославянских коммунистических групп в ряде других городов и, наконец, о возникновении Коммунистической партии (большевиков) сербов, хорватов и словенцев в Москве осенью 1918 г. Следует отметить как положительное то обстоятельство, что автор открыто показывает трудности, стоявшие перед югославянскими коммунистическими группами, освещает их борьбу против созданной правыми социалистами и либеральными буржуа так называемой «Югославянской революционной федерации», которая на первых порах пользовалась известным влиянием среди части военнопленных югославян.

Характеризуя освещение в сборнике такой проблемы, как создание и деятельность в нашей стране иностранных коммунистических групп, входивших в Федерацию при РКП(б), необходимо сказать о некоторых пока еще не решенных вопросах. Так, по нашему мнению, нуждается в разработке деятельность Итальянской, Англо-американской и многих других групп РКП(б). Слабо изученной остается деятельность Федерации иностранных групп во время нахождения ее в Киеве (с марта по август 1919 г.).

Весьма важной проблемой, связанной с интернационалистским движением, является деятельность специальных органов Советской власти, созданных для работы среди военнопленных, беженцев и других категорий иностранных граждан, — Польского, Чехословацкого и других комиссариатов Народного комиссариата по делам национальностей Советской республики, Центральной коллегии по делам пленных и беженцев (Центро-

пленбежа) и др. Деятельность одного из этих учреждений — Польского комиссариата — на протяжении зимы-весны 1918 г. освещается в большой, хорошо аргументированной статье А. Манусевича (Москва), построенной в значительной мере на протоколах заседания коллегии Польского комиссариата, которые впервые вводятся в научный оборот.

В статье довольно полно и обстоятельно анализируются различные стороны деятельности комиссариата: забота о возвращении беженцев, военнопленных и демобилизованных из царской армии на родину, в Польшу; выявление и сохранение предметов польской старины и произведений польского искусства; забота о нормальной работе польских школ и детских домов; роль комиссариата в формировании польских революционных частей и т. д. и т. п. Кроме того, автор — и это особенно ценно — с помощью конкретных фактов изображает гуманную политику Советского правительства, направленную на оказание помощи польским гражданам, а также показывает острую борьбу, развернувшуюся вокруг Польского комиссариата между социал-демократией Королевства Польского и Литвы, с одной стороны, и ППС-левицей и ППС-«фракцией», — с другой.

Можно с уверенностью сказать, что деятельность Польского комиссариата еще не подвергалась такому глубокому и всестороннему анализу ни в советской, ни в польской историографии. Единственное замечание, которое мы позволим себе сделать, заключается в следующем. Известно, что в ведение комиссариата входили многие учреждения, ранее подчинявшиеся так называемой Ликвидационной комиссии. Вот о ее политике, во многом направленной против трудящихся масс польских беженцев, и стоило бы хотя бы вкратце рассказать читателю. И еще одно пожелание, касающееся проблемы в целом. Деятельность Центропленбежа еще ждет своего исследователя.

Значительный интерес представляет статья В. Рожко, повествующая о борьбе румынских революционных отрядов на юге Советской России в январе — апреле 1918 г. и как бы перекликающаяся со статьей А. Манусевича в той ее части, где говорится о борьбе польских воинских формирований за власть Советов. Румынские интернационалисты с первых дней иностранной военной интервенции решительно встали на защиту Советской страны и своей борьбой в рядах Красной гвардии и Красной Армии против войск боярского румынского правительства, австро-германских империалистов и контр-революции в России доказали свою преданность идеям интернационализма.

Борьба интернационалистов в отдельных районах нашей необозримой родины

освещается в статьях А. Матвеева (Ташкент), Н. Субаева (Казань) и Ю. Щербакова (Куйбышев).

В статье А. Матвеева «Движение иностранных интернационалистов в Средней Азии и революции в Австро-Венгрии и Германии (1917—1918 гг.)» нашли довольно полное отражение события на территории нынешней Узбекской ССР. Значительно слабее освещена деятельность интернационалистов в других районах Средней Азии. Помимо этого, недостаточно, на наш взгляд, изображается участие интернационалистов в вооруженной борьбе против внутренних и внешних врагов во второй половине 1918 г.

С интересом читается статья Ю. Щербакова. В ней не только показано место интернационалистов в обороне городов Пензы, Самары и др., говорится не только о наших друзьях из числа иностранных граждан, но и о наших врагах из той же среды (о мятеже чехословацкого армейского корпуса, о переходе на сторону белогвардейцев одного из сербских отрядов, о сербах, чехах и китайцах, подержавших мятеж левого эсера Муравьева). Мы убеждены, что такой подход к освещению истории различных групп иностранцев, находившихся в России, является единственно правильным, так как не оставляет места для игнорирования того факта, что, если зарубежные интернационалисты шли вместе с трудящимися нашей страны в их борьбе за власть Советов, то часть иностранцев оказалась орудием в руках империалистов.

Статья Н. Субаева примечательна тем, что в ней, наряду с другими моментами, дана широкая картина участия интернационалистов в мирной, созидательной жизни советских людей (статья охватывает период до 1920 г.). А именно этого не хватает некоторым работам. Попутно отметим, что в сборнике не освещен такой большой район, как Украина, где движение интернационалистов было довольно сильным.

В заключение нам остается сказать, что сборник открывается весьма содержательным введением (автор — А. Манусевич), которое дает правильное представление о роли и месте зарубежных трудящихся в борьбе народов нашей родины за Советскую власть. Правда, историографическая часть введения могла бы быть, как нам кажется, более обстоятельной.

Заканчивается сборник статьей (точнее библиографическим указателем, составленным А. Стрижковой) — «Печать интернационалистов в Советской России (1917—1920 гг.)». В предисловии к указателю вполне правильно отмечается, что «приводимые ниже сведения об интернационалистских печатных изданиях не претендуют на полноту» (стр. 371). Нам со своей стороны хотелось бы под-

сказать составителю, что в указатель совсем не вошли две газеты на немецком языке («Wahrheit» — Харьков и «Nachrichten für die deutschen Kolonisten» — (Одесса) и что имеются полные комплекты двух газет на польском языке («Głos Armii Czerwonej» — в Центральной научной библиотеке АН УССР, «Komuna» — в Одесской государственной научной библиотеке им. Горького).

Мы довольно подробно рассказали о рецензируемом сборнике, ибо он, во-первых, является по сути первой большой коллективной работой советских и зарубежных ученых по истории интернационалистского движения в нашей стране, а во-вторых, в какой-то мере отражает

нынешнее состояние историографии по данному вопросу. Выше мы указывали на отдельные недостатки статей и высказывали некоторые замечания общего характера.

В целом, несмотря на отмеченные нами отдельные недостатки, — и это надо подчеркнуть со всей силой — историческая наука обогатилась серьезной работой. Она, вне всякого сомнения, поможет нашим ученым в подготовке к 50-летию Великого Октября обобщающего труда по истории славного движения интернационалистов, являющегося ярчайшим проявлением животолюбных идей пролетарского интернационализма.

П. Калениченко

Х. ХРИСТОВ. Аграрните отношения в Македония през XIX в. и началото на XX в. София, 1962, 213 стр.

Х. ХРИСТОВ. Аграрные отношения в Македонии в XIX и начале XX в.

Книга известного болгарского историка Х. Христова — результат длительного исследования. В последние годы Х. Христов опубликовал ряд статей, затрагивающих различные аспекты разрабатываемой им темы¹. Вышедшая в 1964 г. монография является завершением работы. Автор использовал материалы из архивов Болгарии, Советского Союза, Социалистической Республики Македонии, другие виды источников и имеющуюся литературу.

Ученые, занимающиеся аграрными проблемами Европейской Турции, по-разному решают ряд важнейших вопросов, касающихся характера чифликчійского землевладения, генезиса капитализма в сельском хозяйстве, положения крестьян в зависимых и свободных селах, участия крестьянства в антифеодальной, национально-освободительной борьбе и пр. Затрагивая весь этот круг проблем, Х. Христов по ряду вопросов предлагает новые решения.

Центральное место в книге занимает вопрос о чифликчійском землевладении, его месте и роли в истории аграрных отношений в Македонии. Проследившая историю развития чифликов со времени их зарождения в недрах слухийской системы в конце XVI — начале XVII в. вплоть до Балканской войны 1912 г., автор приходит к выводу, что их возникновение предшествовало генезису капитализма в

сельском хозяйстве, а не являлось его выражением. Чифлики были лишь новой формой крупного феодального землевладения, отвечающей нуждам развивавшегося товарного производства в противоположность военно-феодальным слухлукам, носившим преимущественно натуральный характер. Упразднение военно-ленной системы в 1832—1834 гг. и утверждение чифликчійства было шагом вперед по пути развития товарного производства в сельском хозяйстве. Однако сохранение в подавляющей массе чифликов феодального характера производства и производственных отношений (что оказалось возможным в силу сохранения в Македонии политической власти турецкого феодально-бюрократического государства и отсутствия развитых капиталистических отношений в сфере промышленного производства) привело к тому, что чифликчійские хозяйства так и не смогли подняться над уровнем простого товарного производства. Широкое распространение и сохранение до позднего времени чифликчійского землевладения было одной из главных причин феодально-консервативного характера аграрных отношений в Македонии даже в начале XX в. Неспособность чифликов обеспечить условия для развития капитализма привела во второй половине XIX — начале XX в. к упадку и разложению чифликчійского землевладения. Х. Христов приходит к выводу, что развитие капитализма в сельском хозяйстве Македонии вело не к преобразованию чифликов в капиталистические хозяйства, а к разрушению чифликчійства.

В процессе создания чифликчійского землевладения произошло обезземеливание значительного числа крестьян, права которых на землю были узурпированы

¹ Х. Христов. Някои проблеми на перехода от феодализма към капитализма в историята на България. — «Исторически преглед», 1961, № 3; е го же. Към вопроса за заграбането на селските земи и образуването на чифлици и господарлъци в Европейска Турция през XVIII и XIX в. София, 1964.

чишликчиями, являвшимися, как правило, мусульманами. Это вызвало массовое переселение местных крестьян в соседние области Балканского полуострова. Однако, по мнению Х. Христова, чишликчийское землевладение не смогло полностью уничтожить мелкое крестьянское хозяйство; автор считает, что преобладающая часть крестьян сохранила свои земли и после ликвидации военной системы стала жителями свободных сел (относительно Македония тезис в историографии совершенно новый).

Автор приходит к выводу, что в распространении чишликов существовала определенная закономерность. Наибольшее их число возникло в равнинных районах с плодородными почвами, в таких как Мелникский, Петричский, Серский, Битольский, Скопльский, Прилепский и др., наименьшее — в горных районах, а также там, где имелось компактное мусульманское население (Драмский, Неврокопский, Дебарский, Кичевский и др.). Концентрация чишликов в районах с наиболее плодородными почвами и преобладающим христианским населением способствовала появлению малоземелья и безземелья среди македонского немусульманского крестьянства, обострению борьбы за землю.

Автор отмечает, что чишликчийские земли обрабатывались тремя категориями крестьян — исполщиками, ратаями, кесимджиями. В чишлики шли работавшие обезземеленные крестьяне или сыновья деревенской бедноты из свободных сел. В противоположность крестьянам свободных сел, сохранившим право на землю, которую они обрабатывали, и пользовавшимся известной самостоятельностью, чишликчийские крестьяне были полностью во власти феодалов, не только закабавших их экономически, но и применявших методы внеэкономического принуждения. Жестокая эксплуатация задерживала экономическое и культурное развитие чишликчийского крестьянства, превратила его в наиболее отсталую категорию сельского населения.

Общественно-экономическое и культурное развитие свободных сел шло значительно быстрее, чем чишликчийских. Однако и здесь не было должного простора для зарождавшихся капиталистических отношений. Свободные крестьяне оставались объектом ограбления и насилия со стороны феодально-бюрократического государства, влиятельных мусульман и прочих насильников, страдали от малоземелья. Сохранение османского феодализма до начала XX в. было основным препятствием на пути прогрессивного развития Македонии. Только разрушение турецкой государственной системы и национальное освобождение могли расчистить путь развитию капитализма.

В течение всего рассматриваемого периода не прекращалась борьба крестьян

за землю. А поскольку в Македонии, как и повсюду на Балканах, аграрный вопрос был неразрывно связан с национальным, то борьба крестьян за уничтожение крупного феодального землевладения сливалась с борьбой за национальное освобождение, делала крестьянство широкой социальной базой национально-освободительного движения. Наиболее активным элементом в этой борьбе было крестьянство свободных сел, где процесс социального и классового расслоения происходил более быстрыми темпами.

При наличии ряда новых и интересных наблюдений, сделанных Х. Христовым в своей книге, некоторые положения автора остались недостаточно раскрытыми, местами противоречивыми, а подчас просто декларативными. Это в первую очередь относится к вопросу о генезисе капитализма. С одной стороны, автор неизменно подчеркивает медленный и чрезвычайно ограниченный характер развития капитализма в Европейской Турции, а соответственно и в Македонии, господство там феодализма, даже в первые десятилетия XX в., с другой стороны, начало зарождения капиталистических отношений он ищет уже в середине XVIII в. Убедительно и аргументированно показав феодальный характер чишликчийства, автор вдруг заявляет, что чишлики были построены не только на феодальной, но и на полуфеодальной основе и что в некоторых из них зарождался капитализм. В чем это выражалось, каков был удельный вес таких поместий на конкретном материале, к сожалению, не раскрывается. Феодальная сторона экономики показана достаточно развернуто, а капиталистическая — нет, хотя последней (несмотря на завершение в неразвитости и ограниченности) отводится определяющая роль при рассмотрении вопросов, связанных с национальным возрождением.

Недостатком работы является и то, что, располагая цифровыми данными, относящимися в основном к последней четверти XIX — началу XX в., автор делает на их основании выводы для более раннего периода (в частности, при анализе вопроса о количестве свободных сел). Осталось нераскрытым утверждение, что в середине XIX в. чишликов в Македонии было меньше, чем в начале XX в. В силу чего это произошло, как это отразилось на числе свободного крестьянства, — читателю остается неясным.

Остается также непонятным, как при широком распространении чишликчийства в Македонии преобладающая часть македонского крестьянства смогла сохранить свои земли.

В целом же книга Х. Христова является существенным вкладом в разработку сложной проблемы и вызовет несомненный интерес у научной общественности.

К. Л. Струкова

J. MAŁECKI. Studia nad rynkiem regionalnym Krakowa w XVI wieku. Warszawa, 1963, 251 s., 13 map., 47 tabl.

Я. МАЛЕЦКИЙ. Изучение регионального рынка Кракова в XVI веке

Для каждого, занимающегося экономической историей Польши в эпоху феодализма, большой интерес представляет монография краковского историка Яна Малецкого «Изучение регионального рынка Кракова в XVI в.».

Впервые термин «региональный» употребил в своей работе о региональном рынке Варшавы Т. Худоба¹. Он же первый дал и его определение. Под региональным рынком Т. Худоба понимает рынок территориально более широкий, чем местный, связывающий ряд городов — центры торговли и производства — между собой. При этом один из них доминирует над остальными. Функции такого города — торговля излишками ремесленного производства и сельского хозяйства на внутреннем и внешнем рынках и снабжение местными и иностранными товарами регионального рынка.

Изучив особенности краковского регионального рынка, Я. Малецкий приходит к выводу, что в торговом обмене участвуют прежде всего входящие в региональный рынок центры производства. По его мнению, разница между локальным и региональным рынками заключается также в формах оборота. Если на локальном рынке обмен происходит главным образом непосредственно между производителем и потребителем, то на региональном — повышается роль посредника между ними, перекупщика-торговца.

В своей книге Я. Малецкий исследует не только региональный (стр. 144—222), но также и местный, локальный рынок Кракова (стр. 60—101). Прежде чем перейти к характеристике регионального рынка, автор описывает природные условия, климат, полезные ископаемые западной части Малой Польши, экономическим центром которой был Краков, дает подробный обзор ремесленного производства в самом Кракове.

Исследование Я. Малецкого построено в основном на неопубликованных источниках. Главные из них — семь реестров (таможенных книг) за период 1589—1599 гг., в которых регистрировалась взимающаяся в Кракове стоимость товара торговая пошлина и так называемое мостовое. Так как реестры XVI в. до 1589 г. сгорели в 1944 г., то автор мог воспользоваться только данными из этих реестров, приведенными Р. Рыбарским в его известной книге «Торговля и тор-

говая политика Польши в XVI в.»². Но и сохранившиеся таможенные книги полнотой сведений не отличаются. Дело в том, что жители Кракова и многих других привилегированных городов освобождались от уплаты торговой пошлины. От пошлины освобождались также шляхта и крестьяне, которые везли на продажу в город продукцию своего хозяйства; мостовое с собственных лошадей не взималось. Не платили мостовое за прогоняемый скот также краковские мясники. Таким образом в таможенных книгах далеко не все торговые операции находили отражение.

Наряду с таможенными реестрами, автор широко использовал счетные книги Кракова, Казимежа, отдельных монастырей, а также сохранившиеся в большом количестве таксы на товары на городском рынке в XVI в., устанавливавшиеся воеводами.

В главе о внешней торговле Кракова в XVI в.³ автор обобщил результаты исследований С. Кутшебы, Я. Пташьника, К. Перадзкой, Р. Рыбарского⁴ и др. Однако его источники позволили добавить ряд новых сведений о вывозе и ввозе таких товаров, как вино, пиво, олово, воск, кожа (стр. 35, 40, 44, 50), и о торговле с Австрией и Чехией (стр. 43, 50, 52).

Подвергнув подробному анализу внешнеторговые связи Кракова и некоторых других городов (Беч, Новый Сонч), Я. Малецкий приходит к выводу, что внешняя торговля Кракова в XVI в. сумела, как правильно в свое время отметил С. Кутшеба, приспособиться к новым условиям, что повлекло за собой упадок одних и развитие других отраслей. Пришла в упадок торговля с Фландрией (со 2-й половины XV в.); торговля медью с Венгрией шла теперь, минуя Краков; прекратились торговые сноше-

² R. Rybarski. Handel i polityka handlowa Polski w XVI stuleciu, t. 1—2. Warszawa, 1958.

³ Она была опубликована раньше в «Zeszyty naukowe Wyższej szkoły ekonomicznej w Krakowie». Kraków, 1960, N 11.

⁴ S. Kutrzeba. Handel Krakowa w wiekach średnich. Rozprawy A. U. Wydz. hist.-filoz., t. 44, 1903; S. Kutrzeba, J. Ptaśnik. Dzieje handlu i kupiectwa krakowskiego. — «Rocznik krakowski», t. 14. Kraków, 1910; K. Pieradzka. Handel Krakowa z Węgrami w XVI w. Kraków, 1935 (Biblioteka krakowska, № 87); R. Rybarski. Ibid.

¹ T. Chudoba. Z zagadnień handlu wiślanego Warszawa w XVI w. — «Przegląd historyczny», t. 50, 1959.

ния с Западным Поморьем; сократилась торговля с востоком (стр. 56—59). Зато усилилась — с Венгрией (в особенности с ее центральной частью). Расширился контакт с Силезией: раньше Краков был связан только с Вроцлавом, теперь еще с многими городами Верхней и Нижней Силезии, расширился ассортимент товаров. вновь ожила приостановившаяся вследствие гуситских войн торговля с Чехией. Наблюдается расцвет и в торговле с Австрией.

Я. Малецкий, нарушая сложившуюся традицию, под внешней торговлей понимает не только зарубежную, как обычно принято, но и торговлю с городами других областей страны, лежащими за пределами регионального рынка. Он полагает, что в условиях феодализма, когда не было общепольского внутреннего рынка, торговля с крупными городами, расположенными в границах государства, тоже носит характер внешней (стр. 23). Поэтому в главу о внешней торговле автор включил сведения о торговых сношениях Кракова с другими польскими городами, лежавшими за пределами краковского регионального рынка: например, сведения о вывозе из Кракова меди, стали, сукна в Люблин.

Таким образом, под внутренней торговлей Я. Малецкий понимает только торговлю на местном (локальном) и областном (региональном) рынке. Но тогда что же означают термины *guyek krajowy*, *guyek wewnetrzny*, которые употребляет автор в данной главе, противопоставляя торговлю внутри Польши торговле с зарубежными странами.

Большой интерес представляет глава, посвященная местному рынку Кракова. Она начинается с анализа состава населения городов Краковского воеводства в конце XVI в. При отсутствии монографических исследований о малопольских городах этот небольшой этюд с полным перечнем городов воеводства (70 городов), указанием их принадлежности (королевские или частновладельческие), общего количества населения и по отдельным категориям — земледельцев, ремесленников, торговцев представляет большую ценность. На основе податного реестра 1581 г. автор устанавливает 3 категории городов воеводства: города, в которых ремесленно-торговое население составляло более 75% (9 городов), от 50 до 75% (31) и менее 50% (28). Отсюда он делает вывод, что хотя в $\frac{2}{3}$ городов преобладало ремесленное и торговое население, но городов в полном смысле слова было всего 9 (стр. 66). Нам кажется, что Я. Малецкий преуменьшил количество последних. Вообще распределение городов по категориям (табл. 9) вызывает сомнения. Получилось так, что крупные центры ремесла, например, Беч, Бохня. Новый Сонч попали во вторую категорию. В первой же, наряду с Кра-

ковым, оказались Ксенж Вельки, Хшанув, Дукля и др.

Во втором разделе главы Я. Малецкий попытался установить, какие города Краковского воеводства, кроме Кракова, имели локальные рынки. Не найдя прямых указаний в источниках, он прибег для разрешения этого вопроса к любопытному способу. Исходя из того, что деревни, вероятно, пользовались теми же мерами зерна, что и связанные с ними города, автор установил по источникам, какие существовали в XVI в. в Краковском воеводстве меры зерна (они назывались обычно по городам, на рынке которых применялись) и в каких деревнях воеводства была известна каждая из этих мер (табл. 13).

Таким образом, ему удалось установить, в каких городах имелись локальные рынки и какие деревни были с каждым из них связаны. Зерно, как он сам пишет, — непрерывный продукт на всех локальных рынках (стр. 71). Продажа его всегда сочеталась на местных рынках с торговлей овощами, мясом и другими продуктами. Следовательно, если в источниках содержатся сведения о наличии рынка на зерно, то это позволяет говорить о наличии его и на другие продукты.

Для определения размеров территории, связанной с местным рынком Кракова, Я. Малецкий использует также записи в таможенных книгах о скоте, пригонявшемся крестьянами соседних деревень в Краков на убой. На основе полученных данных, сведений о распространении краковской меры зерна, а также отдельных показаний источников о подвозе крестьянами в Краков овощей и других продуктов Я. Малецкий устанавливает, что локальный рынок Кракова охватывал территорию радиусом около 20 км: на севере — города Нова Гура, Скала, Сломники, Прошовицы, на юге — Величка, а может быть, и Скавина (стр. 75—79).

На этом рынке торговали хлебом, мясом, рыбой, птицей и дичью, сеном и соломой, дровами, готовым платьем, обувью (стр. 87—101). Автор сожалеет, что в источниках совершенно отсутствуют сведения о торговле зерном (стр. 98). Однако разрозненные упоминания в различных источниках убеждают его, что зерно привозилось шляхтой и крестьянами. Но нам кажется, что о подвозе в Краков зерна крестьянами и даже более, крестьянами каких именно деревень, красноречиво свидетельствуют добытые самим автором данные о распространении в соседних деревнях краковской меры зерна.

Излагая вопрос о предметах торговли на краковском местном рынке, Я. Малецкий попутно описывает формы торговли — недельные базары, вольницы, торговлю через перекупщиков, уличную торговлю и т. д. Автор добавляет много нового к тому, что известно о вольницах из

работы М. Гаубрихувны⁵ (стр. 84, 88—89, 91—96); о перекупщиках, их правах, местах и предметах их торговли он впервые сообщает такие подробные сведения (стр. 84—87).

Подводя итоги исследованию местного рынка Кракова, автор приходит к выводу, что ассортимент товаров, обращавшихся на нем в XV—XVI вв., по сравнению с предшествующим временем остался тот же. Изменились только формы торговли (появление посредников-перекупщиков, воляниц, нелегальной торговли на улицах и в домах) и сузилась территория, охваченная рынком (стр. 101). Причину последнего он видит в возникновении и развитии соседних городов. Мы думаем, что сказалось также и воздействие фольварочно-барщинной системы. Я. Малецкий считает, что крестьяне принимали активное участие в торговле на локальном рынке Кракова даже в конце XVI в., что процесс отрыва крестьян подкраковских деревень от рынка в этот период еще не начинается (стр. 102). Мы полагаем, что в XVI в. процесс этот уже происходит, что фольварочно-барщинная система, распространяющаяся с XV в., к середине XVI в. должна была уже оказывать свое воздействие.

Главе о региональном рынке Кракова предшествует обзор ремесленного производства и отраслей хозяйства, бытовавших на территории Малой Польши. Это — первый, насколько нам известно, опыт районизации экономики в Польше в XVI в. Я. Малецкий намечает в Малой Польше районы, специализировавшиеся в гончарном деле (стр. 123—124), в ткачестве (стр. 124—129), в животноводстве (стр. 129—131), в лесном хозяйстве (стр. 131—135), рыбном деле (стр. 135—137), горном деле (стр. 137—138), железодельном промысле (стр. 138—139). В ряде случаев автору удалось наметить более мелкие деления: 3 подрайона в районе горного дела, 2 — в районе ткацкого ремесла, 3 — в районе животноводства и т. д. Я. Малецкому удалось также выделить район наибольшего производства зерна — земли к северо-западу от Кракова. Автор не считает, что процесс районизации экономики начался в XVI в., но признает, что в этот период он все более углублялся (стр. 141).

Намеченную районизацию экономики на территории Малой Польши в XVI в. Я. Малецкий подтвердил в той части своего исследования, которая посвящена

⁵ M. Gaubrichówna. Wolnice czyli wolne targi w miastach polskich do początków XVII w. Roczniki dziejów społeczno-gospodarczych, t. 4, 1935.

вопросу о региональном рынке Кракова.

Изучая таможенные книги, автор установил, какие товары ввозились в Краков из различных районов связанной с ним торговыми отношениями области или вывозились из Кракова в районы (стр. 144—195). Это — зерно и другие продукты земледелия, скот, горшки, шерсть и ковры, рыба, дерево, смола, мед, железо и изделия из него, сукно и полотно, соль. Товары поступали в Краков из установленных автором районов, специализировавшихся на их производстве. Много внимания уделит здесь автор, как и в главе о локальном рынке, формам торговли, степени участия в торговле отдельных слоев населения. Основной формой региональной торговли были, как он показывает, ярмарки (стр. 208—213). Автор подчеркивает большое участие крестьян в доставке товаров на региональный рынок — хмеля, скота, дерева, хотя уже известны случаи насильственного отрыва крестьян от рынка со стороны феодалов (стр. 214—215).

Территорию, входившую в орбиту регионального рынка Кракова, Я. Малецкий называет условно западной Малой Польшей и включает в нее все краковское воеводство, княжество Заторско-освенцимское и Северское, значительную часть Сандомирского воеводства (повета Пильзенский, Вислицкий, Хенцинский, западную часть Сандомирского, часть Радомского), западную часть Пшемьсльской земли и большую часть Саноцкой, южный район Серадзского воеводства и западные районы Силезии, особенно земли Пщинскую и княжество Бытомское (стр. 200). Включение районов Силезии в сферу регионального рынка Кракова вызывает некоторые сомнения. Не правильнее ли было бы рассматривать описываемые автором торговые операции по вывозу зерна из Кракова в пограничный район Силезии (стр. 147) и по ввозу оттуда в Краков хмеля, рыбы, особенно дерева (стр. 149, 164, 165—168), как торговлю с зарубежными странами, в число которых автор правильно включает Силезию в главе I? Тем более, что Я. Малецкий относит к внешней торговле даже торговлю с польскими городами, лежавшими за пределами западной Малой Польши. Он полагает, что процесс развития регионального рынка Кракова, столь интенсивно проходивший в XVI в., затормозился в XVII в. Чтобы проверить, так ли это, необходимо исследование краковского рынка XVII в. Не сомневаемся, что в недалеком будущем такое исследование Я. Малецким будет написано.

Л. Разумовская

НОВОЕ СЕРИЙНОЕ НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

«Материалы к истории чешско-русских культурных связей»¹ — так называется книга, изданная Славянской библиотекой в Праге. Во введении директор библиотеки Иозеф Стрнадел пишет: «Задачей современной специальной научной библиотеки является не только обыкновенная библиотечная и библиографическая обработка библиотечных фондов в целях сделать их доступными для читателей, но и, по возможности, разыскания и подробная специальная обработка материалов, нужных для научной работы в отраслях, которые связаны с профилем библиотеки».

Новое серийное издание имеет необычный для традиционной библиотечной литературы характер: рецензируемая книга, помимо систематических справочных данных о тех или иных материалах, содержит обобщающую документированную характеристику этих материалов, вытекающие из синтетического обзора фактов выводы и предположения. Особую ценность издание представляет для тех, кто занимается историей русско-чешских культурных связей за пределами Чехословакии и не всегда может работать в Славянской библиотеке².

Первая книга «Материалов» содержит статьи Ярослава Прохазки «Новые данные о пребывании Михаила Ивановича Глинки в Чехии» и «Бахчисарайский фонтан» Пупкина как основа сюжета чешской оперы, созданной после Возрождения»; Мирослава Постлера «Жизнь и произведения Эдуарда Направника»; Мирослава Бидласа «Гинек Воячек — корреспондент чешских газет из России».

Эти статьи, написанные живо и интересно, дают представление о русско-чешских культурных связях XIX века, особенно в области музыки, и тем самым вооружают исследователя новыми фактами.

В своей первой статье Я. Прохазка сообщает о кратковременном пребывании Глинки в Чехии в 1833 и 1847 годах,

что не отмечалось его биографами. Недавно найденный в Карловых Варах неизвестный портрет Глинки (он воспроизводится в книге) работы художника Иржи Кордика, как полагает исследователь, был создан в России в начале 50-х годов. Если же предположить, что портрет сделан в Карловых Варах, то Глинка был в Чехии не два раза, а три.

В другой статье Я. Прохазки рассказывается о создании чешским композитором Эугеном Леопольдом Мехурей (1804—1870) оригинальной оперы по мотивам пушкинского «Бахчисарайского фонтана». Она называлась «Мария Поточкая» и была поставлена на сцене Временного театра в 1871 году. Либретто к опере, написанное Иозефом Коларжем, по свидетельству чешской критики, не учитывало специфики оперной драматургии и в силу этого ограничило возможности музыкального воплощения пушкинской темы. Статья Я. Прохазки содержит сводную информацию о начальном периоде знакомства с Пушкиным в Чехии. Жаль, что при этом не учтено интересное сообщение о литературной деятельности Пушкина, содержащееся в Карлсбадском альманахе («Almanach de Carlsbad») за 1830 год.

Обстоятельная статья о Направнике (стр. 20—116) — наиболее крупная из вошедших в книгу работ. Мирослав Постлер тщательно собрал и систематизировал большой и ценный материал о жизни и деятельности Направника, используя при этом и последние советские работы о нем. Особенно интересна в статье та часть, где говорится о чешском периоде жизни Направника. Можно пожалеть, что в труде М. Постлера не найдено достаточного отражения история постановки опер Направника в России, его переписка с выдающимся чешским музыкантом Иозефом Суком о постановке «Дубровского» в Москве (письма 1907, 1912 и 1913 гг.).³

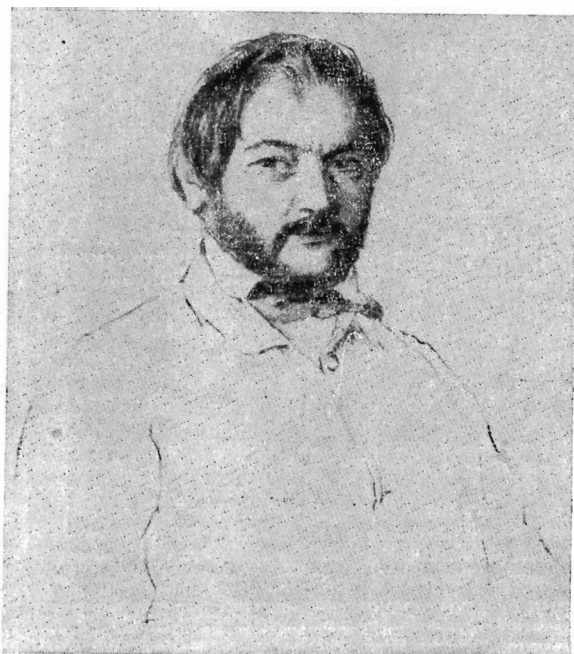
Характеризуя личность Направника, автор статьи пишет о том, с какой большой заботой относился выдающийся музыкант к рядовым работникам театра. Приведенные в статье сведения могли бы быть пополнены сообщениями о концерте 20 марта 1892 года, который Направник организовал и провел «с тем, чтобы, — как сказано в Памятной записке директора императорских театров, — выреченная сумма была обращена в составление капитала, предназначенного для выдачи стипендий на образование детей музыкантов»⁴. Еще один любопытный факт. Когда в 1913 г. на московской сцене в бенефис хора было возобновлено

³ ЦГАЛИ, ф. 877.

⁴ ЦИАЛ, ф. 497.

¹ «Přispěvky k dějinám česko-ruských kulturních styků», 1. Praha, Edice slovan-ské knihovny, 1965, 203 s.

² Библиотека является одним из самых богатейших хранилищ славянских книг: «Больше чем половина полумиллионного фонда Славянской библиотеки, — сообщает во введении И. Стрнадел, — состоит из литературы славянских народов СССР дореволюционного и послереволюционного периода. Эта литература содержит много материалов, касающихся проблематики, особенно, чешско-русских и чешско-украинских отношений в далеком и недалеком прошлом. Их специальное изучение дает нам возможность открыть и понять много важных связей в нашей истории».

Иржи Кордик. Портрет М. И. Глинки. Карандаш

исполнение «Дубровского», в котором участвовал Л. В. Собинов, Направник отказался от авторского гонорара в пользу хора (письмо Суку от 4 XII 1913).

Работу о Направнике могло бы украсить сообщение об упоминании имени популярного дирижера в «Братьях Карамазовых» Достоевского, а также строки шуточного стихотворения Апухтина «Певец в стане русских композиторов»:

Один ты бодрствуешь за всех,
 Наш капитан-исправник!
 По темпу немец, родом чех,
 Душою росс — Направник
 Подвластны все тебе, герой:
 Контральто, бас, сопрано,
 Смычок, рожок, труба, гобой.
 Ура! Опоковано!⁵

Иллюстративные материалы монографической статьи о Направнике, среди которых привлекает фотография дома, где он родился, мог бы обогатить портрет композитора, сделанный Репиным (хранится в фондах Третьяковской галереи).

Статья Мирослава Бидласа о корреспонденциях из России чешского музыканта Гинека Воячека (его знал и Направник) вводит в научный обиход новый материал об одном из источников информации, которым в конце 50-х — на-

чале 60-х годов прошлого века пользовалась чешская пресса при освещении русской общественной и культурной жизни. Однако, как нам кажется, увлечение биографией Воячека в какой-то мере помешало автору с достаточной четкостью раскрыть и оценить общественное значение его корреспонденций. Правда, о характере опубликованных в Чехии корреспонденций Воячека некоторое представление дают приведенные в приложении к статье его заметки о Москве и Петрограде.

Заслуживает одобрения сопровождающий все статьи научный аппарат (снимки, примечания, иллюстративный материал, разного рода приложения). Особенно выделяется в этом отношении работа о Направнике. Помимо подробной библиографии, указателя имен, многочисленных сносок и необходимых примечаний имеются и списки произведений Направника, созданных им в Чехии и России, а также перечни опер, которыми он дирижировал и которые он, кроме того, разучивал с певцами и оркестром. Последний перечень, кстати, насчитывает 74 названия, а между тем в письме В. А. Теляковского на имя комиссара Временного правительства от 21 апреля 1917 года говорится о Направнике следующее: «... Им было разучено и подготовлено... 45 русских и 35 иностранных, т. е. всего 80 опер. К этому следует

⁵ Oprakovati (чешск.) — повторять.

Дом в Бейшти близ Пардубиц, в котором жила семья Э. Направника

прибавить, что дирижировать ему приходилось и многими другими операми...»⁶

Равноправными компонентами входят в книгу еще два материала, представляющих большой научный интерес. Это «Список выдающихся чешских музыкантов, живших и работавших в России», составленный Мирославом Постлером, и подготовленное Ярославом Прохазкой «Описание репертуара русских опер и

опер на русские сюжеты, исполнявшихся на чешских сценах, с хроникой чешско-русских связей в области оперного театра за 1745—1945 гг.»

Книга завершается резюме на русском языке.

Хочется искренне приветствовать хорошее начинание Славянской библиотеки и выразить надежду, что за первым выпуском нового издания вскоре последуют другие, столь же интересные и содержательные.

⁶ ЦГИАЛ, ф. 497.

Л. С. Кишкин

НА ПУТИ ОТ КРИТИКО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ К АНАЛИТИЧЕСКОМУ ИССЛЕДОВАНИЮ

О творчестве Владислава Броневского и в Польше и у нас написано довольно много. Советскому читателю поэзия Броневского известна. У нас выходили сборники его стихов — три до Великой Отечественной войны (два в русском и один в украинском переводе) и три после нее. В переводах на русский и украинский языки печатались в наших периодических изданиях 20—30-х годов и статьи поэта. Тираж довоенных и послевоенных изданий стихотворений польского поэта составил в нашей стране 180 тысяч экземпляров.

О некоторых писателях говорят, что они прошли трудный и сложный творческий путь. Это особенно верно по отношению к Броневскому, который ценой сложных, подчас весьма тяжелых испытаний и творческих исканий пришел к коммунистическим идеалам.

Читателю, который пожелает проследить почти сорокалетний творческий путь

поэта, может серьезно помочь новая книга советского литературоведа Виктора Хорева¹. Выводы и наблюдения автора основаны на изучении новаторских стихов Броневского. Анализируя эти стихи, критик стремится раскрыть миропонимание юноши-поэта, почти со школьной скамьи попавшего в окопы, оказавшегося лицом к лицу с войной. В этом первом столкновении с грозной действительностью, как показывает В. Хорев, юный Броневский увидел лик мира, искаженный страданиями и убийствами. Поэта волновал вопрос, какую роль может играть искусство в антагонистическом классовом обществе, порождающем бессмысленные, массовые убийства людей. На этот вопрос Броневский постарался дать ответ и дал

¹ В. А. Х о р е в. Владислав Броневский. Очерк жизни и творчества. «Высшая школа», М., 1956.

его себе и своим читателям в стихах, увидевших свет вместе с революционными стихотворениями пролетарских поэтов С. Станде и В. Вандурского в сборнике «Три залпа» и в теоретической статье «Вчера и завтра поэзии в Польше».

В новой советской работе о Броневском последовательно раскрывается роль классового сознания поэта, которое определило его эстетические взгляды и с самого начала его литературной деятельности помогало ему безошибочно разбираться в сложной политической обстановке буржуазно-помещичьей Польши, стать выразителем чаяний и стремлений трудящихся масс.

Как справедливо указывает критик, высшим эстетическим идеалом для польского поэта является жизнь, посвященная революционной борьбе народа за его социальное освобождение. В творчестве Броневского в процессе овладения им темой революционной борьбы пролетариата все определеннее проявляется, дает о себе знать и окончательно побеждает принцип реалистического восприятия действительности. В этой связи В. Хорев подробно анализирует ряд стихотворений Броневского: «Шпик», «Товарищи по оружию» и другие.

Достоинством книги является то, что идейная эволюция поэта, развитие его мастерства показаны на широком фоне революционного прошлого и героического настоящего Народной Польши.

В. Хорев делает вполне правомерное сопоставление, указывая, что подобно Маяковскому в советской поэзии, Броневский явился новатором в польской литературе, внося в нее новое революционно-пролетарское содержание.

В своей интерпретации творчества Броневского советский исследователь отвергает вульгаризаторские точки зрения, выступает, в частности, против недооценки интимной лирики поэта. В. Хорев оспаривает мнение польских и советских литературоведов (Р. Матушевского, М. Живова), видящих в сборниках стихов «Примкнуть штыки» и «Дерево отчаяния» признаки ослабления якобы связи Броневского с народом, проявления пессимизма и отчаяния. Автор правильно указывает, что в стихах этих сборников несомненно отразились разнообразные, иногда противоречивые настроения поэта. Но при этом он подчеркивает, что доминирующим у Броневского всегда было ясное сознание долга, призывавшее его вести мужественный разговор с историей, рождавшее чувство ответственности за нее и перед ней, побуждавшее поэта неустанно искать верного пути в жизни. В постоянной борьбе противоречий, в конфликтах, определявших внутренний мир поэта и отражавших диалектическую сложность воспринимаемого им мира, зарождалось и развивалось революцион-

ное художественное мастерство Броневского.

Отмечая ценные стороны работы В. Хорева, следует упомянуть и о некоторых моментах, которые, на наш взгляд, могли бы способствовать еще больше полному освещению в ней литературного портрета В. Броневского. Полнее можно было бы использовать имеющиеся биографические материалы. Жаль, например, что В. Хорев не использовал тех данных о Броневском, которые приводит в своих воспоминаниях («Десять красных сердец», изданных в 1964 г. в Варшаве, его жена Янина Броневская (в отрывках они публиковались и ранее на страницах польской прессы)). Следовало уделить больше внимания связям Броневского с советскими писателями в 30-е годы, подробнее рассказать о его поездке в Советский Союз в 1934 г., о посещении им Ленинграда, Харькова, Днепрогосса.

Несмотря на небольшой объем и популярный характер работы В. Хорева, он, по нашему мнению, должен был все же уделить внимание связям поэта с западноукраинскими писателями С. Тудором и, особенно, Я. Галаном. Броневский и Галан некоторое время оба жили в Варшаве, вместе сотрудничали в литературных органах левого направления (прежде всего — в «Месенчнике литератком»). Соответствующие материалы имеются и в советских архивах и библиотеках. Во Львове недавно обнаружены доселе неизвестные письма Броневского в редакцию журнала «Сигналы». Изучение и публикация этих материалов явились бы, на наш взгляд, полезным делом.

В работе В. Хорева встречаются недостатки библиографического характера, некоторые неточности фактического порядка. Так, например, на стр. 9 читаем: «Уже в 1922 году в газете „Роботник“ (№ 341) Броневский в опубликованном анонимно сатирическом стихотворении „Карманьола Хиены“ резко клеймит польскую реакцию...». А на стр. 13 автор несколько неожиданно заявляет: «В январе 1924 года, раньше, чем появились в печати оригинальные стихи поэта, Броневский опубликовал перевод стихотворения Маяковского „Поэт-рабочий“». Неверно дана дата освобождения Броневского из заключения — 1942 год (стр. 56), в то время как в действительности он был освобожден в августе 1941 г.

Некоторые недочеты и пробелы в новой работе советского литературоведа о жизни и творчестве Владислава Броневского не снижают ее значения: безусловно сделан шаг вперед на пути перехода от критико-публицистического освоения к аналитическому исследованию всего наследия одного из популярнейших польских поэтов нашего времени.

И. Н. Лозинский

«ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ТРУДЫ» В ЧЕСТЬ АКАДЕМИКА В. ДОРОШЕВСКОГО

Вышел в свет XVIII том «Prac filologicznych»¹, посвященный академику Витольду Дорошевскому в связи с тридцатилетием его профессорской деятельности в Варшавском университете. «Prace filologiczne» были основаны еще в XIX столетии Адамом Крыским. В различных томах этого издания публиковались многие фундаментальные исследования по славянскому языкознанию. Ряд интересных работ в этой серии опубликовал и юбиляр.

Издание «Prac filologicznych» было прервано второй мировой войной. XVIII том был подготовлен к печати еще в 1939 г., но рукопись тома во время войны сгорела. Теперь, через 25 лет, это хорошо известное и авторитетное издание продолжено. Подготовлен и издан новый, XVIII том, в котором приняты участие ученые Польши, Чехословакии, Советского Союза, Болгарии, Югославии, Румынии, Венгрии, ГДР, США, Франции, Дании, Норвегии, Швеции и Англии.

Научная деятельность Витольда Дорошевского началась сорок лет назад. За это время польский ученый опубликовал свыше 400 книг, статей, заметок, обзоров и рецензий, посвященных различным вопросам теоретического и славянского языкознания. В. Дорошевский в течение многих лет руководит в Варшавском университете кафедрой польского языка. В Польской академии наук он возглавляет коллективы лексикографов и диалектологов. Ученый пользуется в Польше широкой известностью, так как он систематически выступает по радио с лекциями по вопросам культуры речи. Его сборники популярных статей «Беседы о языке» регулярно выходят с 1948 г. большими тиражами. Хорошо знают Дорошевского во всех славянских странах, где он часто выступает с докладами. В университетах Франции, Англии, США польский ученый неоднократно читал лекции по различным вопросам польского языкознания и теории языка.

Научная деятельность В. Дорошевского многогранна: лексикология и лексикография, словообразование, диалектология, фонетика, психология речи — вот далеко не полный перечень тех областей языкознания, в которых успешно работает ученый.

Уже первые исследования Дорошевского по славянскому словообразованию показали, что в науку пришел талантливый ученый со своей оригинальной концепцией. Его исследования выгодно отличались от обычных описательных работ

по славянскому словообразованию. Труды Дорошевского оказали глубокое и плодотворное влияние на теорию словообразования не только в Польше, но и за ее пределами (в частности, и в Советском Союзе).

После войны центр научных интересов ученого перемещается в область диалектологии и лексикографии. Это было связано с началом большой работы по изучению польских говоров Вармии и Мазур, позже — с работой над общеславянским лингвистическим атласом, с созданием капитального словаря польского языка. Дорошевский опубликовал много исследований по теории лингвистической географии, которые во многом способствовали развитию этой новой отрасли диалектологии. Велик вклад В. Дорошевского в теорию и практику польской лексикографии.

Учитывая большие заслуги В. Дорошевского в развитии польской науки, в подготовке филологов, в подъеме языковой культуры широких кругов населения, руководство Варшавского университета приняло решение отметить тридцатилетие профессорской деятельности ученого изданием специального сборника. Было решено посвятить ему XVIII том «Prac filologicznych». Подготовка издания и редакция были возложены на профессоров Г. Конечну и Ст. Скорупку. Редакция сборника получила так много статей от польских и иностранных ученых (144 статьи), что потребовалось один том «Prac filologicznych» поделить на четыре книги.

Первая книга открывается статьей проф. Ст. Скорупки «Профессор Витольд Дорошевский как исследователь и научный руководитель», в которой дан вполне объективный анализ научной деятельности ученого. Опубликована полная библиография печатных работ В. Дорошевского до 1960 г. включительно (434 номера). Книга поделена на два отдела. В первом опубликованы статьи по общему языкознанию и методологии языкознания, во втором — статьи по сравнительному языкознанию, по истории индоевропейских и неиндоевропейских языков. Первая книга по своему содержанию отличается наибольшей пестротой, так как здесь имеются статьи по различным вопросам языкознания. В первом отделе книги опубликована статья о проблемах машинного перевода О. С. Ахмановой (автор утверждает, что машинная лингвистика имеет большое значение для развития общезымоведческой теории), статьи К. Горалка о монолингвистической функции языка, Р. О. Якобсона — о лингвистическом анализе рифм, Э. Бенвениста — о значении уменьшительных суффиксов, М. Козна — о префиксах отрицания, А. А. Реформатского — о структуре языка и фонологии, П. Янчака — о приме-

¹ «Prace filologiczne». Т. XVIII. Warszawa. Państwowe Wydawnictwo Naukowe. Cz. 1, 1963, 250 s.; cz. 2, 1964, 453 s.; cz. 3, 1964, 354 s.; cz. 4, 1965, 408 s.

нении статистического метода в диалектологии, М. Павловича — об изоглоссах субстратного происхождения, С. Роспонда — о значении топонимики в исследованиях историка и лингвиста, А. Россетти — о глоссематике Ельмслева. Вопросы лексикографии посвящена статья А. Достала; Я. Токарский излагает свои взгляды на проблему омонимии. Мне бы хотелось специально выделить статью чешского ученого И. Скулыны «Лингвистическая география и структура диалектов», которая связана со специальными научными интересами Дорошевского и содержит ряд весьма ценных и плодотворных мыслей по теории лингвистической географии. Автор на конкретных примерах показывает, что лингвистическая география может преодолеть атомарность, свойственную ей на первых этапах ее развития.

Во второй отдел первой книги включены статьи не только по сравнительной грамматике, но и по истории неславянских языков. Ю. Курилович посвятил свою статью проблемам индоевропейской метрики. Автор справедливо отмечает, что «для реконструкции доисторического состояния языка, следовательно, для сравнительной грамматики знание строения стиха древнейших памятников имеет большое значение» (стр. 159—160). Л. Заброцкий опубликовал большую статью «К развитию индоевропейских дифтонгов *ai*, *au*, *oi* в германских языках», в которой четко определяет условия и хронологию монофтонгизации дифтонгов. Статья представляет значительный интерес не только для германистов, но и для славистов. Специальные вопросы из истории норвежского языка освещает А. Сомерфельт. Полезно ознакомиться славистам с большой статьей Я. Сафаревича «Хронология развития групп согласных в латинском языке». Аналогичные вопросы на материале славянских языков еще не получили полного и всестороннего освещения. Ценные наблюдения и факты содержатся в статье Т. Бух, исследующей утрату носовых гласных в литовских диалектах восточной Пруссии по памятникам XVII—XVIII вв. В статье показано, что ринезм раньше утратился у гласных высокого подъема и что благоприятной позицией утраты ринезма был конец слова. Бух справедливо пишет, что «оба эти условия находят полное подтверждение в истории праславянских и польских носовых гласных» (стр. 158).

Вторая книга тома посвящена славянскому языкознанию. Она состоит из общеславянского, западнославянского (исключая полонистику), восточнославянского и южнославянского отделов.

В общеславянском отделе опубликованы статьи по праславянскому языку, по сравнительному изучению славянских языков, по этимологии, по лексикологии, по славянским контактам с неславянски-

ми языками. Несмотря на наличие в книге специального южнославянского отдела, в котором находим статьи по старославянскому языку, сюда же включены статьи Г. Трейгера «Старославянское письмо и фонемы», А. Вайана «Суффикс *-čii*». Сюда же следовало бы перенести из первой книги статью Э. Петровича «Жентипа — 'молочная сыворотка' — в румынском, славянских и венгерском языках». Статья содержит ценные факты для изучения взаимоотношений языков карпатского ареала. М. Ивич рассматривает некоторые аспекты *singularia tantum* и *pluralia tantum* в славянских языках. И. Леков исследует новый вопрос в языкознании — длину слов в болгарском и польском языках. В. Махек вновь возвращается к вопросу о чередовании *o* : *u* в праславянском языке (вопрос детально был в свое время рассмотрен Ф. Славским). О праславянском *ǣ* пишет З. Штибер. Несколько статей в отделе посвящено глаголу (А. Мазон, И. Немец). Словообразование рассматривается в статьях В. Н. Топорова, К. Хельтберг, И. Ружички. Новые этимологии предлагают О. Н. Трубачев и С. Поттер. Очень интересный семасиологический этюд опубликовал Я. Белич (значения слова **město*). Проблемам сравнительной фразеологии на материале чешского и верхнедунайского языков посвятил свою статью Л. И. Ройзензон. Тематически близка ей статья Ст. Скорупки «Из проблем сравнительной фразеологии», опубликованная в четвертой книге. Авторы обеих статей ставят актуальные вопросы современной науки. Пока в области сравнительной фразеологии сделано еще очень мало.

Три статьи во втором томе посвящены языковым контактам. Г. Михаилэ сообщает о территории распространения славянских заимствований в румынском языке на основе данных румынского диалектологического атласа. А. Зайончковский анализирует ряд тюркских заимствований в славянских языках. Ч. Кудзиповский изучает славянские заимствования в древнеритовском языке на материале библии Хилинского.

Из большого числа статей отдела «Западнославянские языки» прежде всего следует отметить ценную работу Г. Бильфельдта, посвященную славянским (поморским) элементам в говорах Восточной Германии. Статья содержит богатый и в ряде случаев совершенно неизвестный прежде материал. Она представляет собой часть большого исследования немецкого слависта. Ряд статей посвящен сербо-лужицким языкам (А. Фринта, Г. Шустер-Шевц, З. Соберайский). А. Сейчковский опубликовал большую статью «Грамматическая категория звательного падежа в западнославянских языках». Наибольший интерес представляет третий раздел этой статьи, в котором рассматривается процесс утраты звательной формы. Нижне-

лужицкий язык сохраняет лишь ее остаток. Лучше сохраняется этот падеж в верхнедулицизме. Словацкий язык фактически уже не знает звательного падежа. Сохранение его в грамматиках словацкого литературного языка — лишь дань традиции. Лучше всего звательный падеж сохраняется в чешском языке. Несколько статей посвящено различным вопросам чешской и словацкой диалектологии (С. Утешены, А. Габовштяк, Е. Паулини).

В восточнославянском отделе второй книги особенно выделяется большая статья Н. В. Бириллы о переходе *e* (<ь, е) в *o* в белорусском языке. Автор приводит неизвестный диалектный материал, публикует несколько карт. В статье Ф. П. Филипа предложено новое объяснение происхождения предикативных причастий на *-e* в ед. ч. м. р. В статье В. Г. Орловой речь идет о происхождении владимирско-поволжской группы русских говоров.

Не богат в книге южнославянский отдел. Здесь я бы хотел специально выделить очень интересную статью П. Ивича об изменениях групп *ra* > *re* в сербско-хорватских говорах. Это явление давно известно польскому языку. Еще в 1934 г. польский ученый В. Ташицкий посвятил этому специальную монографию. Позже о переходе *ra* в *re* в польском писала А. Басара. Ивич всесторонне рассматривает этот вопрос и дает точную локализацию явления в сербо-хорватских говорах. Приложена карта, которая показывает, что наиболее полно явление представлено в чакавских говорах района Сплита, Задра и Истрия. Т. Логар посвятил статью процессу диалектного членения словенского языка. К. Мирчев рассматривает лексические варианты в среднеболгарских евангелиях XIII в. Л. Мошинский детально анализирует функцию союза *da* в Зографском евангелии. Ф. Славский рассматривает некоторые аспекты болгаро-македонской сравнительной степени с *no-*. Ст. Стойков публикует карту, на которой показано распространение диалектных вариантов повелительной формы *недей* в болгарском языке. И. Вукович исследует чередования гласного в *elan/elen* в связи с вопросом о древнем произношении *ě* в сербо-хорватских диалектах.

Как видим, и во второй книге все статьи имеют прямое отношение к славистике. Однако одни авторы публикуют большие и серьезные исследования, другие — ограничиваются небольшими и случайными заметками. На это обратил внимание польский рецензент второй книги Г. Ожеховская. Она пишет: «Вес заключенных в этом томе работ весьма различный: от историко-лексикальных мелочей в виде статьи В. В. Виноградова об истории русского слова „незабудка“ до работ с очень обширной проблематикой синтетического или критического харак-

тера. К таким принадлежат, например, статья А. Мазона „Tempset aspect en russe, en polonais et en tchéque“ или статья Т. Логара о возникновении диалектного членения словенского языка» (см. «Pozadnik jezykowy», 1965, № 6, стр. 253).

Третья и четвертая книги XVIII тома «Prac filologicznych» содержат статьи по полонистике. Естественно, что здесь выступают в основном польские ученые. Однако находим в них статьи полонистов и из других стран (СССР, Чехословакия, Франция, Швеция).

В первом разделе («Фонетика») опубликовано несколько статей, посвященных исторической фонетике. Наибольший интерес представляет, на мой взгляд, большая статья Ст. Урбанчика, в которой автор рассматривает причину утраты так называемых «samogłosek rochyłonych» в польском языке. Статья А. Щецоры «О монофонгическом произношении польских носовых гласных» дает новый материал для решения дискуссионного вопроса о характере древнепольских носовых гласных. Тематически к этой статье примыкает статья Вл. Курашкевича «Носовые гласные в Libri legationum № 3—10 от 1500—1542 гг.». Богатый и интересный материал содержит статья Я. Войтович «Об исчезновении мазурения в некоторых польских говорах», в которой на многих примерах убедительно показано, что мазурение утрачивается под влиянием литературного языка.

Значительная часть второго раздела («Морфология») отведена словообразованию. Здесь имеется несколько статей, посвященных истории польской науки в области словообразования (Я. Пузынина, Р. Гжегорчикова, З. Кавын-Кужова, Г. Рыбощка). В этом разделе мне бы хотелось специально отметить интересный этюд М. Караса «Из проблематики диалектного словообразования, в котором рассматривается словообразование прилагательных в народных говорах. Именному словообразованию посвящены статьи В. Помяновской, В. Ташицкого, В. С. Золотовой и др.

Третий отдел («Синтаксис») не богат. Здесь опубликованы статьи З. Клеменевича, Н. Ивановой-Перчннской, М. Бродовской-Гоновской и др.

Большую научную ценность представляет отдел «Лексикология и лексикография» четвертой книги тома. Мне бы хотелось здесь особо выделить статьи, посвященные лингвогеографическому описанию польской лексики. Этих статей много, и они все содержат новый и очень важный материал. Им с благодарностью воспользуются все специалисты в области славянской лексикологии и семасиологии. Это статьи Б. Бортничкой-Домбковской о названиях некоторых видов грибов (*Tricholoma*), В. Ценковского о названиях крыши дома, Е. Павловского о географии слов *dziopa* и *chodak*, И. Смыля

о названиях птиц в диалектах Вармии и Мазур. Большой интерес для специалистов по сравнительной славянской лексикологии представляет статья А. Зарембы «Из забытых польских слов: (z)gotemu». В нескольких статьях рассматривается этимология отдельных польских слов (статья Э. Деко, Я. Рейхмана, Е. Слушкевича). Из статей по польской лексикографии следует отметить статьи Г. Аудерской «О проспекте „Słownika języka polskiego“ С. Линде» и статьи С. Шлиферштейн о лексикографических работах А. Осинского.

Последний отдел четвертой книги посвящен вопросам стилистики и литературоведения. Языковед с интересом прочитает здесь статьи З. Либеры о лингвисти-

ческих взглядах выдающегося польского астронома Я. Снядецкого. Некоторые статьи включены сюда случайно. Их место в других книгах тома. Это, например, статья Э. Малаховской о взглядах И. А. Бодуэна де Куртенэ на проблему развития детской речи, статья Я. Отрембского о польском языке в Литве и др. Завершается XVIII том публикацией проспекта словаря говоров Вармии и Мазур.

В Польше теперь выходит из печати много неперIODических изданий по языкознанию и филологии. Надо думать, что серия «Prace filologiczne» вновь займет среди них почетное место.

С. Б. Бернштейн

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

«Dějiny KSČ». Studijní příručka. Praha, 1965, 252 s.

«История Коммунистической партии Чехословакии». Учебное пособие

Чехословацкое издательство политической литературы выпустило в свет учебное пособие по истории Коммунистической партии Чехословакии, подготовленное Институтом истории КПЧ в сотрудничестве с идеологическим отделом ЦК КПЧ. В кратком введении указывается, что учебное пособие рассчитано на пропагандистов, на лиц, занимающихся в системе партийного просвещения, и на учащихся высших учебных заведений.

Первый послевоенный учебник, в котором излагалась история партии с 40-х годов XIX в. до Общегосударственной конференции Коммунистической партии Чехословакии в 1960 г., был издан в 1961 г. За прошедшие четыре года историческая наука в Чехословакии сделала значительный шаг вперед в разработке истории рабочего движения и коммунистической партии. Новые материалы и документы, более глубокая разработка некоторых важных проблем позволили авторам рецензируемого учебника пересмотреть некоторые положения и оценку ряда событий, данных в прежнем учебнике, обогатить изложение новыми фактами и выводами. Авторы нового учебника считают, что V конгресс ошибочно характеризовал рабоче-крестьянское правительство лишь как синоним диктатуры пролетариата. «Такая характеристика означала ревизию решений IV конгресса Коминтерна и фактически снятие лозунга рабоче-крестьянского правительства. Этим самым были временно прерваны поиски различных форм подхода к пролетарской революции» (стр. 61). В главе отмечается неправильная критика на V конгрессе Коминтерна решений I съезда

КПЧ о рабочем правительстве, принятых на основе решений IV конгресса Коминтерна.

В новом учебнике больше внимания уделяется деятельности Б. Шмерала, особенно в первые годы существования Коммунистической партии Чехословакии, подчеркивается его вклад в разработку стратегии и тактики международного рабочего движения.

Рабочее движение и деятельность коммунистической партии в период буржуазной Чехословацкой республики освещены, на наш взгляд, достаточно полно и конкретно. Исключение составляют 1935—1937 гг. К сожалению, авторы не упоминают конкретные имена, а иногда и факты. На страницах, посвященных VII конгрессу Коминтерна, читатель не найдет фамилий Г. Димитрова, П. Тольятти, а также других деятелей международного рабочего движения. Не упоминаются фамилии и видных деятелей коммунистической партии Чехословакии (К. Готвальда, В. Широкого, Я. Швермы и др.). О борьбе рабочего класса в 1936—1937 гг. за улучшение условий жизни и труда, о деятельности КПЧ по созданию единого и народного фронта говорится лишь в общих словах.

Интересным и в значительной степени обогащенным новыми материалами и оценками является раздел о борьбе КПЧ против фашизма в 1938—1945 гг. Прежде всего это касается Словацкого национального восстания 1944 г. и майского восстания чешского народа 1945 г. (оценка деятельности V подпольного ЦК Коммунистической партии Словакии, Словацкого национального совета, роль армии

в словацком восстании, деятельность Чешского национального совета и др.). В главе дается характеристика как коммунистических, так и некоммунистических групп движения Сопротивления, говорится об их участии в национально-освободительной борьбе, о завоевании коммунистической партией руководящей роли в национально-освободительном движении.

В разделе, охватывающем период 1945—1962 гг., главное внимание уделено деятельности коммунистической партии в создании социалистической экономики. В известной мере это оправдано: экономика являлась главным полем борьбы за социализм. Однако, если при освещении событий 1945—1948 гг. достаточно внимания уделяется также политическим проблемам, вопросам партийной жизни, то при изложении истории последних лет

особенно 1956—1962 гг., это сделано, на наш взгляд, менее удачно.

Книга снабжена диаграммами, наглядно показывающими забастовочное движение в 1930—1937 гг., результаты выборов в парламент в 1946 г., динамику промышленного производства в буржуазной Чехословакии и в социалистической Чехословакии, рост валовой продукции сельскохозяйственного производства в ЧССР, потребление некоторых видов продукции на душу населения. В конце книги прилагается список важнейших документов, статей и монографий для более глубокого изучения истории Коммунистической партии Чехословакии. Новое учебное пособие по истории КПЧ с удовлетворением встречено чехословацкой общественностью. Оно представляет несомненный интерес и для советского читателя.

Н. А. Шленова

ПОЛЕЗНОЕ ПОСОБИЕ ПО ИСТОРИИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В СЕРБИИ

За последние годы сотрудниками Института истории рабочего движения Сербии в Белграде опубликован ряд ценных сборников документов и материалов и других изданий по истории рабочего и социалистического движения в Сербии¹. Недавно библиотека трудов по истории рабочего и социалистического движения в Сербии пополнилась работой Миленко Топаловича². Книга издана к 50-летию со времени гибели выдающегося руководителя сербского рабочего и социалистического движения Димитрие Туцовича.

Рецензируемый труд является итогом многолетней систематической работы автора над первоисточниками по истории сербского рабочего движения³. На основе критического изучения и сравнительного сопоставления материалов печати разных направлений (в первую очередь рабочей и социалистической прессы), официальных изданий, архивных документов и других источников и литературы,

М. Топалович составил детальную хронологию сербского рабочего и социалистического движения. Подобной широты работа по истории сербского рабочего движения (книга охватывает период с 1860 до конца 1918 г.) создана впервые. Опубликованная ранее «Хронология прогрессивного рабочего и народно-освободительного движения Белграда»⁴ — менее значительна по масштабу; к тому же она охватывает лишь события, происходившие в Белграде (с 1901 по 1944 г.)⁵. Все факты, помещенные в «Хронологию» М. Топаловича, сопровождаются ссылками на источники и литературу, так что исследователь, заинтересовавшийся соответствующим сюжетом, сможет быстро привлечь большой и нужный материал в источниках.

В работе М. Топаловича отмечены события и факты из истории появления, распространения и развития социалистических идей в Сербии, представлены первые рабочие организации, их культурно-просветительная, профессионально-экономическая и политическая деятельность, указаны основные вехи жизни и деятельности видных деятелей сербского рабочего и социалистического дви-

¹ «Синдикални покрет у Србији. 1903—1919», кн. 2. Београд, 1958; кн. 3. Београд, 1962; кн. 4. Београд, 1964; F. F i l i p o v i ć. Izabrani spisi, кн. 1—2. Београд, 1962, и др.; подробнее об изданиях Института истории рабочего движения Сербии см. информацию Н. Иванович — «Советское славяноведение», 1966, № 2, стр. 133.

² М. Топаловић. Хронологија радничког покрета у Србији. Книга 1 до 1919 године. Београд, 1964, 270 стр.

³ М. Топалович принимал участие в подготовке сборника документов и материалов по истории профсоюзного движения в Сербии «Синдикални покрет у Србији. 1903—1919», кн. 4.

⁴ Хронологија напредног радничког и народноослободилачког покрета Београда. Београд, 1960.

⁵ Для сравнения отметим, что в «Хронологии прогрессивного рабочего и народно-освободительного движения Белграда», в целом несомненно полезной, периоду с 1901 по 1918 гг. уделено 85 стр.; в Хронологии же М. Топаловича соответствующий период освещается почти на двухстах страницах.

жения; в «Хронологии» отмечаются также даты зарождения и развития важнейших современных политических и экономических организаций сербского пролетариата — Сербской социал-демократической партии и Главного рабочего союза, факты экономической и политической борьбы сербского пролетариата и выступления отдельных его отрядов, возникновение и основные этапы развития в Сербии рабочей печати и литературы, а также факты, связанные с распространением идей социализма и классовой борьбой вообще, международными связями и акциями важнейших организаций сербских рабочих и сербской социал-демократии. Кроме того, книга М. Топаловича охватывает некоторые важнейшие события общественно-политической и экономической жизни Сербии, которые прямо и непосредственно затрагивали интересы рабочего класса: законы о печати, собраниях и союзах, законы о парламентских и муниципальных выборах, законодательство, регулировавшее положение пролетариата, деятельность рабочих депутатов в парламенте (скупщине) и в муниципалитетах.

К сожалению, не все стороны и периоды развития рабочего и социалистиче-

ского движения в Сербии освещены в «Хронологии» в равной мере и с достаточной полнотой. Лучше представлен, например, период зарождения сербского рабочего и социалистического движения. События же первой мировой войны освещены очень кратко, в особенности, 1916—1918 годы. Справедливости ради необходимо, однако, заметить, что эти пробелы вызваны объективными трудностями, недостатком соответствующих источников. К числу достоинств «Хронологии» относится и то, что в книге отмечены все важнейшие факты совместных действий сербских рабочих и социалистических организаций с соответствующими организациями других балканских стран, связи сербского рабочего и социалистического движения с социал-демократией России и Австро-Венгрии.

В конце книги имеются предметный и именной указатели и указатель географических названий⁶.

М. А. Бурман

⁶ Сотрудники Института истории рабочего движения Сербии подготовили второй том «Хронологии», охватывающий события революционного рабочего движения в Сербии с 1919 по 1941 г.

ГРЕЧЕСКОЕ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ И СЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XIX В.

Книга Г. Л. Арша «Тайное общество «Филики Этерия»»¹ посвящена одному из важных и интересных периодов в истории греческого национально-освободительного движения, когда это движение было связано с общественной жизнью России. Она рассказывает о создании греческой революционной организации «Филики Этерии», о связях ее членов с русскими декабристами, раскрывает значение деятельности этой организации в освободительной борьбе греческого народа. Это — первый в советской литературе очерк о «Филики Этерии».

Из всего круга проблем, затронутых в книге, наиболее значительны, на наш взгляд, две: русско-греческие связи в начале XIX в. и связи «Филики Этерии» с освободительным движением южных славян и других балканских народов.

Русско-греческие связи, уходящие своими корнями в далекое прошлое, в конце XVIII и начале XIX в., когда греческий народ поднялся на вооруженную борьбу за свержение многовекового турецкого ига, расширились и укрепились. Автор

показывает глубокое сочувствие, с которым передовая русская общественность относилась к освободительным стремлениям греческого народа.

Характерной чертой греческого освободительного движения было стремление его руководителей наладить сотрудничество с другими балканскими народами в борьбе за освобождение. До создания «Этерии» эта черта ярко проявилась в деятельности поэта-революционера Ригаса Велестинлиса (1757—1798), который в своих политических сочинениях призывал балканские народы совместно сбросить османское иго и создать демократическое государство.

В книге говорится о стремлении этеристов объединить все силы порабощенных народов Балкан. «Этерия» посылала своих «апостолов» во все области Балканского полуострова, в ее рядах были не только греки, но и болгары², албанцы, сербы, жители Дунайских княжеств и др.

Большое значение имела связь этеристов с сербским освободительным дви-

¹ Г. Л. Арш. Тайное общество «Филики Этерия». «Наука», 1965, 125 стр.

² Связям «Этерии» с болгарями посвящена книга болгарского исследователя Н. Тодорова «Филики этерия и българите» (София, 1965).

женем. Героическая борьба сербских повстанцев вдохновляла греков на борьбу. После поражения восстания его руководитель Карагеоргий поселился в Бессарабии и вскоре установил связи с «Филики Этерией». В книге приводятся интересные сведения о соглашении, заключенном Карагеоргием с руководителями «Этерии», о подготовке совместного восстания греков и сербов против Османской империи.

Необходимо заметить, что, по-видимому, ограниченный объем книги не позволил автору детально осветить во-

прос об общевалканских освободительных связях начала XIX в.³

Книга Г. А. Арша заслуживает внимания не только специалистов по истории Греции, России и балканских стран, но и всех, кто интересуется этими проблемами.

И. Сенкевич

³ Этому вопросу посвящен специальный труд греческого историка-коммуниста Георгия Зоиди «Греки и северные соседи». Γεωργη Ι. Ζωϊδης. Οι ελληνας και βορειοι γειτονες. Πολιτικες και λογοτεχνικες εκδοσεις, 1957.

КНИГИ О ДЕЯТЕЛЯХ СОВРЕМЕННОГО ЧЕШСКОГО ТЕАТРА

В Чехословакии, стране с богатой традицией театральной культуры, за последние годы появилось несколько новых серий театральных изданий.

Пожалуй, самой интересной из них является серия «Промёпу» (издательство «Орбис»). За 5 лет со дня выхода первой книги выпущено уже 15 очерков¹, посвященных деятелям современного чешского театра, прежде всего актерам. В дальнейшем, как обещает редакция, в аналогичных очерках речь будет идти также и о режиссерах, драматургах, театральных художниках — чешских и словацких.

Редакционная коллегия, определяя круг задач серии, заявила, что необходимо «... постичь современную форму чешского сценического искусства, художественный метод его представителей, направление его ближайшего развития. Мы хотим, — писала она, — отразить ... современное искусство актера и режиссера, и, не в последнюю очередь, сообщить зрителям театров и кинотеатров хотя бы самые необходимые сведения о работе тех художников, искусство которых ценит и любит общество»².

¹ A. Adamová. Karel Höger. Praha, 1962; O. Blanda. Vlasta Chramostová. Praha, 1963; O. Blanda. Ladislav Pešek. Praha, 1964; F. Götz. Vlasta Fabianová. Praha, 1963; P. Hořec. Stanislav Neumann. Praha, 1963; A. Urbanová. Vítězslav Vejražka. Praha, 1963; G. Suchařirová. Radovan Lukavský. Praha, 1963; J. Balvín. Martin Růžek. Praha, 1964; J. Černý. Otomar Krejča. Praha, 1964; A. Dvořák. Jindřich Plachta. Praha, 1962; A. Dvořák. Jiří Plachý. Praha, 1964; Z. Heřman. Valter Taub. Praha, 1964; S. Vrba. Július Pántik. Praha, 1964; A. Fuchs. Ladislav Chudík. Praha, 1965; A. Dvořák. Saša Rašilov. Praha, 1965.

² A. Dvořák. Jindřich Plachta. Praha, 1962, s. 3.

Не все авторы в равной степени выполнили поставленные перед ними задачи. Большинство монографий представляют собой своего рода портреты художников; теоретическим проблемам уделено в них недостаточное внимание.

Ряд книг написан по традиционной биографической модели (А. Адамцова «Карел Хёгер», П. Горжец «Станислав Нейман»), в основу других положены этапы творческого развития художников (Г. Сухаржилова «Радован Лукавский»). Различны монографии и по стилю изложения. Одни напоминают популярные брошюры (О. Бланда «Власта Храмостова»), другие требуют от читателя большой специальной подготовки (И. Черны «Отомар Крейча»).

Сознательно расширены рамки очерка жизни и творчества художника в монографии Ф. Гётца «Власта Фибихова»), ценной драматургическим анализом целого ряда чешских и зарубежных пьес. Автор пишет о политической обстановке в стране, о связях чешской культуры с советской, о московских театральных фестивалях.

Несколько другой характер, а именно — характер мемуаров, носят две работы А. Дворжака, посвященные уже умершим актерам: Иржи Плахому и Индржиху Плахте.

Стилем изложения и своеобразием привлекаемого материала выделяется исследование Й. Черного, посвященное Отмару Крейчи, крупнейшему современному чешскому режиссеру и театральному театрологу, который с 1957 года — года постановки «Чудака» Хикмета в Тыловском театре — занимает ведущее положение в театральной чешской жизни. Автор анализирует процесс развития и становления творческого метода Крейчи. его последние новаторские постановки, вызвавшие оживленные дискуссии в широких кругах чешской культурной общественности: «Воляшниц из Страконци» (1958), «Драгомира и ее сыновья» Тыла (1960), «Владельцы ключей» Кундер

(1961) в пражском Национальном театре и несколько постановок самого последнего времени в театре «На забрадлі». Анализ этих постановок дан в тесной связи с работой О. Крейчи как актера, режиссера, публициста.

Серия книг о деятелях современного чешского театра безусловно приносит

большую пользу, знакомя читателей и зрителей с искусством их любимых художников. Кроме того, эти работы служат ценным материалом по истории культуры современной Чехословакии.

Л. Титова

БИБЛИОГРАФИЯ

КНИГИ О СОВРЕМЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАХ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ВЫШЕДШИЕ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ В 1965 г.

1. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. Международные отношения и внешняя политика. Экономическое соревнование двух систем

Алексеев Г. П. Характер современной эпохи и мировой революционный процесс. МГУ, 1965, 34 с.

Бельская М. В. и др. Общие закономерности и разнообразие форм перехода различных стран к социализму. Алмата, 1965, 30 с.

Бовин А. Е. Интернационализм и наша эпоха. «Знание», 1965, 40 с.

Бублий М. З. Общие закономерности и разнообразие форм перехода различных стран к социализму. МГУ, 1965, 29 с.

Бутенко А. П. Мировая социалистическая система — решающий фактор общественного развития. МГУ, 1965, 33 сл.

Дворжак Л. Мировая система социализма и развивающиеся страны. «Мысль», 1965, 143 с.

Ильинский И. П. По пути социалистического развития. М., 1965, 142 с.

Клоков В. И., Демченко В. П. Виникнення світової системи соціалізму і прогрес людства. Київ, 1965, 48 с.

План исследовательских работ по комплексной проблеме «Закономерности развития социализма и перехода к коммунизму на 1964—1965 гг.». М., 1965, 268 с.

Смирнов Ю. П. Ленинский принцип мирного сосуществования. Минск, 1965, 71 с.

Современное международное коммунистическое, рабочее и национально-освободительное движение (Учеб.-метод. пособие). Вып. 2. 1939—1965. «Мысль», 1965, 392 с.

2. Сотрудничество социалистических стран. Экономические связи

Байков В. С. Развитие экономики стран — участниц СЭВ в 1963—1964 годах (Цифры и факты). «Знание», 1965, 63 с.

Белгородский А. М. Мы — интернационалисты (Пролет. интернационализм — основа сотрудничества соц. стран). Л., 1965, 48 с.

Капранов И. А. Дружба в действии (Экон. и техн. сотрудничество СССР с зарубежными странами). «Знание», 1965, 40 с.

Коркунов И. Н., Сергеев В. П. Развитие сотрудничества стран — членов СЭВ. М., 1965, 41 с.

Красноглазов Б. П. Экономическое сотрудничество ГДР с социалистическими странами. Под ред. И. П. Олейника. «Экономика», 1965, 136 с.

Мартынов В. В. Экономическое сотрудничество стран социализма и вопросы статистики. «Статистика», 1965, 96 с.

На вечные времена. Сб. статей. Л., 1965, 279 с.

Прохоров Г. М. Две мировые системы и освободившиеся страны. «Экономика», 1965, 206 с.

Супоницкий С. А. На основе дружбы (Мировая система социализма и прогресс освободившихся стран). «Знание», 1965, 48 с.

Украинская ССР и зарубежные социалистические страны. Киев, 1965, 412 с.

Усенко Е. Т. Формы регулирования социалистического международного разделения труда. М., 1965, 415 с.

Філіпов В. І. Переваги міжнародного соціалістичного поділу праці. Київ, 1965, 153 с.

Экономическая эффективность международного социалистического развития труда (Вопросы методологии). Под ред.

О. Т. Богомолова «Экономика», 1965, 299 с.

Шевяков Ф. Н. Экономическое сотрудничество стран социализма. М., 1965, 40 с.

Ширяев Ю. С., Ладыгин Б. Н. Проблемы совершенствования экономического сотрудничества стран — членов СЭВ. «Экономика», 1965, 104 с.

3. Строительство основ социалистической экономики

Абалкин Л. И. Планомерное развитие и пропорции мирового социалистического хозяйства. «Мысль», 1965, 138 с.

Авдаков Ю. К. Экономическая история социалистических стран (Метод. указания для студентов-заочн. I курса экон. фак. гос. ун-тов). Под ред. Ф. Я. Полянского. МГУ, 1965, 103 с.

Александров А. М. Финансы социализма. «Финансы», 1965, 252 с.

Матеев Е. Г. Международное социалистическое разделение труда и народнохозяйственное планирование. «Экономика», 1965, 93 с.

Народное хозяйство социалистических стран в 1964 году. Сообщ. Стат. упр. «Статистика», 1965, 256 с.

Родионова Е. И. Социальное страхование в социалистических странах. Под ред. Н. А. Виноградова. Вып. 3. М., 1965, 21 с.

Фрей Л. И. Международные расчеты и финансирование внешней торговли социалистических стран. 2-е изд., переработ. и доп. М., 1965, 288 с.

Экономика социалистических стран в цифрах. 1964. «Мысль», 1965, 247 с.

Экономическая наука и хозяйственная практика. Эконом. ежегодник... «Экономика», 1965, 322 с.

4. Государственный строй. Право

Лашин А. Г. Возникновение и развитие форм социалистического государства. МГУ, 1965, 417 с.

Мозохина А. Т. Свобода личности и основные права граждан в социалистических странах Европы. «Наука», 1965, 295 с.

Народный контроль в европейских социалистических странах. Сб. М., 1965, 167 с.

5. Справочники.

Библиографические указатели

Мир социализма в цифрах и фактах (Справочник). Под ред. А. Ф. Кудряшова. Подиздат, 1965, 160 с.

Страны Европы. Рекоменд. указатель лит. Ч. I. Социалистические страны. «Книга», 1965, 92 с.

Экономика стран социализма. 1964. М., 1965, 279 с.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. Работы, посвященные 20-летию Польши, Чехословакии и Югославии

Кириллов К. Н. и др. Дружба, братство, сотрудничество. «Знание», 1965, 80 с.

Матронов П. С. За Злату Прагу. Воениздат, 1965, 108 с.

Никиточкин М. В. Иду Прагой... М., 1965, 115 с.

С Советским Союзом на вечные времена (К 20-летию освобождения Чехословакии). Воронеж, 1965, 26 с.

Сурков Ю. В. Праздник народов Чехословакии. «Знание», 1965, 48 с.

Токарев В. А. Социалистическая Югославия. «Знание», 1965, 40 с.

Чайки над Влтавой. М., 1965, 119 с.

Чехословакия социалистическая. 1945—1965. М., 1965, 302 с.

Югославия вчера и сегодня (1945—1965). Сб. Подгот. газ. «Правда» и югосл. газ. «Комунист». М., 1965, 310 с.

Шенин А. Д. Великая освободительная миссия. К 20-летию освобождения европейских стран от фашизма. Киев, 1965, 48 с.

2. Экономика

Виноградов В. А. Вопросы теории и практики социалистической национализации промышленности. «Наука», 1965, 389 с.

Гайснер Д. А. Нефть и нефтепродукты Югославии. М., 1965, 36 с.

Капустин С. К. Морской транспорт Югославии. М., 1965, 11 с.

Петровский В. В. Развитие линейного грузового судоходства Польши. М., 1965. 31 с.

3. Право

Спасов Б. П. Система народного представительства в Народной Республике Болгарии (Предисл. В. Ф. Котока). «Наука», 1965, 91 с.

4. История, археология и этнография

Аверкиев Ю. П., Соколова В. К. VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук (3—10 авг. 1964 г.). «Знание», 1965, 32 с.

Австро-Венгрия и славяно-германские отношения. Сб. статей. «Наука», 1965, 283 с.

Баік Л. Г., Мітюров Б. Н. Стан народної освіти, школи і педагогічної

думки на західноукраїнських землях в період панування Австро-Угорської монархії (Лекції з курсу історії педагогіки для студентів-заочників інституту). Дрогобич, 1965, 59 с.

Б а ч и н с к и й А. Д., Д ы х а н М. Д. Дай руку, другар! (Предисл. проф. П. Митева). Одесса, 1965, 128 с.

Благодарные народы — воинам-освободителям. Сб. Воениздат, 1965, 149 с.

Будапешт — Вена — Прага. 4 апр. 1945 г., 13 апр. 1945 г., 9 мая 1945 г. Историко-мемуарный труд. Под общ. ред. Р. Я. Малиновского. «Наука», 1965, 382 с.

Восстание в Литве и Белоруссии 1863—1864 гг. «Наука», 1965, LIII, 586 с.

Г а н е в и ч И. В. Историография и источниковедение национально-освободительной и классовой борьбы болгарского народа в период второй мировой войны (Конспект лекций по спецкурсу в помощь изучающим историю славян). Одесса, 1965, 83 с.

Г у л и е в А. Н. И. П. Вацек в революционном движении в Баку. Баку, 1965, 165 с.

Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 3. Апр. 1920 — март 1921. «Наука», 1965, 607 с.

За освобождение Чехословакии. Под ред. Маршала Советского Союза И. С. Конева. Воениздат, 1965, 388 с.

Интернационалисты в боях за власть Советов. Сб. статей. Под ред. М. А. Бирмана и др. «Мысль», 1965, 398 с.

К л е в а н с к и й А. Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословац. полит. организации и воинские формирования в России. 1914—1921 гг. «Наука», 1965, 395 с.

К о п и л о в А. О. Початок боротьби Болгарської Робітничої партії за створення Вітчизняного фронту. Кам'янець-Подільський, 1965, 30 с.

К о р н и л о в В. Под звездами балканскими. Рассказы о Болгарии. Грозный, 1965, 51 с.

К о с а ч е в с к а я Е. М. Восточная Галиция накануне и в период революции 1848 г. Изд-во Львов. ун-та, 1965, 151 с.

Л у г о в о й Н. Д. Побратимы. Партизанская быль. Симферополь, 1965, 478 с.

М а н у с е в и ч А. Я. Польские интернационалисты в борьбе за победу Советской власти в России. Февр.— окт. 1917 г. «Наука», 1965, 412 с.

М е щ е р ю к И. Переселение болгар в Южную Бессарабию. 1828—1834 гг. (Из истории развития русско-болгар. дружеских связей). Кишинев, 1965, 208 с.

М и л л е р И. С. Исследования по истории польской общественной мысли конца XVIII—XIX веков и русско-польских революционных связей 60-х годов XIX века. Автореферат на соиск. ученой степени д-ра ист. наук. М., 1965, 51 с.

От Карпат до Нормандии. Люди интер-

национального долга. Сб. Харьков, 1965, 156 с.

Очерки истории Народной Польши. «Наука», 1965.

П е т е р с М. А. Чехословацко-советские отношения (1918—1934). Киев, 1965, 346 с.

С е м и р я г а М. И. Антифашистские народные восстания. «Наука», 1965, 267 с.

С л а в и н Г. М. Освободительная война в Югославии (1941—1945 гг.). «Наука», 1965, 152 с.

Славянское источниковедение. Сб. статей и материалов. «Наука», 1965, 323 с.

Тезисы докладов и сообщений Восьмой (Московской) сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (сент. 1965). МГУ, 1965, 209 с.

Тезисы докладов Советской делегации на Международном конгрессе славянской археологии (сент. 1965). «Наука», 1965, 66 с.

Ц и н ц а д з е Я. З. Материалы к истории польско-грузинских взаимоотношений XV—XVII вв. Тбилиси, 1965, 116 с.

Ш у л ь г а И. Г. Соціально-економічні відносини і класова боротьба на Закарпатті в кінці XVIII — першій половині XIX ст. Изд-во Львів. ун-та, 1965, 266 с.

5. К у л ь т у р а

Б е р н ш т е й н И. А. Литература социалистической Чехословакии. Споры. Искания. Решения. «Советский писатель», 1965, 247 с.

Б і л о д і д І. К. Вук Караджич в історії українсько-сербських наукових зв'язків. Київ, 1965, 48 с.

Бранислав Нушич. Библиогр. указатель. «Книга», 1965, 102 с.

Б э л з а И. Ф. Михал Клеофас Огиньский. «Музыка», 1965, 133 с.

В э д і н а В. П. Польська пролетарська проза міжвоєнного двадцятиліття (1918—1939). До питання становлення методу. Київ, 1965, 219 с.

В о е й к о в а И. Н. Изобразительное искусство Болгарии. «Знание», 1965, 26 с. Данте и славяне. Сб. статей. Под общ. ред. И. Бэлзы. «Наука», 1965, 271 с.

З а т о н с к и й Д. В. Франц Кафка и проблемы модернизма. «Высшая школа», 1965, 115 с.

Интонация и музыкальный образ. Статьи и исследования музыковедов Советского Союза и других соц. стран. Под общ. ред. Б. М. Ярустовского. «Музыка», 1965, 355 с.

История зарубежной музыки (Учебник для консерваторий). 2-е доп. изд. Вып. 3. Германия, Австрия, Италия, Франция, Польша с 1789 года до середины XIX века. «Музыка», 1965, 527 с.

К и р ч і в Р. Ф. Українка в польських альманахах доби романтизму. Київ, 1965, 129 с.

Книпович Е. Ф. Сила правды. Лит.-крит. статьи. «Советский писатель», 1965, 356 с.

Комаров С. В. История зарубежного кино (Учеб. пособие. Изд. 2-е, доп. и расшир.). Т. I. Немое кино. «Искусство», 1964, 416 с.

Критический реализм в литературах западных и южных славян. Сб. статей. «Наука», 1965, 340 с.

Марксистско-ленинская философия и социология в СССР и европейских социалистических странах. Ист.-философ. очерки. «Наука», 1965, 550 с.

Мытарева К. И. Т. Трепковский (1914—1954). «Искусство», 1965, 30 с.

Национальные традиции и генезис социалистического реализма (в литературах стран народной демократии). Сб. статей. «Наука», 1965, 670 с.

Островский Г. С. Ян Матейко. Моногр. очерк. «Искусство», 1965, 127 с.

Программа по истории польской литературы (для филологического отделения филологического факультета Московского ун-та). М., 1965, 48 с.

Пути реализма в литературах стран народной демократии (20—30-е годы). Венгрия, Польша, Румыния, Чехословакия, Югославия. Сб. статей. «Наука», 1965, 256 с.

Путилов Б. Н. Славянская историческая баллада. «Наука», 1965, 176 с.

Славянский фольклор и историческая действительность. Сб. статей. «Наука», 1965, 327 с.

Слов'янське літературознавство і фольклористика. Респ. міжвідомчий збірник. Вип. I Київ, 1965, 220 с.

Соболев Р. П. Ежи Кавалерович. Фильмы, стиль, метод. «Искусство», 1965, 191 с.

Тананаева Л. И. Тадеуш Кулисевиц. «Искусство», 1965, 25 с.

Хорев В. А. Владислав Броневский (1897—1962). Очерк жизни и творчества. «Высшая школа», 1965, 80 с.

Химич Ю. И. Архитектура народов Советского Союза VI—XVIII ст. Архитектура Польши XVI—XVIII ст. Каталог. Новгород, 1965, 8 с.

Черненко М. М. Авджей Вайда. «Искусство», 1965, 148 с.

Чеслав Жепинский. Выставка произведений. Каталог. «Советский художник», 1965, 12 с.

Шевчук В. И. Ярослав Гашек. Життя і творчість. Київ, 1965, 236 с.

Шерлаимова С. А. Иржи Волькер и новые пути чешской поэзии XX в. «Высшая школа», 1965, 91 с.

Югославское изобразительное искусство в годы национально-освободительной войны 1941—1945 гг. Выставка. Москва, 1965. Графика. Каталог (Предисл. Н. Шунцы). «Советский художник», 1965, 57 с.

6. Языкознание

Брицын М. А. Из истории восточно-славянской лексики. Киев. 1965, 160 с.

Вопросник Общеславянского лингвистического атласа. «Наука», 1965, 270 с.

З історії української та інших слов'янських мов. 36 статей. Київ, 1965, 211 с.

История славянских литературных языков. Сб. статей. «Наука», 1965, 104 с.

Иванов В. В. Общеславянская пра-славянская и анатолийская языковые системы (Сравнит.-типол. очерки). «Наука», 1965, 298 с.

Иванов В. В., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период). «Наука», 1965, 246 с.

Общеславянский лингвистический атлас (Материалы и исследования). «Наука», 1965, 172 с.

Скупский Б. И. Старославянский язык. Ч. I. Махачкала, 1965, 350 с.

Цивьян Т. В. Имя существительное в балканских языках. К структурно-типологической характеристике балканского языкового союза. «Наука», 1965, 195 с.

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ В 1965 г. (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

I. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. Международные отношения, взаимоотношения братских стран и партий, внешняя политика

Бродский Ст. Общность взглядов (К итогам переговоров руководителей Польши и Югославии в Белграде). — «Новое время», 1965, № 49, стр. 16—17.

Давид В. Всегда вместе (К годовщине подписания чехословацко-советского договора о дружбе, взаимной помощи

и послевоенном содружестве от 12 декабря 1943 г.). — «Правда», 1965, 12 декабря.

«Интернациональный долг коммунистов всех стран». Передовая. — «Правда», 1965, 28 ноября.

«Линия, проверенная жизнью». К пятилетию Совещания представителей коммунистических и рабочих партий 1960 года. — «Правда», 1965, 12 декабря.

2. Экономика, экономическое сотрудничество

Богомолов О. Обмен опытом — важный фактор экономического развития

(соц. стран).— «Коммунист», 1965, № 16, стр. 103—113.

Бутаков Д. Новое в финансировании промышленности Польши.— «Финансы СССР», 1965, № 11, стр. 81—85.

Виноградов К. К. Развитие машиностроения стран — членов Совета Экономической Взаимопомощи в 1964 г.— «Вестник машиностроения», 1965, № 10, стр. 70—72.

Волков Н. По пути социализма. К годовщине установления народной власти в Югославии.— «Внешняя торговля», 1965, № 11, стр. 29—31.

Зевин Л., Тягуненко Л. Югославия и развивающиеся страны (об эконом. сотрудничестве).— «Международная жизнь», 1965, № 11, стр. 143—145.

Ладыгин Б., Терехов В. СЭВ: межгосударственная специализация и кооперирование производства.— «Мировая экономика и международные отношения», 1965, № 11, стр. 14—26.

Лайкин М. Система премирования на предприятиях в некоторых европейских социалистических странах.— «Социалистический труд», 1965, № 10, стр. 127—135.

Либерман Г. Сотрудничество и темпы развития (О деятельности СЭВ).— «Наука и техника», 1965, № 11, стр. 6—8.

Литовка О. П. Польское Поморье как формирующийся экономический район и особенности его развития.— «Вестник Ленинградского университета», 1965, № 18. Серия геология и география, вып. 3, стр. 107—111.

Минич Д. Аэротранспорт Югославии.— «Гражданская авиация», 1965, № 11, стр. 30.

Мошина З. Личная материальная заинтересованность и новая система управления народным хозяйством ЧССР.— «Социалистический труд», 1965, № 10, стр. 120—126.

Нижняня С. Электроэнергетика в народном хозяйстве европейских социалистических стран.— «Научные доклады высшей школы», Экономические науки, 1965, № 6, стр. 23—31.

Никофоров Л. А. Промышленное развитие социалистической Югославии.— «Вопросы истории», 1965, № 11, стр. 43—53.

Папазов Г. Вехи большого пути (О развитии стандартизации в НРБ).— «Стандартизация», 1965, № 9, стр. 44, 46—47.

Радиев И. Уголь Болгарии.— «Советский шахтер», 1965, № 11, стр. 44—45.

Стшелецкий Р. Творческая инициатива строителей социализма (Об экономическом развитии Польши).— «Правда», 1965, 3 ноября.

Суляева Л. Система расчетов стран — членов СЭВ на мировом социалистическом рынке.— «Научные доклады высшей школы», Экономические науки, 1965, № 6, стр. 67—77.

Титов Н., Гарбар М. Химическая промышленность в странах СЭВ.— «Международная жизнь», 1965, № 11, стр. 140—143.

Штайнгаузер Й. Вопросы эффективности концентрации производства (По машиностроительной промышленности Чехословакии).— «Научные доклады высшей школы», Экономические науки, 1965, № 6, стр. 32—38.

3. Партийная жизнь

Ауэрсперг П. Большие перспективы (Об идеологической работе в КПЧ).— «Правда», 1965 г., 23 декабря.

Бабюх Э. Авангард рабочего класса и польского народа (О ПОРП).— «Партийная жизнь», 1965, № 21, стр. 66—72.

Кощелек С. Т. На передовой линии (О руководстве экономикой польской столицы со стороны Варшавского и районных комитетов ПОРП).— «Правда», 1965, 17 ноября.

Севьян Д. А. Коммунистическая партия во главе народно-освободительной борьбы и народной революции в Югославии.— «Новая и новейшая история», 1965, № 6, стр. 37—50.

Стоянова С. Всегда с народом (О партийном строительстве в БКП).— «Правда», 1965, 19 октября.

Стрнадова М. На земле словацкой (О деят. профсоюзной орг. комбината «Словнафта»).— «Советские профсоюзы», 1965, № 22, стр. 42.

4. Государственное строительство и право

Зажичкий Я. Варшава вчера, сегодня и завтра (О совершенствовании форм управления).— «Советы депутатов трудящихся», 1965, № 11, стр. 102—106.

Старосьцк Е. Актуальные вопросы польской науки административного права.— «Вестник Московского университета», Серия X, Право, 1965, № 2, стр. 74—78.

Топчиев И. Пенсии — всем труженикам. (О пенсионном обеспечении в ЧССР).— «Социальное обеспечение», 1965, № 10, стр. 61—63.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. История

Гулин В. Национальный праздник Югославии (К 20-летию СФРЮ).— «Коммунист Узбекистана», 1965, № 11, стр. 90—92.

Карасев В. Национальный праздник народов Югославии.— «Коммунист», 1965, № 17, стр. 99—106.

Котляр Н. Ф. К вопросу о правовом положении Львовского монетного двора в XIV—XV столетиях.— «Нумизматика и сфрагистика», Киев, вып. 2, 1965, стр. 113—120.

Поглубко К. А. Из истории русско-болгарских революционных связей конца 60-х годов XIX в.— «Известия АН Молдавской ССР», 1965, № 1, стр. 20—30.

Славик В. Двадцать років з дня визволення Радянською Армією Чехословаччини.— «Український історичний журнал», 1965, № 5, стр. 72—86.

Смирнова Г. И., Бернякович К. В. Происхождение и хронология памятников куптановицкого типа Закарпатья (по поводу некоторых работ венгерских и чешских археологов).— «Археологический сборник» (Гос. Эрмитаж), Вып. 7, 1965, стр. 89—115.

Соболева Н. А. Клад пражских грошей из с. Чайки Киевской области.— «Нумизматика и сфрагистика», Киев, вып. 2, 1965, стр. 206—210.

Тилля С. Страна роз. К 21-й годовщине Народной Болгарии.— «Звезда Востока», 1965, № 9, стр. 120—124.

Трофимова И. Рождение республики (О провозглашении республики в Югославии).— «Новое время», 1965, № 48, стр. 6—7.

Хавлюк П. И. О технологии изготовления раннеславянской керамики.— «Археологический сборник» (Гос. Эрмитаж), вып. 7, 1965, стр. 37—41.

Шейн Р. В. Медали Чехословацкой республики, связанные с историей Украины.— «Нумизматика и сфрагистика», Киев, вып. 2, 1965, стр. 162—167.

2. Культура

Аврамова Б. Дошкольное воспитание в Народной Республике Болгарии.— «Дошкольное воспитание», 1965, № 10, стр. 84—86.

Анкета журнала «Вопросы литературы»: Л. М. Бартельский (Польша); М. Вади (Венгрия); И. Волен (Болгария); Г. Гараи (Венгрия); В. Жукровский (Польша); Я. Ивашкевич (Польша); А. Инголич (Югославия); М. Исаев (Болгария); Э. Кош (Югославия); Л. Кракер (Югославия); И. Кршиж (Чехословакия); Г. Марков (СССР); Д. Милу (Румыния); С. Михалич (Югославия); В. Петров (Болгария); Б. Полевой (СССР); Т. Ружевиц (Польша); М. Селимович (Югославия); А. Сурков (СССР); Л. Тяжкий (Чехословакия); Т. Утан (Румыния); Г. Хольц-Баумерт (ГДР); Н. Цик (Румыния); Й. Шимон (Венгрия); И. Шотола (Чехословакия); Э. Штритматтер (ГДР).— «Вопросы литературы», 1965, № 12, стр. 120—164.

Бершадская М. Л. Графы Цельские в словенской исторической драматургии 20—30-х годов XX века.— «Вестник Ленинградского университета», 1965, № 20. Серия истории, языка и литературы, вып. 4, стр. 84—94.

Бэлла С. И. Два романа о словацком восстании («Смерть зовется Энгель-

хен» Л. Мнячко и «Мертвые не поют» Р. Яшика).— «Вестник Московского университета», серия VII, Филология, журналистика, 1965, № 5, стр. 33—45.

Виноградова Е. Чешский художник Ян Рамбоусек.— «Иностранная литература», 1965, № 11, стр. 241—247.

Гаек И. Литература факта (О совр. чехословацкой литературе).— «Вопросы литературы», 1965, № 12, стр. 100—110.

Генов К. Болгарские партизаны и творчество Михаила Шолохова.— «Вопросы литературы», 1965, № 11, стр. 252—253.

Дравич А. Дом, в котором мы живем (Заметки о польской прозе последних лет).— «Вопросы литературы», 1965, № 12, стр. 51—63.

Духин Л. Х., Шевченко З. А. Подготовка медицинских сестер в Польской Народной Республике.— «Медицинская сестра», 1965, № 10, стр. 52—56.

Каранфилов Е. В порыве к будущему (Заметки о современной болгарской поэзии).— «Вопросы литературы», 1965, № 12, стр. 12—21.

Кремнев П. Система образования в социалистической Югославии.— «Народное образование», 1965, № 11, стр. 104—108.

Крюкова И. У художников Болгарии.— «Декоративное искусство СССР», 1965, № 9, стр. 26—27.

Курдюмова Е., Беркович М. В стране друзей (Путевые заметки о ЧССР).— «Донбасс», № 5, стр. 77—83.

Липатов А. В. Творческие связи И. Красицкого с журналистикой и романом европейского просвещения.— «Вестник Московского университета», серия VII, Филология, журналистика, 1965, № 4, стр. 30—42.

Маклярский М. «Покушение» (Чехосл. худож. фильм).— «Искусство кино», 1965, № 10, стр. 96—99.

Матушевский Р. Доброе дело поэта.— «Вопросы литературы», 1965, № 12, стр. 64—76.

Немировский Е. А. Книга Чехословакии в Москве (По матер. выставки. Июнь 1965 г.)— «Полиграфия», 1965, № 10, стр. 37—41.

Поступальский И. И. Гришапиви в Польше.— «Литературная Грузия», 1965, № 11, стр. 65—67.

Рубанова И. «Осмотр на месте» (Польск. докум. фильм).— «Искусство кино», 1965, № 11, стр. 92—93.

Огнев В. «Слеза на лице» (Югосл. худож. фильм).— «Искусство кино», 1965, № 11, стр. 97—98.

Огун Л. Беседа с руковод. Нового балета Праги.— «Советская эстрада и цирк», 1965, № 11, стр. 26.

Славский Р. Лукавые тувельки и хищные чемоданы. (К гастролям пражского Черного театра в Москве).— «Советская эстрада и цирк», 1965, № 11 стр. 24.

Файнгерлинг Д. М. Творчество Яна Отченашека.— «Ученые записки Калининского пединститута», т. 43, 1965, стр. 147—180.

Флакер А. Творчество Михаила Шолохова в Югославии.— «Научные записки высшей школы», Филологические науки, 1965, № 4, стр. 16—19.

Хлопьянкина Т. «Прометей с острова Ишевице» (Югосл. худож. фильм) — «Искусство кино», 1965, № 10, стр. 104—106.

Шидловский Р. Художник-мыслитель (О творчестве польского драматурга Л. Кручковского).— «Театр», 1965, № 11, стр. 139—151.

Штолл Л. «Коммунизм — ведущая идея будущего» (О жизни и творчестве Зд. Нееды).— «Иностранная литература», 1965, № 11, стр. 205—210.

Юркович М. Пути, опыт, горизонты (О современной югославской литературе).— «Вопросы литературы», 1965, № 12, стр. 111—119.

Янковский Я. О деятельности чехословацкого института технической и экономической информации.— «Научно-техническая информация» (ВИНИТИ), 1965, № 8, стр. 45—46.

3. Языкознание

Андел В. П., Моторный В. А., Трофимович К. К. Неопубликованная рукопись чешка грамота з XV ст.— Вісник Львівського ун-ту. Серія філол., вип. 3, 1965, с. 52—55.

Бернштейн С. Б. Памяти В. И. Григоровича (к 150-летию со дня рождения).— Известия Академии наук СССР, Серия литературы и языка, т. XXIV, вып. 4, 1965, стр. 359—362.

Веренич В. Л. Польские говоры на территории СССР и задачи их изучения.— В кн.: «Пытання мовознаўства і методыкі выкладання моў. Мінск, 1965, стр. 193—209.

Герд А. С., Мещерский Н. А. Вопросы этно- и глоттогенеза славян в работах советских языковедов за последние годы.— «Вестник Ленинградского ун-та», 1965, № 20, Серия истории, языка и литературы, вып. 4, стр. 104—115.

Дмитриев П. А. «Употребление союзных слов (союзов) и значения определительных придаточных.— В сб.: «Очерки по словообразованию и словоупотреблению». Л., 1965, стр. 37—43.

Захаревич Е. А. Суффиксация и субстантивация при образовании лица в болгарском языке.— В сб.: «Очерки по словообразованию и словоупотреблению». Л., 1965, стр. 44—59.

Зенчук В. Н. Употребление *ни* в отрицательных предложениях сербо-хор-

ватского языка (сравнительно с русским языком).— В сб.: «Очерки по словообразованию и словоупотреблению». Л., 1965, стр. 60—69.

Золотова В. С. Отглагольные существительные со значением лица в современном польском языке.— В сб.: «Очерки по словообразованию и словоупотреблению», Л., 1965, стр. 70—79.

Моисеев А. И. К сопоставительному изучению славянских языков (Словоупотребление личных существительных в русском, польском и болгарском языках).— В сб.: «Очерки по словообразованию и словоупотреблению». Л., 1965, стр. 87—105.

Муталимова М. Временные значения причастий (На материале Маринского евангелия).— В кн.: Исследования по русскому языку. Минск, 1965, стр. 154—180.

Откупщиков Ю. В. Из истории словообразования в славянских языках.— В сб.: «Очерки по словообразованию и словоупотреблению». Л., 1965, стр. 106—114.

Сигеда П. И. Граница слога в сербо-хорватском языке (На материале сушачского говора).— В кн.: Пытання мовознаўства і методыкі выкладання моў. Мінск, 1965, стр. 20—28.

Сокаль Н. И. Особенности семантики личных глаголов в безличном употреблении (в сербо-хорватском языке).— В сб.: «Очерки по словообразованию и словоупотреблению». Л., 1965, стр. 115—121.

Талицкая Е. Е. Из истории чешского слова *dilo*.— В сб.: «Очерки по словообразованию и словоупотреблению». Л., 1965, стр. 122—131.

Тихомиров Н. Б. Каталог русских и славянских пергаменных рукописей XI—XII веков, хранящихся в отделе рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина. Ч. 2 (XII век).— В кн.: «Записки отдела рукописей» (Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина). Вып. 27. М., 1965, стр. 93—148.

Трофимкина О. И. Краткий обзор истории сербо-хорватской лексикографии.— В сб.: «Очерки по словообразованию и словоупотреблению». Л., 1965, стр. 132—158.

Хаззагеров Т. Г. Акцентуация форм *Dativus pluralis* в общеславянском языке.— В кн.: Материалы шестой научной конференции аспирантов (Ростов н/Д, гос. ун-т). Серия гуман. наук, 1965, стр. 94—96.

Широкова Н. А. Синтаксические конструкции, выражающие сравнение, в памятниках старославянского языка.— «Ученые записки Казанского гос. ун-та», 1965, т. 125, кн. 4. Вопросы синтаксиса русского языка, стр. 297—309.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«Исторически преглед», 1965, № 5

И. Николов. Союз пролетарских атеистов. (14 X 1931 — 19 V 1934); Ф. Г. Милкова. Развитие и характер османского земельного законодательства (1839—1878); И. Митев. О деятельности болгарской студенческой коммунистической группы в Праге после Сентябрьского восстания 1923; Н. Я. Девков. Левский в «одном тайном доме»; В. Антонова. О происхождении античных находок в средневековой Плиске; И. Романченко и Д. Заславский (СССР). Михайло Петрович Драгоманов.

№ 6

Проф. Александр Колев Бурмов и его научная деятельность; Д. Косев. XII Международный конгресс в Вене и участие болгарских историков в его работе; Г. Д. Тодоров. К дипломатической истории воссоединения Болгарии в 1885; Д. Ангелов. К некоторым аспектам вопроса о крещении болгар; Ст. Димитрова. Борьба БКП с ревизией марксистского учения о диктатуре пролетариата широкими социалистами (1917—1924); С. Дамьянов. Французская дипломатия и воссоединение в 1885; Бр. Джорджевич. Источники и публикации о влиянии Октябрьской революции в Югославии.

«Литературна мисъл», 1965, № 5

Д. Талев. Смелый судья, толкователь, открыватель ...; С. Минков. О смелости критики; А. Гуляшкин. Меньше старого вкуса! А. Каменов. Один из вопросов; С. Северняк. За или против ...; Г. Димов. Литературная критика в Болгарии в 80-х годах XIX века; С. Таринская. Фельетоны Х. Ботева в газете «Будильник»; Д. Аврамов. Натуралистическая эстетика во Франции; Молодость и зрелость критика (Г. Цанева); Е. Димитрова. Мои воспоминания о Николе Лилиеве; Г. Жечев. «Прокрустово ложе»; Г. Савов. Интерес к болгарам у словенцев; И. Мартинов. Газета «РЛФ» (Работнически литературен фронт).

№ 6

Г. Джагаров. Критик — мой добрый друг; Э. Манов. За более высокий авторитет литературной критики; И. Радичков. О литературной критике или литературном критике? К. Зидаров. Диалог о критике; Ст. Ц. Даскалов. Критический монолог; Ч. Добрев. О самобытности современной бол-

гарской драматургии; К. Куюмджиев. Коммунисты в творчестве Димитра Димова; Б. Ничев. Петко Тодоров и другие; К. Генев. Ростки романтизма в «Истории славяноболгарской» Паисия (Хилендарского); Б. Ст. Ангелов. Вопросы художественности, поэтики и литературной теории в древней болгарской литературе; Н. Дончев. Воспоминания об Эммануиле Попдимитрове; В. Бояджиева. Театральные вечера; В. Смоховска-Петрова. Переводческое искусство соединяет народы; В. Колевский. Советская литература в газете «Фронт трудовых борческих писателей».

«Език и литература», 1965, № 5

Н. Калениченко. Романтическое в реализме; С. Иванчев. О характере противопоставления аорист: имперфект в славянских языках; С. Русакиев. Творческий путь Сергея Есенина; Д. Розенталь. Принцип экономии в использовании грамматических средств в современном русском языке; В. Велчев. К вопросу о болгарско-русских литературных взаимоотношениях: Лермонтов и Яворов; Е. Даскалова. Александр Блок и Младен Исаев.

№ 6

Б. Ангелов. К истории славянского песенного творчества в XVIII в.; М. Москов. Славянские соответствия одному болгарскому слову. А. Людсканов. Первый машинный перевод, осуществленный в Болгарии; С. Лавров. Михаил Коцюбинский и Евгения Линева.

«Kwartalnik historyczny», 1965, № 4

И. Петшак-Павловска. Домбровский бассейн и Луарский округ; А. Тыменецкая. Раскол в ППС в 1928 г.; Четыре века Ягеллонского университета 1364—1764 гг.; Б. Кюрбисувна. Павел Ясеница о летописцах средневековой Польши. Заметки о популяризации исторической науки; Я. Журавская. О варшавском декадансе; К. Гроневский. Вопросы исторической публицистики; М. Дроздовский, Я. Жарновский. О роли ППС в формировании Второй Речи Посполитой; Е. Н. Гуменюк. Незвестная рукопись Тадеуша Костюшко; С. Калемба. Руководители и члены Польского Демократического Общества и дополнения к библиографическому указателю; З. Вуйцик. Опричнина в новейших публикациях; С. Сальмоневич. Вокруг Бабефа.

«Z pola walki», 1965, № 4

Х. В а й н. Политические заключенные в Польше в 1918—1939 гг.; Х. Т р у д а. Некоторые проблемы международного коммунистического движения в период между IV и V Конгрессами Коммунистического Интернационала (1922—1924); М. М а л и н о в с к и й. Инициативная группа ПИПР; Э. К у ш к о. Традиции рабочего движения и национальный вопрос; Б. В р у б л е в с к а я. Из деятельности Ю. Мархлевского в период первой мировой войны; Р. Л ю б о у з е ц к а я, В. Л. М р о ч к о в с к и й. Ян Либкинд (Келецкий); Политическая корреспонденция Марии Кошутской (Веры Костлевы), ч. III — подготовил к печати М. Дэнель; З. Зысман. Воспоминания о И. Юзефовиче; Неизвестный документ из истории польско-советских отношений (Подготовил к печати А. Заторский); Из истории партизанских боев в Подгале (Подготовил к печати Э. Марк).

«Slavia orientalis», 1965, № 3

П. З в о л и н с к и й. Тадеуш Лер-Сплавинский как исследователь западно- и восточнославянских языков; Д. Л и х а ч е в. Сравнения в русской средневековой литературе; А. П о п п е. Хронология произведений Несгора агнографа; Ю. К ш и ж а н о в с к и й. Молдавская повесть Петра Цеклинского; А. Р о г о в. Мацей Стрыйковский и украинская историография XVII в.; Р. Л у ж н ы. Феодан Прокопович и польская литература. М. Л е с ю в. Фонетические особенности украинского письменного языка XII — начала XVIII в.; Е. Р и г е р. Название реки Танев.

«Język polski», 1965, № 5

С. Р о с п о н д. Из исследований прошлого литературного польского языка. Великопольские лексические диалектизмы в польском языке; М. К а р а с ь. О словаре польских говоров; А. З а р е м б а. По поводу Словаря польских говоров; Ф. Б и з о н ь. Силезское *zamkinać* — *zamykać*.

«Die Welt der Slaven», 1965, № 2

М. Б р а у н. Творческое достижение Вука Караджича; П. Р е н д е р. О времени дьяка Ивана Тимофеева; Г. К ь е м с а. Русский альбом первой трети XIX века. Н. В. И н г а м. Чешская агнография в Киеве («Житие Бориса и Глеба»); К. К о с о в. Еще раз к вопросу об объектах в сочетании *есть* + инфинитив в славянских языках. В. Ш а м ш у л а. Дурих в Мюнхене.

«Československý časopis historický», 1965, № 6

Я. К р ш е н. Деятельность доктора Бенеша во время войны; Й. К о р ж а л к а. Международное значение чешского рабочего движения в период между I и II Интернационалом; Й. Г а у б е л т. Ломоносов ли?

«Historický časopis», 1965, № 4

В. П л е в д а. К некоторым вопросам развития Коммунистического движения в домюнхенской Чехословацкой республике; Й. Б у т в и н. Мартин Гамулак и основные проблемы словацкого национального возрождения; Л. Т и л к о в с к и. Мадыризаторские тенденции в политике просвещения во время оккупации южной Словакии хортистской Венгрией в 1938—1944 гг.; Б. В а р с и к. Проблемы заселения Восточной Словакии.

«Příspěvky k dějinám KČS», 1965, № 6

М. Л ь в о в а. Проблема двух линий в чехословацкой буржуазной политике в период с 19 по 22 сентября 1938 г.; М. Р е й м а н. К вопросу о подготовке октябрьского вооруженного восстания в Петрограде в 1917 г.; М. К л и р. Д-р Богумир Шмераль.

«Slovánský přehled», 1965, № 4

А. О р т. Концепция внешней политики де Голля в отношении социалистических стран; М. Г а д. Великобритания и социалистические страны; К. К р а т к и й. Концепция политики США по отношению к социалистическим странам; А. М ю л л е р. «Восточная политика» германского империализма; Л. Д е а к. Визит президента Бенеша в Югославию в 1937 г.; Б. В и н к и е р. Реабилитация советских военачальников; Е. Т о м а ш е в с к и й. Причины стагнации польской экономики в 1918—1933 гг.; Б. З а с т е р о в а. Любор Нидерле (1865—1965); И. К о л е й к а. К дискуссии о задачах «исторической слаистики».

№ 5

В. К о т ы к. Некоторые аспекты единства социалистических стран в современный период; А. Д е б р ы. Экономика социалистических стран сегодня — проблемы и перспективы; М. Ш в а н к м а й е р. Петр I и его эпоха; К. М а р т и н е к. Источники русского театрального модернизма; В. П р о х а з к а. Историческое славяноведение и вопросы истории государства и права; Ж. А в р а м о в с к и й. Югославское правительство и проекты преобразования Малой Антанты в универсальный оборонительный пакт; Ч. А м о р т. Документы Черного озера.

№ 6

З. Сладек. Русское чудо; К. Герман. На пути к революции 1905 г.; М. Гюбл. Нечаев и так называемый казарменный коммунизм; О. Новы. Советский и мировой авангардизм между двумя войнами; Й. Мацурек. Роль славян и Восточной Европы во всемирной истории; В. Котык. К историографии второй мировой войны.

«Česká literatura», 1965, № 4

И. Опелик. Иван Ольбрахт; Й. Грабак. Из светской поэзии XVII века; М. Янкович. К пониманию «семантического жеста»; М. Грыгар. Реализм как проблема научная и художественная (размышления над книгой Роже Гароди «Реализм без берегов»); С. Шматлак. Несколько слов вместо рецензии (И. Брабец. Поэзия на перепутье времен); Л. Новак. Об истории чешской теории искусства.

№ 5

В. Достал. Литература очищающая и литература чистилища; В. Юсти. «Триумф смерти» Владимира Галана; Э. Чаплевиц. Математическая поэтика и изучение поэзии; О. Халупка. Об основных принципах приключенческой литературы; И. Левый. Еще раз о чешской народной поэзии и подражании ей.

№ 6

М. Благинка. Драма Незвала (1920—1932); З. Трохова. К проблематике чешской прозы 90-х годов; И. Опелик. Quo vadit, lector et autor? М. Отруба. Накануне двадцатой годовщины чешского литературоведения; М. Томчик. Людвиг Штур в истории словацкого литературоведения; А. Заводский. Переписка Иржи Волькера и Карла Тейче.

«Slavia», 1965, № 4

П. Гард. К теории русского ударения; Г. Шустер-Шевц. О диалектической основе библии Якубицы (1548 г.) И. Погачник. Линия развития современной словенской литературы; М. Черна. Сербский и хорватский «модернизм».

«Slovenská literatura», 1965, № 6

А. Маркуш. Критика и спиритуализм (К проблемам словацкой критики 30-х гг.); М. Дзубахова. Эстетические импульсы классического фольклора и современная словацкая поэзия; А. Флакер. Некоторые тенденции современного хорватского литературоведения; М. Гафрик. Полемика Роя с Ваянским; А. Костольный. Начальный период драматического творчества Й. Г. Тайовского.

«Slovenská reč», 1965, № 6

К. Палкович. Утибог Зох как языковед; Й. Младек. О языковых средствах и их стилистическом употреблении; В. Углар. Зámok; Л. Двонч. Названия типа «Povstanie», «Matica», «Akademias».

«Izraz», 1965, № 10

И. Андрич. О словах; М. Бегич. Иован Скерлич как человек и писатель. Ж. Дамьянович. Идея феноменологической эстетики. З. Мркоич. Поэты на пороге космоса; Б. Штих. Орывок; Э. Секви. Разговоры в Опати; М. Капор. Кто боится Зуки Джумхура; М. Лончар. Путешествия Августа Цесарца в его прозе.

№ 11

Р. Вучкович. Удел критика; М. Джурич. Александрийская поэзия; З. Глушчевич. Романтическая сублимация (Фантазия на темы Гофмана); М. Главрутич. Сальвадор Дали; Б. Тирканич. Обоожествление предмета.

КОНГРЕСС АРХЕОЛОГОВ-СЛАВИСТОВ В ВАРШАВЕ

1

Последние два десятилетия ознаменовались большими успехами в области славянской археологии, особенно в изучении истории культуры древнейших славянских государств в период раннего средневековья. Во всех славянских странах — Болгарии, Польше, СССР (Белоруссия, РСФСР, Украина), Чехословакии и Югославии — в результате археологических раскопок получено огромное количество фактических данных, нередко совсем по-новому освещающих печальные этапы в развитии исторической жизни и культуры славянских народов.

Наиболее существенным итогом результатом археологических исследований, имеющим большое принципиальное значение, является новое представление об общем уровне славянской раннесредневековой культуры. Оказалось, что культура славянских раннефеодальных государств во всех ее материальных и духовных проявлениях была несравненно более высокой, чем это представлялось раньше. И речь здесь идет не только о южных славянах, в жизни которых большую роль сыграли византийские традиции, но и о славянских государствах Средней и Восточной Европы, культура которых некогда рассматривалась в историографии как сравнительно отсталая, плетущаяся в хвосте Запада. Достаточно указать хотя бы на блестящую и самобытную культуру Великой Моравии IX—X вв., открытую чехословацкими археологами, ее большие города с многочисленными храмами и другими памятниками «предроманской» архитектуры, развитое художественное ремесло, высокий уровень экономической жизни и широкие торговые связи. До недавнего времени Великая Моравия была не более чем полулегендарной страницей западославянского прошлого; теперь мы имеем о ней вполне реальное представление, и эта реальность далеко превзошла любые легенды. Великой Моравии и ее близкому, хотя и несколько косвенному наследнику — Древнечешскому государству немногим уступал северный собрат — Древнепольское государство, культура которого стала доступна для изучения опять-таки лишь по археологическим данным. Хорошо известно, какого

высокого для своего времени уровня достигла культура Древней Руси. Один из наиболее ярких показателей этого, наряду с памятниками архитектуры, изделиями ремесла и летописанием, — широкое распространение грамотности среди различных слоев древнерусского населения. Об этом свидетельствуют не только знаменитые грамоты на бересте, найденные впервые при раскопках в Новгороде, а затем и в других древнерусских городах, но и многочисленные граффити на стенах древнерусских храмов домонгольского времени.

В свете всех новых данных, говорящих о высоком уровне культуры раннефеодальных славянских государств, становится особенно отчетливой глубина и тяжесть урона, который понесли эти страны в начале II тысячелетия н. э., когда с востока на них обрушились жестокие завоеватели-кочевники, а с запада — алчные германские феодалы.

Успехи славянской археологии, во многом уточнившей наши представления о культуре и жизни далекого прошлого, как и значительное развитие исследований в других областях славяноведения, вполне закономерны. В результате общего социального и культурного подъема славянских стран после второй мировой войны в них усилился интерес к истории и истории культуры как своего, так и соседних, особенно родственных, народов, причем к истории не только новой и новейшей, но и средневековой. Так, в Чехословакии в широком масштабе было отмечено 1100-летие Великой Моравии, а в Польше как большое культурное и общественное мероприятие — 1000-летие Польского государства. В СССР за последние годы неоднократно отмечались юбилей старейших городов — Новгорода, Смоленска, Ярославля, Владимира. В 1947 г. как всенародный праздник было отмечено 800-летие Москвы.

Успехи славянской археологии определяются тем, что повсюду в научных работах господствует ныне материалистическая марксистско-ленинская методология. Она является ныне общим языком исследователей в области славянских древностей, тогда как раньше, в буржуазное время, в славянской археологии

были очень сильны идеалистические и националистические тенденции.

Наконец, развитию научных исследований по славянской археологии немало содействуют тесные контакты, постоянный обмен опытом, которые связывают ученых социалистических стран. В области славноведения такие контакты оказались особенно плодотворными. Ведь славянские народы прочно связаны друг с другом не только общностью происхождения, но и многочисленными событиями и явлениями всей последующей истории и истории культуры. Поэтому у ученых-славистов, в частности у археологов, имеется немало вопросов, решение которых может быть достигнуто лишь коллективными усилиями представителей разных стран.

Большой вклад в славянскую археологию внесли за последние годы также и ученые сопредельных неславянских стран, особенно социалистических — Румынии, Венгрии и ГДР. То, что среди древнего населения этих стран имелись некогда славянские племена и что на территории этих стран имеются славянские древности, было известно, конечно, уже давно. Но распространяемые в науке в условиях буржуазного строя националистические тенденции неизбежно мешали изучению памятников славянской культуры и их объективной интерпретации. Совсем иное положение сложилось теперь. И следует отметить, что внимание археологов Румынии, Венгрии и ГДР к славянским древностям не только содействовало решению ряда важных вопросов прошлого славянских народов, но и помогло объективно подойти к решению многих существенных проблем отечественной истории в этих странах.

2

За последние годы не раз созывались научные конференции, в работе которых принимали участие археологи из славянских и сопредельных стран — специалисты в области славянских древностей. Особенно результативными были симпозиумы в Чехословакии, Польше, Румынии, Венгрии и СССР, посвященные раннесредневековой тематике. Закономерным следствием возросших контактов между археологами-славистами и высшей их формой явился Первый международный конгресс археологов-славистов, состоявшийся 14—18 сентября 1965 г. в Варшаве. Организаторами конгресса были Институт истории материальной культуры Польской Академии наук, Польское археологическое общество и Государственный Археологический музей в Варшаве.

Первый конгресс по славянской археологии собрал ученых из двадцати стран. Особенно представительными были делегации из СССР (40 археологов-славистов из Москвы, Ленинграда, Киева, Львова,

Минска и других городов), Чехословакии, Югославии и Болгарии. Общее число ученых, прибывших на конгресс в Польшу, составило около двухсот человек. Еще большим числом участников были представлены организаторы конгресса — археологи Польши. В программу работ конгресса были включены все наиболее существенные проблемы и разделы славянской археологии. Вместе с тем программа ограничивала тематику преимущественно вопросами социально-экономической истории, материальной культуры, а также этнической истории. Вопросы древнего славянского искусства, архитектуры, письменности, религии, т. е. вопросы надстроечного характера занимали меньшее место. Эти вопросы, конечно, также очень важны, но нельзя было «объять необъятное». К сожалению, на конгрессе было сравнительно мало докладов обобщающего характера, касающихся вопросов истории и истории культуры славянских народов в целом, хотя организаторы конгресса затратили немало усилий, добиваясь того, чтобы такие доклады были подготовлены. Представленные материалы имели главным образом региональный характер, ограничивались рамками современных национальных территорий. Вряд ли целесообразно было выносить на конгресс сообщения по частным вопросам, не представляющим общего интереса. При подготовке к последующим конгрессам, а они будут собираться каждые пять лет, было бы целесообразно проводить национальные совещания или симпозиумы и выносить на конгресс лишь итоговые материалы.

Работа Варшавского конгресса велась в шести секциях. Первая секция занималась вопросами этногенеза славян. Этому же вопросу уделила большое внимание и вторая секция, занимавшаяся раннеславянскими культурами от XII в. до н. э. до VI в. н. э. Формирование славянских государств было темой третьей секции. Четвертая секция рассматривала развитие культуры в раннесредневековых славянских городе и деревне. Пятая секция объединяла специалистов в области нумизматики. И, наконец, работы шестой секции были посвящены истории науки и методике изучения славянских древностей. Пленарных заседаний на конгрессе не было, за исключением торжественного открытия конгресса и заключительного заседания, на котором были сделаны краткие информации об итогах работы секций.

Очень интересной была выставка, организованная в связи с конгрессом в помещении Государственного Археологического музея в Варшаве. Все славянские страны, а также Румыния, Венгрия и ГДР экспонировали на выставке подлинный археологический материал, документацию, модели, реконструкции, главным образом, из результатов полевых иссле-

дований последних лет. Раздел выставки, посвященный славяно-русским древностям, представлял итоги исследований на городищах роменско-борщанской культуры и средневековых древнерусских городов — Киева, Новгорода, Изяславля и др. Было экспонировано несколько подлинных новгородских берестяных грамот. Чехословацкие археологи показали свои замечательные материалы, относящиеся к Великоморавскому государству IX—X вв. Венгерские археологи экспонировали результаты исследований в Блатенском княжестве, связанном с Великой Моравией; румынские археологи — находки из славянских могильников VI—VII вв. на Дунае. Южнославянские археологи представили, главным образом, памятники раннесредневековой архитектуры. Большую работу провели за последние десятилетия археологи ГДР, занимающиеся раннесредневековыми древностями полабских славян. В результате раскопок на болотных городищах были открыты остатки деревянных построек и оборонительных сооружений, многочисленные изделия из дерева, кости, металла. Самый большой раздел выставки, являющийся частью постоянной экспозиции Государственного Археологического музея, посвящался успехам польской археологии, которая за последнее время, особенно в связи с празднованием 1000-летия Польского государства, добилась больших результатов в области раннесредневековых древностей.

После завершения работ конгресса была организована большая экскурсия для ознакомления с археологическими и архитектурными памятниками южных воеводств Польши. Участники экскурсии посетили Калиш, Вроцлав, Собутку, Ополе, осмотрели древности Кракова, раскопки в Иголоми, архитектуру Сандомира и др.

3

Представители советской делегации приняли участие в работе всех шести секций конгресса. В общей сложности ими было сделано около 30 докладов и сообщений.

Работа первых двух секций, занимавшихся первобытными древностями, проходила в тесном контакте. На заседании первой секции польские ученые выступили с рядом обзорных докладов, посвященных исследованиям по этногенезу славян. В. Кочка сделал доклад о работах по этногенезу славян; Т. Милевский — о дифференциации индоевропейских языков; З. Штибер — о первобытном славянстве в свете последних исследований; Т. Завадский — о славянах в свете данных ономастики; С. Кудзиновский — о балто-славянской языковой общности.

Польские археологи сделали большое число докладов и сообщений о работах в области лужицкой культуры: о ее локальных вариантах, о территориях и гра-

ницах лужицких племен, о связях племен лужицкой культуры с соседними племенами и о дальнейших судьбах носителей этой культуры. Как известно, в работах польских ученых, занимающихся проблемой происхождения славян, лужицкая культура занимает центральное место. Особенно большую роль в славянском этногенезе отводят ей сторонники так называемой висло-одерской гипотезы, которую выдвинули известный польский археолог старшего поколения Ю. Костшевский и покойный ныне славист Т. Лер-Сплавинский. В течение ряда лет висло-одерская гипотеза пользовалась большой популярностью, а лужицкая археологическая культура конца II — начала I тысячелетия до н. э. рассматривалась как важнейшее слагаемое славянства. Известный чехословацкий археолог Я. Филип в своей работе 1946 г. привел 38 доказательств в пользу праславянства носителей этой культуры.

Имелись, однако, и противники этой гипотезы, среди которых следует назвать, в первую очередь, польских ученых-языковедов К. Мошинского и Г. Улашина, а также археолога С. Носека. По их мнению, главные центры древнейшего славянства находились не в междуречье Одера и Вислы, а на восток от Вислы. Подобные же соображения высказывались некоторыми советскими учеными — лингвистами и археологами, полагающими, что западные части лесостепной Украины не могут быть исключены из границ территории, на которой некогда образовались древние славяне.

В связи с этим большой интерес представил сделанный на первой секции доклад польского археолога А. Гардавского, посвященный лужицкой культуре. Докладчик считает, что традиционные представления об этой культуре как культуре праславянской нуждаются в значительном уточнении. По его мнению, под общим названием «лужицкая культура» ошибочно объединяют ныне культуру двух групп древних племен, имевших различное происхождение: 1) племен, живших в бассейне Одера, генетически связанных с унетичской культурой, происходящей из более южных (подунайских) областей и, по-видимому, не имевшей отношения к славянскому этногенезу, и 2) культуру племен, живших в бассейне Вислы и на восток от него, возникших на основе тичнецкой культуры начала II тысячелетия до н. э. Последних и следует считать основными предками славян. Доклад вызвал возражения со стороны Ю. Костшевского, но был поддержан рядом других польских археологов.

Доклад А. Гардавского, подрывающий основы традиционной висло-одерской теории этногенеза славян, был с большим интересом прослушан представителями советской делегации. Культура тичнецкого типа обнаружена ныне в ряде пунк-

тов на территории лесной и лесостепной Украины между Днестром и Днепром. Этой культуре и связанной с ней проблематике были посвящены доклады Ю. В. Кухаренко «Полесье и его место в процессе этногенеза славян», И. К. Свешникова «К вопросу о племенном составе населения Прикарпатья и Волыни в конце II и начале I тысячелетия до н. э.» и С. С. Березанской «Культура тщицецко-комаровского типа в северных районах Украины». К ним примыкал и доклад А. И. Тереножкина «Культура племен Северо-Западной Скифии». Тщицецкая культура рассматривалась докладчиками как важнейшее начальное звено в славянском этногенезе.

Второй темой, с которой советская делегация выступила в первой и второй секциях, была зарубинецкая культура последних веков до н. э. и первых веков н. э. и ее место в восточнославянском этногенезе. Этой теме были посвящены сообщения Д. А. Мачинского «О происхождении зарубинецкой культуры», К. В. Каспаровой «Памятники рубежа нашей эры на территории Белорусского Полесья», а также значительная часть названного выше доклада Ю. В. Кухаренко. В докладах П. Н. Третьякова «Новые археологические данные по этнической истории восточнославянских племен в I тысячелетии н. э.» и Л. Д. Поболя «Археологические памятники первой половины I тысячелетия н. э. в Верхнем Поднепровье» было рассказано о позднерубинецких древностях и их роли в формировании раннесредневековой восточнославянской культуры.

Большой интерес представляют доклады польских археологов, посвященные «последлуцицкой» тематике: об изучении поморской и шпешворской археологических культур и их места в славянском этногенезе, о древностях германских племен, временно находившихся на западнославянских землях в эпоху «великого переселения народов». Последняя тема представляла большой интерес для советских археологов в связи с тем, что недавно в пределах СССР в верховьях Припяти и на Днестре, в нескольких пунктах, были обнаружены беспорные древности готов, относящиеся к концу II—III вв. н. э., к тому времени, когда готы еще сохраняли специфические особенности своей северной культуры, позднее ими утраченные.

Чехословацкий археолог акад. Я. Филип выступил с интересным докладом о культурных контактах племен Средней Европы с населением западнобалканских и восточноальпийских областей в период поздней бронзы и раннего железа.

4

В работе третьей и четвертой секций принимали участие археологи из всех тех стран — славянских и неславянских, в пределах которых в раннее средневековье обитали славянские племена и

складывались феодальные славянские государства. Было представлено свыше 70 докладов и сообщений, посвященных вопросам истории и истории культуры славянского средневековья, особенно — новым археологическим открытиям.

В настоящее время при изучении раннего славянского средневековья археологические данные выступают в качестве основного решающего источника. Они позволяют объективно оценить состояние экономики — сельского хозяйства и ремесла, фиксируют такой важный момент в исторической жизни, как появление города; раскопки на городищах и могильниках дают представление о социальной структуре, позволяя определить, в частности, время появления знати — классовой верхушки общества. Этим темам были посвящены прежде всего доклады и сообщения группы чехословацких археологов: Й. Поулика «Формирование славянских государств», В. Грубого «О селении великоморавского времени», А. Точика «Об исследовании древностей предморавского периода на Среднем Дунае», А. Питтеровой «О характере общественного строя славян в период расселения», Р. Турека «О роли чешских племенных княжеств в процессе образования чешского государства», В. Прохазки «Периодизация эволюции древнейшей политической организации славянских народов» и др.

Большой интерес представляли доклады археологов ГДР: Я. Нерманна «Об экономических и социальных предпосылках образования начальных форм государственности у полабских славян», В. Крюгера «О заселении славянами поречья Средней Эльбы» и др.

Центральной темой работ четвертой секции был средневековой славянский город. Польский историк А. Гейштор выступил с докладом «О некоторых вопросах происхождения славянских городов», где этот процесс рассматривался на широком фоне социально-экономических преобразований в славянской среде в период образования классового общества и государственности. В большинстве докладов происхождение города рассматривалось в локальных рамках, что также представляло немалый интерес, так как в разных областях — в Поморье, в центральных частях Повисленья, на Балканах, в Поднепровье — условия возникновения городов были, как известно, далеко не одинаковыми. Здесь перечислена лишь небольшая часть докладов и выступлений на данную тему. Так, А. Жаки посвятил свое выступление возникновению городов в Малой Польше, З. Гильчерувна — в юго-западной части Великой Польши, И. Горская — на территории Мазовии, К. Радванский рассказал о начале Кракова. Чехословацкий археолог М. Шолле представил соответствующие материалы с территории Чехии. Г. Янкун (ФРГ) сле-

лал доклад «О деревне, замке и городе у северо-западных (полабских) славян». Г. В. Штыхов (БССР) рассказал о происхождении и материальной культуре древнерусских городов — Полоцка и Витебска. Доклад акад. Б. А. Рыбакова был посвящен итогам его исследований в днепровских городах Любече и Витичеве. В. И. Довженко сообщил о раскопках на городище древнего Чучина — одного из киевских пограничных городков. М. К. Каргер рассказал о раскопках в Изяславле — западноволыньском городе, погибшем во время татаро-монгольского нашествия.

Особо должны быть выделены доклады о славянских раннесредневековых городах на Балканском полуострове, исследованных болгарскими и югославскими археологами. Славянская средневековая культура к югу от Дуная развивалась в специфических условиях, при наличии античных традиций и значительного византийского влияния. Археологи имеют там дело, главным образом, с каменным строительством, с руинами каменных городов, так непохожих на преимущественно деревянные города северных славянских земель. Югославский археолог Дж. Бошковиц сделал доклад о древнейшей славянской государственности на юго-западе Балканского полуострова и заграничии там монументальной архитектуры. В. Бабич и В. Алексава посвятили свои выступления материальной культуре древних славян на территории Македонии. Ряд докладов представили болгарские археологи: С. Станчев «О проблемах раннесредневекового Преслава», А. Мильчев «О культуре и искусстве славян и праболгар VI—X вв.», С. Георгиева «О материальной и художественной культуре позднесредневековых городов Болгарии», П. Дмитров «О раннесредневековых поселениях в северо-восточной Болгарии» и др.

Большой интерес представили доклады венгерских исследователей о славяно-аварских отношениях, о предметах скандинавского импорта в славянские страны, о морской торговле славянских городов на Балтийском море и др.

Выше речь шла о том, что явления надстроечного порядка не входили в программу конгресса. Но несколько выступлений на такие темы тем не менее имели место. Здесь имеются в виду выступления, посвященные языческой религии, Г. Голубовичевой и И. Гассовского (Польша), И. С. Вивокура (СССР), доклад акад. Б. А. Рыбакова «Языческая символика русского прикладного искусства XII в.».

Сравнительно немногочисленные доклады, вынесенные на пятую секцию — секцию нумизматики, также касались вопросов истории и экономики средневековых славянских государств и их торговых

связей с западными, южными и восточными соседями.

На заседаниях шестой секции был прочитан ряд докладов по истории науки. Р. Турек рассказал о некоторых периодах деятельности Л. Нидерле, В. Жачек — о П. Шафарике, акад. К. Тыменецкий — о славяноведческих работах И. Лелевеля, Ф. Броновский — о В. Суворецком и др. Докладчики подчеркивали, что наука о славянских древностях в XIX — начале XX в. была тесно связана с задачами освободительного движения славянских народов.

К сожалению, весьма скромное место в работах конгресса заняли вопросы методов археологического исследования, хотя они чрезвычайно актуальны и живо интересуют всех археологов, производящих полевые исследования и обрабатывающих результаты своих открытий. В настоящее время в археологию широко внедряются методы естественных наук, значительно увеличивающие историческую эффективность археологических источников. На конгрессе были сделаны доклады о применении в археологии геофизических методов, о палеоботанических исследованиях, об антропологических работах. Представитель советской делегации Б. А. Колчин выступил с докладом о своих работах в области дендрохронологии по материалам раскопок в Новгороде Великом. Но большинство археологов — полевых работников, которые могли бы поделиться своим большим и ценным опытом в области методики археологических исследований, были заняты во время конгресса в других секциях. В будущем, во время последующих конгрессов, эту тему целесообразно выделять особо, чтобы ее широкому обсуждению не мешала работа других секций.

Полагаю, что выражу общее мнение всех участников конгресса, если в заключение скажу, что Первый конгресс славянской археологии прошел очень удачно. Конгресс показал, что в области славянской археологии во всех странах достигнуты большие успехи, проведены исследования, проливающие свет на многие, темные до сих пор, страницы прошлого славянских народов, что в исследованиях в области славянских древностей господствует ныне марксистско-ленинская методология, что крепнут научные связи между учеными разных стран. Конгресс явился крупной вехой в развитии науки и международного сотрудничества, трибуной обмена опытом.

Труды конгресса — все доклады и сообщения — в настоящее время подготавливаются к печати в Варшаве. Через несколько месяцев они увидят свет и станут достоянием широкой научной общественности.

П. Н. Третьяков

СЛАВИСТИКА В САМАРКАНДСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ИМ. А. НАВОИ

В течение 10 лет на факультете русской филологии СамГУ изучаются проблемы славянского языкознания и литературоведения.

Развертывание работы в области славянских литератур возможно было благодаря помощи старейшего ученого, автора многочисленных работ по польской литературе доцента Я. О. Зунделовича¹. В настоящее время развитие славистики в университете идет по двум линиям — учебной и научной. В течение ряда лет для студентов-филологов в качестве специальных дисциплин читаются лекции по сравнительной грамматике славянских языков, курсы чешского, польского, болгарского, словацкого языков (по выбору), русско-славянской палеографии, русской и славянской лексикографии, русской и славянской фразеологии. Славянские литературы представлены в лекциях по зарубежной литературе; кроме того, студентам читается специальный курс «Польская пролетарская литература межвоенного двадцатилетия» (1919—1939). На историческом факультете читается 100-часовой курс лекций «История южных и западных славян».

На факультете русской филологии организован специальный славистический кружок (руководитель К. М. Гюлумянц), в котором студенты занимаются литературой, историей, искусством и языками славянских народов. Студенты — члены кружка принимали участие в изучении чешских говоров на Украине и македонских переселенческих говоров в районе Ташкента. Планируется также изучение польских диалектов Белоруссии и Прибалтики. Собранный студентами материал был использован ими для написания курсовых и дипломных работ. Значительное количество дипломных работ со славянской тематикой написано также студентами исторического факультета.

Сотрудники литературоведческих кафедр разрабатывают вопросы русско-славянских связей: неопубликованное письмо Ю. Туви́ма от 10 V 1937 г., адресованное Я. О. Зунделовичу, с комментариями последнего будет напечатано в одном из ближайших номеров польского журнала «Твурчость»; подготовлена интересная публикация о неизвестном стихотворении одного из основоположников польской пролетарской поэзии В. Вандурского, а также рецензия

на два сборника лужицкой поэзии в переводе на польский язык.

Сдан в печать сборник со статьями Е. Хорошухина «Роман Б. Ясенского „Жгу Париж“», Ю. Гольцекера «Стилистические особенности романа К. Брандыса „Самсон“».

В трудах доцента кафедры истории Ю. Алескерова, посвященных революционному движению в Туркестане², речь идет об участии представителей славянских народов в борьбе за победу и упрочение Советской власти в Средней Азии.

Ряд работ славистов университета был прорецензирован зарубежными славистами³.

С другой стороны, наши филологи изучают и рецензируют работы чешских специалистов в области восточной филологии, истории среднеазиатской литературы и т. д.⁴ Кроме того, прорецензирован сборник лужицкой поэзии в переводе на русский язык.

Кафедры языкознания и литературы поддерживают тесные связи с учеными социалистических стран. Данная традиция ведет свое начало от профессора Е. Д. Поливанова, который состоял в переписке со славянскими лингвистами, особенно с представителями «Пражского лингвистического кружка», в журнале которого была опубликована работа Е. Д. Поливанова по теории фонологии.

В настоящее время ряд научных работников факультета работает над кандидатскими диссертациями по славянской тематике: Е. Хорошухин — «Художественное мастерство Бруно Ясенского-прозаика», Ю. Гольцекер — «Послевоенные польско-советские литературные связи» (1945—1965); А. Ломов — «Фразеология древнейших русских летописей», К. Гюлумянц — «Устойчивые сравнительные обороты польского языка». З. Мячина — «Вопросы чешско-украинско-русского контактирования», К. Курцына — «Лексическая микросхема „село — город“ в русском и некоторых других славянских языках».

² См. его работы: «Интервенция и гражданская война в Туркестане», Госиздат УзССР, Ташкент, 1958; «Ленин и оборона Советского Туркестана (1918—1920)». Труды СамГУ, выпуск 101, 1960, «Ленин и Узбекистан». Труды Каршинского пединститута, вып. 13, 1964 и другие.

³ См. рецензию брненских языковедов на «Славянский сборник» № 1, Самарканд, 1958, опубликованную в «Sborník filosofické fakulty brněnské university», Rada jazykovědná, № 8, Brno, 1960.

⁴ См. «Вопросы литературы», 1964, № 5.

¹ См. его переводы стихов В. Броневского — «Избранные стихи», М., 1922; статья о Ю. Туви́ме и других польских поэтах. Литературная энциклопедия, т. 1—2, М. — Л., 1925.

Значительную работу в области славянского языкознания проводит зав. кафедрой русского языкознания доц. Л. И. Ройзензон. Он занимается русской и славянской фразеологией, славянским гипотаксисом (современным и историческим), славяно-германскими языковыми связями и лингвостатистикой. Последние годы Л. И. Ройзензон успешно работает над большой монографией по славянским полипрефиксальным глаголам⁵.

Слависты университета принимали активное участие в подготовке IV и V Международных съездов славистов (Москва, 1954; София, 1963).

Были проведены две славистические конференции, посвященные этим съездам⁶.

⁵ См. библиографию его работ, опубликованную в «Библиографическом сборнике научных трудов СамГУ», Самарканд, 1964.

⁶ «Конференция по языкознанию, посвященная IV Международному съезду славистов». Изд. УзГУ, Самарканд, 1958;

Кроме того, были изданы два специальных сборника: «Славянский сборник», № 1, Самарканд, 1958 и «Славянский сборник», № 2, Самарканд, 1963, в которых принимали участие и слависты других городов Советского Союза (проф. Л. А. Булаховская, проф. Г. И. Коляда, научный сотрудник Института литературы АН УССР Ю. Л. Булаховская, доц. А. Е. Супрун и другие).

Ученые университета принимают активное участие в различных славистических конференциях, проводящихся в Советском Союзе. З. Мячина и А. Г. Ломов участвовали в совещании по обсуждению пробного выпуска Словаря старо-украинского языка XIV в. (Львов, 1965).

Нет сомнения в том, что дальнейшее развитие славистики в нашем университете будет способствовать повышению общего уровня научной подготовки кадров.

Ю. П. Гольцекер

«Программа и тезисы докладов конференции по русской и славянской филологии». Самарканд, 1963.

В ИНСТИТУТЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ АН СССР

ЛЕКЦИЯ ПРОФЕССОРА Р. ЛАЛИЧА

2 декабря 1965 г. Институт славяноведения АН СССР посетил профессор Белградского университета Радован М. Лалич. Им была прочитана лекция о проблемах сравнительного изучения славянских литератур.

Эти проблемы весьма актуальны, отметил проф. Р. Лалич, внимание к ним заметно возросло в последние двадцать лет; значительную роль в этом сыграли съезды славистов, особенно Белградский, Московский и Софийский. Сравнительному изучению славянских литератур посвящено немало значительных исследований последнего времени (часть из них вышла из печати, другие готовятся к изданию). Однако перед литературоведами стоит немало нерешенных и спорных вопросов. Отвечая на эти вопросы, следует учитывать не только результаты изучения славянских литератур, но и то, что сделано в области сравнительно-исторической проблематики в целом. В этом плане особенно важны, по мнению проф. Р. Лалича, итоги дискуссий, которые велись в Советском Союзе и других социалистических странах.

В лекции была охарактеризована историческая, языковая и культурная близость славянских народов, их сотрудничество и широкие контакты, которые способствовали возникновению и развитию межславянских литературных свя-

зей. Говоря об истории вопроса, проф. Лалич выделил период национального возрождения у славянских народов. Подробное освещение в лекции получили межвоенный период, охарактеризованный проф. Лаличем как один из наиболее плодотворных этапов в изучении проблемы, несмотря на ошибочность точек зрения ряда ученых (в лекции, в частности, была дана критическая оценка позиций польского слависта В. Ледницкого).

В современной науке особенно значительная роль в изучении проблемы принадлежит советской славистике. Результаты, которых достигли советские ученые в этой области, связаны и с критикой ими традиционного компаративизма в литературоведении (проф. Лалич подчеркивает, что имеет в виду здесь не ошибочную оценку деятельности А. Веселовского, а научно обоснованную, объективную и серьезную критику) и с работами, посвященными конкретным вопросам сравнительно-исторического метода. В отличие от славистов старой школы и ученых, занимающихся вопросами сравнительного изучения славянских литератур на Западе (кстати, в лекции был отмечен серьезный вклад этих ученых в конкретную разработку материала), советские ученые рассматривают литературные явления в связи с историческими и социальными условиями их

развития. В этом основа успеха советской науки в изучении рассматриваемой проблемы. К достижениям советских ученых проф. Лалич отнес теорию типологических совпадений, особенно выделяя работы проф. Жирмунского в области славянского эпоса. В заключительной части своей лекции проф. Лалич отметил, что в наше время целесообразность сравнительного изучения литературы уже не вызывает сомнений. Речь должна идти о том, как лучше организовать дальнейшее изучение проблемы. Программа в

этой области была изложена проф. Ф. Вольманом на IV съезде славистов в Москве.

Вопросы сравнительного изучения славянских литератур должны привлечь самое пристальное внимание и югославских ученых. Для них особенно важно ознакомление с результатами работы в других славистических центрах, прежде всего в славянских странах.

Р. Дороница

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ЗА РУБЕЖОМ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЦЕНТР В ЛЮБЛИНЕ

Данная статья имеет исключительно информационный характер; в ней отмечаются важнейшие научные работы и направления исследований. Историк, более обстоятельно интересующийся проблематикой люблинского центра, может воспользоваться специальной литературой и библиографией работ за 1944—1964 гг., подготовленной Библиотекой им. Геронима Лопациньского в Люблине¹.

Люблинский исторический центр является сравнительно молодым, его настоящая структура сформировалась в последние годы и представляет собой типичный пример небольшого научного центра в Народной Польше. Однако этот центр имеет и определенные традиции, ведущие свое начало с XIX в., когда были предприняты исследования регионального характера. В то время Люблин был губернским городом, подвергавшимся русификации. Он не имел никаких научных

учреждений, а единственным высшим учебным заведением на территории губернии был Земледельческо-лесной институт в Пулавах. Наиболее известные научные труды этого периода — работы Генрика Верценьского «Статистическое описание Люблинской губернии» (1903) и Яна Амброжего Вадовского «Люблинские костелы» (1905). Большим достижением было создание в 1907 г. из собрания книг, оставшихся после смерти историка и филолога Г. Лопациньского, Публичной библиотеки. В канун мировой войны в ее фондах числилось около 20 тыс. томов, среди которых преобладали книги гуманитарного характера.

Значительный прогресс в организации исторического центра в Люблине наметился в 1918—1939 гг. В 1919 г. из Вильно во вновь организованный Государственный архив были переданы древнепольские книги; там же были сосредоточены документы административных властей XIX и XX в. Были начаты работы по упорядочению материалов, изданы перечень древних актов и путеводитель по фондам, подготовленные известным архивистом и историком люблинской земли Яном Рябинным.

В организованном в 1919 г. Католическом люблинском университете была образована историческая секция. Пробудились научные интересы у учителей средних школ и архивистов. В 1927 г. в Люблине образовалось Общество друзей наук, главная роль в котором принадлежала полонистам и историкам. В том же году возникла секция истории родного края и развернулась работа по изучению истории Люблинщины. В издании «Регионализм любельский» (1928) была изложена программа деятельности и опубликована библиография важнейших работ по истории люблинщины.

Общество издавало «Памятник любельский», три тома которого вышли в свет в 1930, 1935 и 1938 г. С самого начала исторические исследования прежде всего

¹ J. Dobrzański. Z przeszłości oddziałów PTH. Oddział lubelski (1927—1956) — trzydziestolecie Oddziału. — «Kwartalnik historyczny»; его же. Dzieje Towarzystwa Przyjaciół Nauk w Lublinie. (w:) Hieronim Łopaciński i biblioteka jego imienia w Lublinie 1907—1957. Lublin, 1957; его же. Oddział Polskiego Towarzystwa Historycznego w Lublinie — «Rocznik lubelski», t. I; J. Gurba, R. Orłowski, J. Daniłowicz. Problematyka historyczna w Annales UMCS. Ibid.; J. Willaume. Lubelskie środowisko naukowe (1944—1959). — «Kwartalnik historyczny», 1957, № 3; R. Orłowski. Kronika naukowa. — «Rocznik lubelski», I; S. Litak. Z prac nad atlasem historycznym kościoła w Polsce. — «Zeszyty naukowe» KUL, I, 1958, № 3; R. Bender, W. Müller, J. Zawadzka. Środowisko historyczne KUL. Ibid.; «Bibliografia Lubelszczyzny za lata 1944—1964» (w druku).

были посвящены тематике, связанной с Люблином (Зыгмунт Кукульский, Ян Рябинин, Александр Коссовский, Зофья Фрелихова, Ян Добжаньский) и Люблинщиной (Леон Бялковский, Стефан Войцеховский, Казимеж Соханевич, Гелена Малишевская), охватывающей историю района с XIV по XIX в. К 150-й годовщине Комиссии народного просвещения были изданы «Первоначальные распоряжения Комиссии народного просвещения в 1773—1776 гг.», а в 100-летнюю годовщину смерти С. Стапица подготовлено коллективное издание «Станислав Стапиц» (1928). Обществом была издана также серия монографий и источников, важнейшими из которых являются: А. Коссовского «Протестантизм в Люблине и в Люблинском воеводстве в XVI—XVII вв.» (1933), Станислава Малаховского-Лемпицкого «Свободное масонство на Люблинщине в 1811—1822 гг.», кс. Людвика Залевского «Из истории партизанской борьбы 1833 г. в Люблинском воеводстве» (1934), З. Кукульского «Первые светские учителя в люблинской школе в период деятельности Комиссии народного просвещения» (1939), подготовленные З. Кукульским «Букварь 1785 г. для приходских народных школ» (1930) и «Источники по истории воспитания и школьного дела в Польше в период деятельности Палаты общественного образования в 1807—1812 гг.» (1931). Л. Бялковский опубликовал «Вилькеже XV—XVII вв.» (1928), а Я. Рябинин сборники документов: «Люблин в книгах войтов — лавников XVII—XVIII вв.» (1928), «Люблинская городская рада в XVII в.» (1931), «Люблинские городские lauda XVII в.» (1935) и «Материалы по истории города Люблина в 1317—1792 гг.» (1938). Большинство этих работ сохранило научную ценность до настоящего времени.

Другой организацией люблинских историков было созданное в 1927 г. отделение Польского исторического общества. В 1934 г. возникло Научное общество Католического университета, в числе работ которого были и исторические исследования. В период 1918—1939 гг. начал складываться научный центр в Люблине, в это время определилось также и направление региональных исследований, реализуемых в зависимости от материальных возможностей. Оккупация гитлеровцами Польши повлекла за собой упадок польской культуры, а люблинские историкки оказались в подполье, в эмиграции или в гитлеровских концлагерях.

Освобождение Люблинщины в 1944 г. и первый период Народной Польши принесли расцвет культурной и научной жизни. Созданный в октябре 1944 г. Университет им. Марии Кюри-Склодовской (УМКС) в Люблине первоначально имел лишь кафедры археологии и этнографии.

В ноябре 1944 г. возобновила свою деятельность историческая секция Католического университета. В первые годы упорядочиваются фонды Государственного и Городского архивов, а также книгохранилища и отделы рукописей люблинских библиотек. Начало свою деятельность Общество друзей наук (в 1952 г. оно прекратило свое существование). Первой исторической работой, изданной в Люблине, была монография Юзефа Кермиша «Люблин и Люблинщина в последние годы Речи Посполитой» (1945), подготовленная еще до войны.

Активизировалась также деятельность Научного общества при Католическом университете, которое с января 1945 г. возобновило свою научную деятельность. В 1947 г. вышла в свет книга Романа Шевчика «Население Люблина в 1583—1650 гг.», в 1948 г. изданы работы Р. Мошиньского и Л. Полихи «Люблин в период оккупации (1939—1944)», Л. Бялковского «Род Виберштейнов и род Момотов герба Олений Рог в XIV—XV вв.», Леона Гальбана «Древнегерманская религия и ее актуальное значение в Германии», Юзефа Мазуркевича «Зачатки цехового строя в Люблине», а в 1951 г. — книга Генрика Цинса «Род Ферберов и его роль в истории Гданьска в XV—XVI вв.». Некоторые работы были написаны на базе довоенных исследований. Наряду с опытными исследователями начинает работу молодежь.

В конце 1946 г. возобновило свою деятельность люблинское отделение Польского исторического общества, на заседаниях которого обсуждались результаты исследований, главным образом, связанные с историей люблинского района (Я. Добжаньский, С. Войцеховский, А. Коссовский и др.).

Переломным моментом в жизни люблинского центра явилось образование в октябре 1952 г. в рамках гуманитарного отделения УМКС исторического факультета, который состоял из двух объединенных кафедр — всеобщей истории (руководитель — Юзеф Гарбацки) и истории Польши (руководитель — Казимеж Мыслиньский), а также кафедры истории народов СССР. Вначале кафедры занимались, главным образом, подбором кадров, формированием библиотек и подготовкой учебных пособий для студентов. Через некоторое время факультет пополнился новыми научными сотрудниками и появилась возможность создания новых кафедр. В 1957 г. на базе объединенных кафедр были образованы кафедры — всеобщей древней и средневековой истории (руководитель — Г. Цинс), всеобщей новой и новейшей истории (руководитель — Юлиуш Вийом), истории Польши до XVIII в. (руководитель — К. Мыслиньский) и истории Польши в XIX и XX вв. (руководитель — Тадеуш Менцель). В 1959 г. была организована отдельная кафедра

новой истории (руководитель — Станислав Кшичка), кафедра экономической истории (Станислав Гошовский), наконец, в 1962 г. — кафедра древней истории (руководитель — Роман Каменик). В 1965 г. кафедра экономической истории вошла в состав вновь образованного экономического отделения. В состав кафедры истории Польши до XVIII в. входит группа вспомогательных наук и методики обучения истории. Планируется выделение из состава этой кафедры новой кафедры — по истории Польши XVII—XVIII вв. В 1965 г. на факультете работали 2 профессора, 6 доцентов, 7 адъюнктов, 1 старший преподаватель и 7 ассистентов.

Большое значение для дальнейшей деятельности, особенно для учебной работы исторического факультета УМКС, было перемещение в 1963 г. гуманитарного отделения в новое здание, где в его распоряжение были предоставлены просторные помещения для кафедр, аудитории для лекций и занятий, чигальные залы и хранилища для библиотек. Библиотека факультета насчитывает более 25 тыс. томов трудов, печатных источников, а также польских и иностранных рукописей. В стадии организации находится Исторический институт. Его создание позволит осуществить более тесное сотрудничество кафедр в организационной, учебной и научной областях.

В послевоенный период в Люблине значительно расширилась издательская деятельность; с 1946 г. выходят «Анналы» УМКС — университетский орган, предназначенный для книжного обмена внутри страны и с заграницей. До настоящего времени вышло в свет 16 томов гуманитарной серии «Анналов». Отдельные ее выпуски (за исключением т. VII, который целиком посвящен исторической тематике) объединяют статьи по различным отраслям гуманитарных наук. В юридической секции опубликованы статьи по истории права и экономики.

«Зэшиты науков» Католического университета, выходящие с 1958 г., содержат небольшие исторические статьи и краткую информацию о научной жизни университета.

В Бюллетене Люблинского научного общества № 1 (1962) и № 2 (1963) опубликован сокращенный текст докладов, прочитанных на заседаниях общества. История в бюллетене представлена только двумя сокращенными докладами Ю. Вийома.

В серии «Рочники гуманисгынне», издаваемой с 1946 г. Научным обществом Католического университета, имеются специальные выпуски, посвященные истории. До 1964 г. вышло 10 таких выпусков. Напечатанные в них работы касаются исключительно истории церкви, выпуск IV (1953) и некоторые другие содержат исследования по истории просвещения.

Видное место среди люблинских изданий занимает «Рочник любельски» — орган Люблинского отделения Польского исторического общества. В 1958—1965 гг. вышло 5 томов ежегодника. В нем публикуются статьи, рецензии, дискуссионные и информационные материалы. Тома I, III и V представляют собой сборники, т. II (1959) содержит материалы по истории люблинщины в 1944—1959 гг., т. IV посвящен проблематике Люблина, т. VI (в печати) — восстанию 1863 г., а т. VII — двадцатилетию Народной Польши (1944—1964 гг.). В принципе ежегодник печатает материалы по истории люблинщины, однако на его страницах публикуются и работы более широкого профиля. Редакция установила контакты с исследователями из других центров (Варшава, Краков, Лодзь, Торунь) и даже с иностранными учеными (СССР, Венгрия). В настоящее время наметилась тенденция превращения ежегодника в журнал, отражающий работу исторического центра, а также публикующий материалы по древней и всеобщей истории. Серьезным недостатком ежегодника является нерегулярность его издания и отсутствие текущей библиографии. Следует добавить, что именно по инициативе редакции ежегодника сотрудники библиотеки им. Г. Лопацинского предприняли подготовку библиографических работ, вышедших в 1944—1964 гг.

Более общий характер имеет «Шпеглэнд любельски», первый выпуск которого вышел в свет в 1965 г., а издаваемые Музеем в Люблине «Студия и материалы любельски» посвящены этнографии и истории искусства.

Специальный характер имеют «Зэшиты Майданека», посвященные тематике концентрационных лагерей и лагерей смерти на люблинщине. Первый номер их вышел в 1965 г.

Проблематика исследований люблинских историков охватывает широкий круг вопросов по всеобщей истории и истории польского народа. Сотрудники кафедры древней истории д-р Тадеуш Лопашко занимается изучением социальных проблем периода упадка Римской империи. В «Анналах» он опубликовал статью «Волеания городского плебса в Риме в 58—52 гг. до н. э.» (IX, 1957), а недавно Т. Лопашко завершил работу «Социальные движения в Риме в 64—52 гг. до н. э.» Доц. Р. Каменик изучал восстание Спартака («Из проблем восстания Спартака», 1961), впоследствии темой его научных интересов стала социально-экономическая история римской Галлии в III—V вв. н. э. Из подготовленных уже работ можно назвать его большую статью «Рабство в римской Галлии в период Империи в свете изучения надписей» («Анналы», в печати).

Кафедра всеобщей истории средних веков ведет исследования в нескольких

направлениях. Г. Цинс разрабатывает проблемы периода реформации в Поморье и Вармии². Последним результатом этих исследований является сданная в печать большая работа «В кругу Миколая Коперника». Кроме того, Г. Цинс интересуется историей Англии в XVI в. Им написаны статьи об английской восточной кампании в XVI в. и закончена большая монография «Англия и Балтика в XVI в.», освещающая деятельность английской восточной кампании, проникновение Англии на Балтику и борьбу с Ганзой. Г. Цинса также интересуют вопросы английской историографии по истории Англии в XVI и XVII вв., особенно английские историки Ричард Х. Тойнби и Джордж М. Тревельян. Под его руководством Эдвард Межва изучает польско-шотландские отношения в XVI в., а Е. Пшиборовский — англо-польские реляции в XV и XVI вв. Д-р Станислав Творек опубликовал ряд статей (в «Анналах» и «Одродзене и реформация в Польске»), в которых рассматривает политическую и культурную деятельность ариан на Люблинщине и их социальный состав. Большая часть этих исследований была объединена в монографии «Люблинский собор и его роль в арианском движении в Польше в XVI—XVII вв.» (1964). В дальнейших его работах нашла освещение проблема кальвинистского школьного образования в Малой Польше в XVI и XVII вв.

Проблемами всеобщей истории занимаются и сотрудники кафедры новой всеобщей истории. Проф. Ю. Вийом в 1951—1956 гг. подготовил ряд статей (опубликованы в журналах «Пшеглэнд заходни», «Рочники гисторичне» и «Анналы»), содержащих новые факты и выводы о польско-прусских отношениях в 1807—1812 г.³ В последующие годы Ю. Вийом исследовал вопросы экономической истории Люблинщины, особенно историю деревни и аграрных движений накануне крестьянской реформы. Эти работы, в 1956—1962 гг. опубликованные в виде статей, были в 1964 г. изданы отдельной книгой «Люблинская деревня в канун крестьянской реформы». Заин-

тересованность проблемами польско-германских связей проявилась в двух очерках Ю. Вийома: о Лейпцигском комитете помощи польским эмигрантам 1831—1832 гг. и об участии поляков в Баденском восстании 1848 г. («Анналы», XII, XV). Несмотря на научно-популярный характер, большое значение имеет работа о польском национальном гимне «Еще Польша...» (1962). В своих новых исследованиях Ю. Вийом возвращается к наполеоновскому периоду — работы о деятельности министерства полиции в Княжестве Варшавском и о наполеоновской легенде. Его перу принадлежат и статьи о научной деятельности Шимона Ашкенази, Фридерика Раумера и Макса Лемана.

Д-р Ежи Данелевич первоначально занимался проблемой «Великой эмиграции», затем перешел к изучению социальных движений на Люблинщине после 1918 г. Его работа «Революционное движение на Люблинщине в 1918—1923 гг.» должна выйти в свет в 1966 г. Им написан и очерк о взглядах Александра Рембовского. Д-р Рышард Орловский занимается историей майората Замойских во второй половине XVIII в. Отдельные работы, опубликованные в 1956—1963 гг., Р. Орловский объединил в труде «Положение и классовая борьба крестьян в майорате Замойских во второй половине XVIII в.» (1963). Параллельно основной работе им (совместно с Юзефом Ришардом Шафликком) была подготовлена монография по истории города Лукова (1962), а также завершен труд об экономической деятельности Анджея Замойского в XVIII в. Д-р Веслав Сладковский в начале изучал историю люблинских сеймиков в XVI и XVII вв., шляхетское судопроизводство, а затем (1965) подготовил работу о немецкой колонизации на Люблинщине, в которой освещены процессы колонизации и роль немецких колонистов в развитии экономических и общественных отношений. Сотрудник кафедры Станислав Висьневский в очерке «Евгений Тарле о наполеоновской легенде» попытался дать оценку достижений советского историка в области изучения истории наполеоновских времен в сравнении с французской историографией.

Исследования кафедры истории Польши до XVIII в. охватывают период до середины XVI в., XVII в. и начало XVIII в. Доц. К. Мыслинский занимается главным образом историей городов на Люблинщине и, в частности, Люблина, его торговых связей с Русью и Вроцлавом. В 1962 г. К. Мыслинский опубликовал монографию «Наследственный войт и городская рада в Люблине 1317—1504 гг.», а недавно большую статью о роли Малой Польши в процессе образования Польского государства («Рочники гисторичне», XXX). В настоящее время К. Мыслинский ведет

² «Powstanie chłopskie w Prusach Książczych w 1525». Walki społeczne w Prusach w początku reformacji i ich geneza. Warszawa, 1953; «Aspect of the Peasant Rising in East Prussia in 1525.— «The Slavonic and East European Review», t. XXVIII. London; «Political and Economic Background of the Early Reformation in Erm-land.— «The English Historical Review», t. LXXV, London, 1960.

³ В 1961 г. была напечатана его статья: «Die wirtschaftlichen Beziehungen zwischen Preussen u. dem Herzogtum Warschau.— «Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt Universität zu Berlin», X, 1961, H. 1.

исследования о генезисе городов Люблинского воеводства и Хелмской земли, а также о ремесле и торговле Люблина до середины XVI в. Для общепольской серии, посвященной городам Польши, К. Мыслиньский написал разделы по истории городов Люблинщины в период феодализма. Д-р Юзеф Шпманьский изучал историю церкви в период средневековья и по этой тематике опубликовал несколько статей, большую работу «Коллегиальный каштул в Войнице в 1465—1785 гг.» (1963), а также монографию о светском каноникате в средневековой Польше. Другие его исследования касаются поселений в войницкой каштелянии в XII—XIV вв. и рецепции феодальной культуры в Польше.

Доц. Адам Керстен, помимо нескольких статей, посвященных социальным и военным проблемам периода правления Яна Казимира, опубликовал книги «Польские крестьяне в борьбе со шведскими захватчиками в 1655—1656 гг.» (1956) и «Первое описание обороны Ясной Гуры в 1655 г.» (1959). В 1963 г. А. Керстен издал монографию «Стефан Чарнецкий. 1599—1665», в которой содержится биография известного польского полководца, описание военных действий, освещается общественная жизнь шляхты и ее военная служба. К этому же периоду относится монография А. Керстена «Проблема власти в Речи Посполитой во времена династии Вазов» (в печати) и исследование «Сенкевич — Потоп — История» (в печати), сопоставляющее историческую повесть известного польского писателя с подлинными документами того времени. Новые исследования А. Керстена посвящены вопросу о шляхетской оценке выборов короля в 1657—1667 гг. и отношениям Франции к Польше во второй половине XVII в.

Адам Витусик исследует вопросы, связанные с выборами короля Яна Казимира и историей военной конфедерации 1659 г. Доц. Мирослава Закшевска-Дубасова издала сборник документальных материалов «Процессы вельм в Люблине в XVII и XVIII вв.» («Праце и материалы этнографичне», т. 6, 1947) и подготовила обзоры архивных материалов по истории Весны народов и национально-освободительной борьбы в XIX и XX вв. («Архейон»). В 1962 г. вышла ее монография «Парчев в XV—XVII вв.». Последнее исследование М. Дубасовой — монография об организации, деятельности и роли замойских армян в XVI—XVIII вв. Продолжением его является работа о восточных влияниях на городскую культуру в Люблинском воеводстве до конца XVII в.

Результаты исследования д-ра Ю. Р. Шафлика отражены в монографии «Парчевское староство» (1962). «Люблинская деревня в середине XVII в.» (1963) и в нескольких статьях, опубликованных

в 1958—1960 гг. Ю. Р. Шафлик (совместно с Р. Орловским) написал историю Лукова, а в последние годы занимается изучением народных движений в XX в. Работы Густавы Хычко касаются положения люблинской деревни в саксонский период, особенно в период войны 1700—1720 гг.

Основной проблематикой кафедры новой истории Польши является социальное и национально-освободительное движение в XIX и XX вв. с уклоном в сторону изучения истории Люблинщины. Доц. Т. Менцель ранее занимался историей Княжества Варшавского, преимущественно юридическими и финансовыми вопросами этого периода. Наряду со статьями этой тематике посвящена также монография «Феликс Лубеньский, министр юстиции в Княжестве Варшавском» (1952). В 1955—1962 гг. были опубликованы статьи об образовании и деятельности польских архивов XVIII и XIX вв., в частности Краевого архива в Варшаве. Т. Менцеля интересовали также вопросы архивоведения, издательская работа, значение описей для историка и связь архивов с историческими научными учреждениями; эти материалы опубликованы в 1958—1963 гг. В больших статьях «Организация и деятельность администрации в Люблине в 1809—1866 гг.» («Рочник любельски», IV) и «Деятельность гражданских властей Люблинского воеводства в период восстания 1830—1831 гг.» (там же, V) Т. Менцель обратился к местной тематике — проблемам административного устройства Люблинщины в XIX в. К 100-летию восстания 1863 г. сотрудники кафедры под редакцией Т. Менцеля подготовили том документов о восстании на Люблинщине. Т. Менцель написал также несколько статей, посвященных вопросам организации восстания в Подлясье и военным действиям. Предметом настоящих исследований Т. Менцеля является история польских земель, отошедших к Австрии по третьему разделу, так называемой Западной Галиции в 1795—1809 гг. Другое направление его исследований — положение сельской гмины в Царстве Польском накануне крестьянской реформы.

Первые работы д-ра Зыгмунта Маньковского касались вопроса о положении и роли плебейских масс Варшавы в период восстания 1830—1831 гг. («Квартальник гисторичны», «Анналы» и др.). Затем З. Маньковский приступил к изучению периода оккупации 1939—1944 гг., главным образом, на Люблинщине. Следует назвать подготовленные им публикации документов «Дневник Зыгмунта Ключковского периода оккупации Замойщины», «Гвардия Людова и Армия Людова на Люблинщине в 1942—1944 гг.» (1960, совместно с Яном Наумяком) и «Крестьянские батальоны на Люблинщине в

1940—1944 гг.» (1962 г., совместно с Я. Наулюком и Ежи Маркевичем), отмеченные наградами редакции газеты «Политыка» и Министерства национальной обороны. Совместно с Я. Наулюком и Е. Маркевичем З. Маньковский составил «Календарь боев Крестьянских батальонов на Люблинщине в 1940—1944 гг.» (1964). В настоящее время З. Маньковский (совместно с Иренеушем Цабаном) готовит том документов о деятельности Армии Крайовой на Люблинщине. Главной темой исследовательской работы З. Маньковского является борьба народа с немецкими оккупантами на Люблинщине в 1939—1944 гг.

Д-р Альбин Копруковняк изучает участие люблинской деревни в революции 1905—1907 гг. В 1956—1964 гг. он опубликовал ряд статей на эту тему и подготовил монографию «Революционное движение в люблинской деревне в период революции 1905—1907 гг.» (в печати). А. Копруковняк занимается также вопросами ликвидации сервитутов в майорате Замоиских в 1918—1939 гг., безработицы в Люблине в 1920—1933 г. Последние его работы посвящены проблеме формирования и развития рабочего класса и началу рабочего движения на Люблинщине в 1870—1914 гг. Юзеф Томчик разрабатывает вопрос о роли населения Люблинщины в восстании 1863 г.; Чеслав Вуйцик занимается проблемой еврейского населения в Люблине в 1815—1915 гг., а Я. Наулюк — организацией и деятельностью Армии Людовой в Люблинском воеводстве в 1942—1944 гг.

Д-р Зофья Мазурек (кафедра истории народов СССР) изучает крестьянскую реформу в Люблинской губернии; она написала несколько статей и монографию «Результаты крестьянской реформы в Люблинской губернии». В настоящее время З. Мазурек исследует вопрос об отношении русских либералов к польскому вопросу в конце XIX в.

Сотрудники кафедры новейшей истории занимаются главным образом периодом двадцатипятилетия (1918—1939 гг.). Доц. С. Кшичка изучал историю революционной деятельности студентов Пулавского института до 1914 г. Первые результаты исследований были изложены им в статьях, опубликованных в 1956—1958 гг., а затем в книге «Студенты Земледельческо-лесного института в Пулавах в борьбе с царизмом в 1869—1914 гг.» (1962). Другое направление его работы — Советы рабочих депутатов и влияние Великой Октябрьской революции на борьбу трудящихся масс Люблинщины в 1917—1919 гг. Им подготовлена диссертация «Советы депутатов на Люблинщине в 1918—1919 гг.» (1961). Периоду 1918—1939 гг. С. Кшичка посвятил научно-популярную работу «Из истории КПП на Люблинщине в 1918—1923 гг.»

(1961); в настоящее время он готовит труд о деятельности Польской военной организации в период войны и в первые годы независимости Польши. Историей межвоенного периода 1918—1939 гг. занимается также Марек Здроевский. Он изучает деятельность Международной организации помощи революционерам (МОПР). В ином плане стоит разработка М. Здроевским вопроса о традициях вольнодумства на Люблинщине. Всеволод Волчев изучает период последней оккупации, в особенности деятельность буржуазного лагеря на Люблинщине в 1944 г. и план «Буря», Генрик Цибек — историю Объединения крестьянской левницы «Взаимопомощь» на Люблинщине, а Мария Лопощко — деятельность ППС-левницы на Люблинщине в 1926—1931 гг.

Наряду с историческими кафедрами историческую тематику разрабатывают и другие кафедры. Проф. Я. Добжанский (кафедра истории просвещения и воспитания) занимается вопросами начального школьного обучения на Люблинщине — его организацией, подготовкой учителей и системой обучения. Из наиболее важных статей на эту тему можно назвать «Из истории борьбы за начальную школу в Царстве Польском в первой половине XIX в.» («Студия педагогичне», т. III, 1956) и публикацию источников по истории школьного дела в Царстве Польском в 1849—1850 гг. («Рочник любельски», т. III). Для обобщающего труда «История Польши» (т. III, ч. I) Я. Добжанский написал раздел о развитии просвещения и педагогических наук на польских землях в 1864—1900 гг., а для учебника истории воспитания ПАН — обширный раздел о школьном деле в Княжестве Варшавском и Царстве Польском и об истории школьного образования в Галиции в 1772—1848 гг. В настоящее время он работает над монографией по истории начального школьного обучения на Люблинщине в 1832—1864 гг. Сотрудник этой же кафедры д-р Кароль Познаньский осветил историю ремесленно-воскресных школ на Люблинщине в 1817—1914 гг. Д-р Владислав Романовский подготовил работу о начальном школьном обучении на Люблинщине в 1900—1915 гг., Витольд Ковальский изучает историю люблинской гимназии в 1832—1964 гг., Здзишлав Ковальский — историю средних школ Люблина до 1914 г., Владислав Фрох — историю приходских школ в Люблине в XIV—XVIII вв., Генрик Садай — деятельность люблинской школы в 1807—1864 гг., Мария Крупа — историю борьбы А. Дистервега за светское народное образование в Пруссии.

Сотрудники кафедры истории польского права и государства юридического факультета исследуют правовые проблемы городов Люблинщины в XVIII—XIX вв. Проф. Ю. Мазуркевич опубли-

ковал монографию «Люблинские юридические» (1956) и ряд статей о городском и шляхетском судопроизводстве в Речи Посполитой, совместно с Ежи Редером и Ежи Маркевичем — работу «Частновладельческие города Люблинского повета и их владельцы в XIX в.» («Анналы», секция юридическая, I), совместно с Владиславом Цвиком — исследование «Собственность в частновладельческих городах Люблинщины во время Княжества Варшавского и Царства Польского. 1809—1866» («Анналы», IV). Им написаны работы об изменении прав собственности в Люблине в связи с проведением городской реформы 1866 г. (в печати) и о судебных правах воевод в отношении шляхты в XIV и XVI вв. на Люблинщине (в печати). Е. Редер подготовил несколько очерков по истории административно-территориального деления Люблинского воеводства и Хелмской земли во времена Речи Посполитой.

Д-р В. Цвик занимался историей городов Люблинщины в XVIII и XIX вв., деятельностью комиссии *Voni Ordinis* и социальным движением в городах («Споры из-за права собственности в казенных городах Царства Польского» в издании «Часописмо правно-гисторичне», X и др. работы); в настоящее время он готовит труд о феодальных пережитках в городах в XIX в. Артур Корбович исследует юридическое положение греко-католической церкви в Царстве Польском в XIX в.

К историческим проблемам обращаются также ученые других кафедр. Доц. Витольд Савицкий (кафедра всеобщей истории государства и права) изучает проблемы соперничества духовной и светской власти во времена Болеслава Смелого и влияние норм западного права на польское. Политические доктрины в историческом аспекте исследует проф. Гжегож Леопольд Зайдлер (кафедра теории государства и права), доц. Ян Малярчик изучает социально-политическую теорию Берната из Люблина и Никколо Макиавелли.

Доц. Александр Керек (кафедра экономики Высшей сельскохозяйственной школы в Люблине) в течение многих лет работает над экономическими проблемами Люблинщины в IX и XX вв. (статьи и монография «Развитие капитализма в сельском хозяйстве Люблинского района в 1864—1913 гг.», опубликованная в 1964 г.).

Ряд работ готовят сотрудники исторического факультета Католического университета, имеющего кафедры: древней истории, истории средних веков и вспомогательных наук, новой истории и истории польской культуры. Доц. Ежи Ключовский опубликовал монографию «Польские доминиканцы в Силезии в XIII—XIV вв.» (1956), статьи об общественной роли цистерцианцев, о террито-

риальном расширении г. Хелма и по вопросам средневековой культуры. Возглавляемый им Институт исторической географии костела в Польше изучает вопросы размещения костелов в Южной Польше с X по XVIII в. Доц. Зыгмунт Суловский изучает историю прибалтийских славян в X—XII в. и историческую географию Польши этого периода. Им опубликована работа «Древнейшая западная граница Польши» («Шпеглэнд заходни», 1952), несколько статей о документе «*Dagome iudex*» и картографии западных границ Польши до разделов («Рочники гисторичне»), о говорах прибалтийских славян, их политической организации и миграции на запад; в последнее время он готовит работу по истории велетов-лютичей. Из региональных его исследований следует отметить работы о Люблинщине времен племенного строя, ее демографии с XVI до конца XIX в. Кроме того, он руководит изучением размещения приходов на Люблинщине.

Исследованием организации сети церковных приходов занимаются также д-р Станислав Литак, д-р Францишек Стопняк, кс. д-р Болеслав Кумор, Станислав Иоп; истории городов периода средневековья посвятили свои работы Веслав Мюллер (возникновение Люблина), Адам Хрущевский (торговля хлебом Казимежа Дольного в XVI в.), Станислав Лазар (территориальное расширение Сандомира). Д-р Людомир Беньковский изучает историю хелмской епархии и социально-экономические проблемы Люблинщины, в особенности Хелмской земли («Изменение в аграрной структуре деревни с XVIII в. до середины XIX в.», 1959 г.), возникновение городов в Хелмской и Белской землях. Д-р Мажена Полякувна опубликовала работу «Колонизация Вармии во времена крестоносцев» (1953), сейчас изучает вопросы колонизации Подлясья и Люблинщины. Проф. А. Коссовский (скончался в 1965 г.) интересовался XVII в., особенно историей польских иноверцев, — «Материалы по истории Любенецких в Люблинском воеводстве в 1648—1660 гг.» («Одродзене и реформация в Польсце», V), «Люблинские архивы по истории церковной унии в Польше» («Архива, библиотеки и музея костельне»). Проф. Анджей Войтковский исследовал проблемы истории Великой Польши, Силезии и Поморья периода Веспы народов, формирование польской буржуазной нации в Силезии, деятельность в Поморье и Мазовии Кшиштофа Мронговиуша и Густава Гизевуша, а также Августа Чешковского, готовит библиографию работ о Люблинщине. Д-р Чеслав Блох занимается военной проблематикой восстания 1830—1831 гг. (работы о В. Хшановском, И. Прондзыньском).

Д-р Рышард Бендер опубликовал ра-

боты о манифестационном движении и революционной деятельности различных социальных групп населения Люблинщины: «Городские рады в Люблинской губернии в 1861—1863 гг.» («Часописмо правно-гисторичне», XIV), «Городское население Люблинской губернии в предвостанческом движении 1861—1862 гг.» (1961). В последующие годы он перешел к изучению вопроса очиншевания крестьян в майорате Замойских в первой половине XIX в. Научные интересы кс. проф. Мечислава Живчиньского очень широки как с хронологической точки зрения, так и по тематике: история костела, период Весны народов в Европе, деятельность Сальвиана (1848), историография по истории папства, работа «Костел и французская революция» (1951), деятельность Меттерниха («Меттерних в свете новой историографии», — «Квартальник гисторичны», 1961), «Der Posener Kirchenstreit in den Jahren 1837—1840 und die „Kölner wirren“», — «Acta Polonica», 2), вопросы методологии истории. Особого внимания заслуживает его работа «Всеобщая история 1789—1870 гг.», являющаяся результатом многолетних исследований и подготовки университетских курсов. Кс. проф. Мариан Рехович изучает историю уни.

Научные сотрудники Воеводского государственного архива в Люблине разрабатывают тематику, связанную главным образом со вспомогательными науками — архивоведением и источниковедением, и в меньшей степени занимаются собственно историческими исследованиями. В области архивоведения Т. Менцелем подготовлена работа по истории Архива древних актов в Люблине в 1827—1887 гг., а сотрудники архива выпустили информационный бюллетень об имеющихся в архиве материалах. Готовится путеводитель по архиву. Большую помощь исследователям оказывают источниковедческие работы по истории Люблина, Хелмской земли (д-р Мария Станкова), Луковской земли (Юлия Годлевская), Пулавского повета (Стефан Яницкий, Станислава Паулова), по истории восстания 1863 г. (Юзеф Томчик), революции 1905—1907 гг. (М. Станкова) и ряд других информационных материалов, подготовленных комплексно в связи с организацией региональных сессий, годовщинами исторических событий или проведением специальных конференций. М. Станкова изучает вопрос об административном делении и организации судебных учреждений в Речи Посполитой. Из наиболее интересных ее работ можно назвать исследование о переставших существовать уже в XVI в. Куровском, Грубешковском и Ужешковском поветах. Среди опубликованных статей Ю. Томчика можно назвать «Восстание 1863—1864 гг. в Луковском повете» (1958), «Люблин

в период восстания 1863 г.» («Рочник любельски», IV) и «Организация восстания 1863 г. в Подлясье и Люблинском воеводстве» (в печати). Данута Вуйчик подготовила издание «Люстрация Люблинского воеводства в 1789 г.».

Д-р Збигнев Гуральский написал работу о больницах и опеке над инвалидами на Люблинщине, а также о торговых путях во второй половине XVIII в. Последние его работы касаются политики Австрии по отношению к Польше в период третьего раздела. Научные сотрудники Музея в Майданеке Эдвард Дзялош, Эдвард Грин, Зофья Лещиньская, Францишка Марчак, Юзеф Маршалек, Зофья Муравская и Анна Висневская изучают историю концентрационного лагеря в Майданеке. В отделе истории Воеводского комитета ПОРП ведутся исследования по истории движения Сопротивления во время последней войны и проблемам первых лет Народной Польши.

Историческими исследованиями занимаются также историки и любители старины, мало связанные с университетским центром. Генрик Гаварецкий занимается историей архитектурных памятников и проблемами урбанистики. Совместно с Чеславом Гавдзиком он подготовил альбом, посвященный истории развития Люблина и его памятникам (1959, 1964). Ежи Маркевич (Билгорай) изучает период оккупации и движения Сопротивления: «Коллективная ответственность польского населения Билгорайского повета во время гитлеровской оккупации». — «Найновше дзее Польски», I, 1957; «Папоротники зацвели кровью партизан» (1961); публикация документов «Крестьянские батальоны на защите Замойщины» (1957).

Зыгмунт Клюковский (Щебжежин) изучал акции по истреблению польского и еврейского населения Замойщины. Во время войны он собирал польские и немецкие документы, фотографии, донесения участников движения Сопротивления, которые в 1945—1947 гг. были опубликованы в издании «Материалы по истории Замойщины в 1939—1944 гг.» (4 тома).

Региональной тематикой, главным образом вопросами истории медицины в Замостье и Томашове, занимался Януш Петер (Томашов Любельский). Михаил Пенкальский изучал историю Ужешковского и Билгорайского поветов, а Станислав Ярмул — Радзинского повета. Живейший интерес к прошлому проявляют лица, группирующиеся вокруг Объединения любителей истории Любартовской земли, силами которого издаются несколько бюллетеней и сборник «Любаргув и Любартовская земля» (1964). Аналогичную работу ведет объединение того же типа в Грубешове, а объединение в Пулавах провело региональную сессию и издало ее материалы.

В последние годы удалось осветить многие проблемы истории Люблинщины. Археологи обнаружили много культурных наслоений древнего периода. Наиболее обширный материал содержится в работе Стефана Носка «Материалы для изучения древней и раннесредневековой истории междуречья Вислы и Буга» («Анналы», VI, 1957). Последующие раскопки, проводимые сотрудниками кафедры археологии УМКС доц. Александром Гардавским, д-ром Яном Гурбой, д-ром Яном Ковальчиком, Мартой Млынарской, Станиславой Хочик и Зыгмунтом Слюсарским, дали много новых открытий, из которых наиболее интересным является незаконченное еще исследование о городе в Ходлке (Опольский повят VI—VIII вв.). Историки использовали археологические материалы для определения древнейших торговых путей, колонизации периода раннего средневековья, изучения истории возникновения городов Люблина, Хелма, Ужэндова, Красника и др. Продвинулось вперед также изучение истории Люблинщины в XIV—XVI вв., в особенности организации торговли и ремесел, земского судоустройства, церковной организации и колонизации. Исследовались изменения в экономике деревни, жизни городов, политические проблемы и вопросы реформации в XVII в. Опись деревень этого периода подготавливают К. Мыслиньский и Г. Циц. Имеются также работы по истории деревень и городов в XVIII в. Публикацию *lauda* XVIII в. готовят Ю. Мазуркевич и Т. Менцель.

Проблематика XIX в. рассматривается главным образом в связи с изучением развития городского строительства, социальной структуры и органов управления. В последние годы начато изучение восстания 1830—1831 гг., деятельности П. Сцегенного и восстания 1863 г. Было подготовлено много новых работ, освещающих проблемы революционного движения в городах и деревнях Люблинщины и его связи с движением в других революционных центрах Царства Польского во время революции 1905—1907 гг.

Период образования Польского государства и его независимого существования в 1917—1939 гг. изучен фрагментарно, лишь с точки зрения развития рабочего движения и левого крыла крестьянского движения. Опубликовано несколько интересных мемуаров: С. Номберг-Пштык, К. А. Яворского, К. Бельского и В. Гравлевского. Более интенсивно ведется изучение периода оккупации в 1939—1944 гг. Интересна серия документальных материалов по истории движения Сопротивления на Люблинщине. Вышли в свет воспоминания участников движения Сопротивления: А. Болковьяка, В. Чижевского, Э. Грончевского, З. Якубика, М. Руницкого, М. Мочара,

К. Моджевской, особенно ценен дневник З. Клюковского. Опубликованы работы по истории концентрационных лагерей, особенно Майданека, воспоминания бывших заключенных М. Гриты, Т. Гарчлиньского, Ф. Сейвы, Т. Чайки, Л. Христианса. Период освобождения и первых лет Народной Польши нашел освещение в упомянутых уже исследованиях и публикациях материалов. В 1964 г. УМКС издал «164 дня люблинской Польши». Демографические исследования Люблина и Люблинщины охватывают период с XVI в. до наших дней. Намечается публикация материалов о населении Люблинщины с 1582 по 1900 г. Силами люблинских историков и Еврейского исторического института в Варшаве развернуто изучение истории еврейского населения в прошлые века и в период гитлеровской оккупации. Освещена история школьного дела, особенно в XIX в. Историки Католического университета изучают историю католической церкви. История Люблинщины стала также предметом исследований историков из иных центров — Варшавы, Лодзи, Кракова, Вроцлава. Для изучения древней истории существенное значение имеют издания документов ревизии Подляского воеводства в 1570 и 1576 гг. и Люблинского воеводства в 1565 и 1661 гг. и палогового реестра 1626 г.

Краткий обзор исследований и публикаций историков наглядно свидетельствует о большой работе Люблинского исторического центра прежде всего в области региональной истории. Региональным исследованиям благоприятствовала и благоприятствует живая заинтересованность историей Люблинщины, особенно в годы празднования тысячелетия Польского государства (1960—1966). Постепенно, по мере накопления таких исследований, по мере организационного развития кафедр, роста кадров и уровня исследовательской работы область научных интересов стала расширяться. Исторические кафедры УМКС в последние годы стали разрабатывать общепольскую тематику и изучать всеобщую историю. Большую роль в этом сыграла система научного планирования и отчетности, позволяющая осуществлять постоянный контроль за научными начинаниями и результатами труда кафедр. Важное значение имело увеличение числа научных поездок сотрудников УМКС за границу — в СССР, ГДР, Румынию, Венгрию, Англию, Францию и Италию, которые позволили начать разработку тем по всеобщей истории. Установлены научные контакты с университетами во Львове (СССР), Яссах (Румыния), Дебрецене (Венгрия), Берлине и Лейпциге (ГДР).

Люблинские историки принимали и принимают активное участие в научной жизни страны. Они публикуют свои работы почти во всех польских научных

журналах, а кроме того, в советских, немецких, румынских и английских изданиях. Они участвуют в съездах польских историков, в работах Ученого совета Института истории ПАН, Сектора истории просвещения и воспитания, Комитета исторических наук и его комиссий.

Существенную роль в деятельности Люблинского центра играет Люблинское отделение Польского исторического общества, которое организует совместные работы, региональные сессии, занимается популяризацией истории района, а также осуществляет издание Люблинского ежегодника. Характерной чертой деятельности отделения является тесное сотрудничество с общественными организациями. Люблинские историки организационно связаны с деятельностью Общества по распространению научных знаний, Общества польско-советской дружбы, Института истории при ЦК ПОРП,

Исторической комиссии при Воеводском комитете Объединенной крестьянской партии, Научного совета по изданию материалов о Майданеке, Воеводской комиссии по организации празднования тысячелетия Польского государства и многих других местных учреждений. Люблинские историки постепенно распространяют тематику своих исследований на изучение пограничных с Люблинским районов, расширяется исследование общепольских проблем, делается упор на изучение новейшей истории; созданы первые обобщающие работы, правильно строится исследовательская работа на кафедре всеобщей истории. Эти перемены характеризуют путь развития и формирования сравнительно молодого исторического центра в Люблине — его участие в общем развитии исторической науки в стране и тесную связь с собственным районом.

Тадеуш Менцель

ИЗУЧЕНИЕ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУР В ЧЕШСКИХ НАУЧНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Нынешнее чешское литературоведение сосредоточивает силы значительного числа сотрудников институтов Чехословацкой академии наук и кафедр вузов (это прежде всего касается Института чешской литературы ЧСАН, Института языков и литератур ЧСАН, философских факультетов Карлова университета в Праге и частично университета им. Я. Е. Пуркине в Брно) на подготовке коллективных обобщающих трудов, которые должны дать цельное представление об истории отдельных славянских литератур. В этом смысле показательна работа над пятитомной историей чешской литературы: за период с 1959 г. вышли три тома, охватывающие развитие нашей словесности с древнейших времен до конца XIX столетия¹. Скоро появится IV том, который будет посвящен развитию литературы XX столетия (до 1945 г.); продолжается работа над заключительным томом издания, посвященным новейшей чешской литературе.

Проф. Карел Крейчи написал ценное исследование об истории польской литературы («Dějiny polské literatury», Прага, 1953). Обзорные очерки сербо-лужицкой литературы созданы на два года позже проф. Антонином Фринтой («Lužičtí Srbové a jejich písemnictví», Прага, 1955). Что же касается истории других славянских литератур, то интенсивная подготовка к их написанию началась приблизительно в 1960 г. (исключение составля-

ет словацкая литература, исследованием которой занята Словацкая академия наук, и белорусская — у нас в этой области до сих пор еще нет достаточного количества квалифицированных специалистов). Создано четыре коллектива научных сотрудников под общим руководством члена-корреспондента ЧСАН проф. Юлуса Доланского. Первый коллектив (руководитель доц. Зденек Матгаузер) подготавливает двухтомную историю русской литературы; второй, во главе которого стоит канд. филол. наук Зинаида Генык-Березовская, работает над томом, посвященным украинской литературе; третий, непосредственно возглавляемый проф. Ю. Доланским, подготавливает двухтомную историю югославских литератур (словенской, сербской, хорватской и македонской); четвертый — работает под руководством доц. Зденека Урбана над созданием истории болгарской литературы. Завершенные тома должны быть сданы в печать в 1966—1969 гг. Работа над историями отдельных славянских литератур продвигается довольно успешно и будет, вероятно, закончена в срок. Кроме этого, русисты анонсируют также вузовский учебник русской литературы в трех частях, который создается на философском факультете Карлова университета в Праге.

Можно говорить о сравнительно равноценной профессиональной подготовке большинства ученых — членов этих коллективов, о том, что их методологические позиции более или менее близки, но это еще не значит, что научный уровень их исследований будет одинаков: здесь, безусловно, будут играть немаловажную роль результаты предварительных дискуссий по главным проблемам той или

¹ См. рец. И. М. Порочкиной в сб. «Литература славянских народов», вып. 8, М., 1963, стр. 241—244; С. В. Никольского, А. П. Соловьевой, Л. С. Кипкина в журн. «Советское славяноведение», М., 1965, № 2, стр. 87—94.

иной литературы. В этом смысле наиболее «выгодное» положение после чешской литературы занимает русская советская литература, где наши авторы могут опереться на результаты дискуссий об интересном и содержательном очерке развития советской литературы, вышедшем из-под пера проф. Мирослава Дрозды («Ruská sovětská literatura», Прага, 1961)². Следует также сказать о материалах, собранных при подготовке чешского издания «Истории русской советской литературы» (т. I—III), выпущенной Институтом мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР в 1958—1961 гг. Эта работа в самое ближайшее время выйдет у нас с обширными комментариями М. Дрозды, полной библиографией чешских книжных переводов советской литературы и библиографической сводкой чешских и переводных публикаций по данной теме. Немалое значение имеют также и некоторые другие ценные коллективные труды. К ним прежде всего относится трехтомное исследование, посвященное проблемам новейшей советской литературы «Současná sovětská literatura» (I том, 1963, под ред. проф. Мирослава Дрозды посвящен современной русской прозе; II том, 1964, под ред. доц. Зденека Матгаузера освещает вопросы современной русской поэзии; канд. филол. наук Зинаидой Генык-Березовской и Вацлавом Жидличким подготавливается III том, в котором будет говориться о новой украинской и белорусской литературе), обширный словарь советских писателей, содержащий около 1600 статей («Slovník spisovatelů národů SSSR» выйдет в ближайшее время под ред. проф. Мирослава Дрозды, Иржи Бечки, канд. филол. наук Милана Грали и Вацлава Жидличкого), а также уже законченный очерк «Ruská literatura XIX. století» (авторы Иржи Гонзик и проф. Радегаст Паролек).

Одной из важнейших проблем, которую необходимо решить нашим историкам славянских литератур, является, без сомнения, проблема сравнительного метода. Почти все чешские литературоведы пришли к точке зрения, что «дальнейшее изучение отдельных национальных литератур, так же как и истории всемирной литературы, немыслимо (выделено мной.— З. У.) без глубокого изучения взаимных связей между литературами — роли этих связей в развитии современной литературы и значения их в истории мировой культуры»³. К сожалению, вред, который был нанесен

невниманием к этим вопросам в прошлом, весьма чувствителен и сегодня. Нужно признать, что это отрицательно сказалось на уже вышедших томах «Истории чешской литературы». К сожалению, в создании истории других славянских литератур также не будет возможности в полной мере применить сравнительный аспект.

Поэтому совершенно естествен тот интерес, который возбудила новая обширная монография проф. Карела Крейчи о героико-комическом в поэзии славянских народов («Heroikomika v básnictví Slovanů», Прага, 1964). В этой монографии автор пытается в сравнительном плане рассмотреть проблематику развития славянских литератур, а также сопоставить исследуемые явления с общим ходом мирового литературного процесса. Аналогичный характер имеют и работы нескольких молодых ученых, например, статья канд. филол. наук Славомира Вольмана «Система жанров как проблема сравнительно-исторического литературоведения» (См. «Проблемы современной филологии», М., 1965, стр. 341—349). Сопоставительный аспект широко применен и в книге доц. Зденека Матгаузера («Umění poezie», Прага, 1964), посвященной развитию творчества Владимира Маяковского. Из новых исследований о взаимоотношениях между чешской литературой и отдельными литературами славянских народов, кроме ряда богатых фактами работ проф. Юлиуса Доланского — «Шевченко и чешская поэзия его времени» («Шевченко и мировая культура», М., 1964, стр. 228—239), «Иван Мажуранич и чешка литература» (написано для загребской конференции, посвященной творчеству Мажуранича) и других, нужно отметить прежде всего работы, помещенные в недавно вышедшем совместном сборнике ЧСАН и АН СССР («Československo-sovětské literární vztahy v období meziválečném», Прага, 1965⁴), книгу проф. Радегаста Паролека о роли русской литературы в развитии творчества Вилема Мрштика («Vilém Mrštík a ruská literatura», Прага, 1964) и монографию доц. Иржи Франека о выдающемся переводчике и литературоведе Богумиле Матезиусе («Bohumil Mathešius», Прага, 1963). Отдельные страницы чехословацко-южнославянских литературных связей освещают литературоведческие статьи в сборниках «Slavica Pragensia» (вып. VI, Прага, 1964 — посвящен 100-й годовщине со дня смерти Вука Стефановича Караджича) и «Československo-bulharské vztahy v zrcadle stáletí» (Прага, 1963).

² См. рец.: В. К о в а л е в. Серьезный труд по истории русской советской литературы. — «Русская литература», 1962, № 1, стр. 246—251.

³ «Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур». Материалы дискуссии. М., 1961, стр. 3.

⁴ Советское издание этого сборника вышло уже в 1964 г. под заглавием «Чехословацко-советские литературные связи», М., 1964.

Чешской прозе XIX в. посвящен интересный сборник статей «Realismus a modernost», вышедший под редакцией канд. филол. наук Владимира Форста (Прага, 1965).

Одной из малоисследованных проблем литературоведения — истории чешской литературной критики — посвящен сборник дискуссионных материалов, изданный философским факультетом Оломоуцкого университета им. Фр. Палацкого («Václavkova Olomouc. O Marxistické kritice let třicátých», Острава, 1964), а также обширный сборник под редакцией проф. Ф. Бурианека «Z dějin české literární kritiky» (Прага, 1965), раскрывающий в специальных главах проблематику нашей литературной критики от Йозефа Красослава Хмеленского до Ф. К. Шальды, А. М. Пиши, Б. Вацлавка и Ю. Фучика; вопрос изучения чешской литературной критики будет сейчас в центре внимания и в других работах. Большое внимание уделяют наши литературоведы изучению современной литературы, прежде всего некоторых тенденций развития современной чешской поэзии (в частности, статистические исследования поэтических текстов). Внимание литературоведов привлекает и анализ художественной структуры наиболее значительных произведений межвоенной прозы. Кроме того, начинается работа над синтетической историей чешско-словацких литературных связей.

Интересную задачу поставил перед собой коллектив авторов, работающих над двухтомным словарем истории нашей литературы XIX и XX вв., который будет продолжением книги «Slovník českých spisovatelů» (Прага, 1964). Составляется также ретроспективная библиография

чешской литературы и литературоведения (до сих пор было зарегистрировано 1 045 000 названий). Будет продолжаться издание монографий научно-популярного характера. Из уже вышедших следует особо отметить книгу канд. филол. наук Моймира Отрубы об авторе «Бабушки» («Vožena Němcová», Прага, 1962; второе издание вышло в 1964 г.). Из чешских славистических периодических изданий, кроме журнала «Česká literatura» (выходит с 1953 г.), необходимо назвать кварталник «Slavia» (выходит с 1922 г.) и «Československá rusistika» (выходит с 1956 г.). Проблемам литературоведения уделяют внимание также регулярно выходящие ежегодники «Slavica Pragensia» (выходит с 1959 г.) и ориентированный на русистику «Bulletin Ústavu ruského jazyka a literatury» (выходит с 1956 г.).

В заключение сошлемся на две статьи, которые вышли из печати в связи с 20-й годовщиной освобождения Чехословакии. В них читатель найдет более подробное рассмотрение вопросов, на которых мы специально не останавливались. Мы имеем в виду важную дискуссионную статью проф. Феликса Водички о методологическом развитии нашего литературоведения после второй мировой войны и о его сегодняшнем положении («Dvě etapy v naší literární vědě» — «Česká literatura», Прага, 1965, № 3, стр. 189—197), а также библиографический обзор наиболее значительных трудов по истории чешской литературы за период с 1945 по 1964 г., который составил доц. Владимир Штепанек («Studium dějin české literatury od roku 1945» — «Slavica Pragensia», Прага, 1965, стр. 135—144).

Зденек Урбан

ПРОДОЛЖЕНИЕ СТАРЫХ, НО ХОРОШИХ ТРАДИЦИЙ

На филологическом факультете Карлова университета возобновлены лекции и семинары по сравнительному изучению славянских литератур. Объединенными усилиями преподавателей кафедры славистики и русистики при помощи работников Института языков и литературы АН СССР в Праге в 1964/65 учебном году удалось осуществить интересный двухсеместровый цикл «Введение в сопоставительный курс славянских литератур».

В первом семестре проф. К. Крейчи прочитал краткий очерк истории компаративистики в славянских и западных странах (5 лекций), касаясь главным образом теорий мифологической, миграционной и историко-сравнительной школы позитивистского толка. С докладом о задачах структурного и сравнительно-типологического изучения славянских литератур выступил Р. Паролек. О принципах сравнительной славянской фольклористики докладывал проф. Г. Гора-

лек. Проф. Б. Илеком была прочитана лекция о проблемах сравнительного славянского стихосложения.

Во втором семестре (1965) курс открылся двумя лекциями проф. Ю. Доланского. В первой говорилось об отношениях славянских и неславянских литератур с древнейших пор до конца XVIII — начала XIX в. Во второй — лектор пытался дать ответ на вопрос об общих чертах славянских литератур и их историческом единстве. Д-р С. Вольман поставил вопрос о методологии изучения славянских литератур по жанрам и иллюстрировал свои тезисы, сопоставляя развитие южнославянской драмы с историей драматургии в других славянских странах. Жанровый принцип изучения был положен и в основу доклада проф. К. Крейчи о героикокомической поэме в славянских литературах, а также в докладе доц. О. Бартоша о польской сатире XX в. в сопоставлении с разви-

тием сатиры в современных славянских литературах. Трудностей сопоставительного изучения южнославянских литератур коснулся доц. Зд. Урбан.

Курс продолжается и в нынешнем учебном году. Главная задача текущего семестра (февраль — май 1966 г.) — дальнейшая типологизация славянских литератур. В программе его — доклады видных пражских славистов об особенностях отдельных славянских литератур в сопоставлении с остальными (прежде всего с чешской, так как лекции предназначены для чешских слушателей). Планируется издание учебного пособия «Введение в сравнительное славянское литературоведение», в основу которого будут положены лекции, прочитанные в курсе, конечно, переработанные и дополненные с учетом результатов дискуссии.

Кое-кто из специалистов-литературоведов опасается повторения ошибок старой позитивистской компаративистики с ее упрощенным «культом» всяческих влияний. Эти справедливые опасения высказал, например, акад. Я. Мукаржовский.

Однако большинство энтузиастов сопоставительной славистики не думает возвращаться к пресловутой позитивистской «*vlivologii*». Для них важны завоевания марксистской методологии, характерно также внимание к структурной поэтике. Преобладает интерес к типологическим сопоставлениям, к советским работам этого направления (В. М. Жирмунского, Н. И. Конрада, Р. М. Самарина и др.).

Мы убеждены, что возобновление прекрасных историко-сравнительных традиций пражской литературоведческой славистики имеет хорошие перспективы и для освещения связей наших братских литератур. Об этом свидетельствует, между прочим, «Сборник в честь 60-летия проф. Ю. Доланского» (Бюллетень Института русского языка и литературы, № VII, изд. Карлова университета, Прага, 1963). Чешские слависты стремятся не к повторению того, что было, а к поискам новых методологических решений, используя все лучшее и передовое, накопленное в этой области учеными братских славянских стран и Советского Союза.

Р. П.

НОВЫЙ СЛАВИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

С 1966 г. Институт мировой литературы и языков Словацкой академии наук в Братиславе начнет издавать журнал «*Slavica Slovaca*».

В центре внимания журнала будут находиться прежде всего теоретические проблемы литературоведения и языкознания, главным образом вопросы сравнительного изучения литературы и языков, освещения словацко- и славяно-инонациональных литературных и языковых отношений и связей. Журнал предполагает регулярно публиковать материалы по проблематике литературоведческой и лингвистической славистики в широком смысле этого слова. Кроме

того, журнал будет следить за развитием литературоведческой и лингвистической мысли в отдельных славянских и неславянских странах, публиковать рецензии и сообщения о новейших славистических работах в Словакии и за границей.

Новый журнал будет выходить четыре раза в год, попеременно лингвистический и литературоведческий номера. Статьи намечается печатать на славянских и неславянских языках.

Адрес редакционной коллегии: Ústav svetovoj literatúry a jazykov Slovenskej Akadémie vied. Bratislava, Vajanského nábr. 2. Telefon: 313-95.

НИКОЛАЙ КАЛЛИНИКОВИЧ ГУДЗИЙ

Скончался профессор Н. К. Гудзий. От нас ушел крупный ученый, замечательный филолог, человек большой души.

Он оставил после себя книги, хорошо известные всем, кто специально занимается литературой. Это — исследования о творчестве Толстого, неоднократно издававшийся монументальный учебник по древнерусской литературе... А также многие другие книги и статьи — их в целом более трехсот. В круг творческих интересов ученого входили проблемы национального своеобразия русской литературы и ее связей с братскими славянскими литературами, проблемы текстологии и атрибуции, историко-культурного значения литературных памятников и их художественного своеобразия. Н. К. Гудзию удавалось просто и хорошо писать о сложном и противоречивом, о таких титанах родного слова, как протопоп Аввакум, Пушкин, Лев Толстой. Историк литературы, Н. К. Гудзий был и историком ее изучения, воскрешавшим забытые имена крупных филологов прошлого, и талантливым педагогом.

Исследованьем русско-украинских литературных связей (украинские списки древнерусских произведений, переписка Шевченко с С. Т. Аксаковым и многое другое) не исчерпывается причастность Н. К. Гудзия к проблемам межславянских отношений. Ученый плодотворно исследовал русско-польские связи в древней литературе и литературе нового времени. Еще в 1917 г. вышла книга Н. К. Гудзия «Переводы „Żywotów świętych“ Петра Скарги в Юго-Западной Руси». Автор работал над этой книгой в 1910 г., будучи студентом Киевского университета. В 1919 г. появляется статья Н. К. Гудзия «И. И. Козлов — переводчик Мицкевича» в Известиях Таврической ученой архивной комиссии. Интерес

к Мицкевичу и к освоению его поэтического наследия в русской и украинской литературах не покидает ученого и в последующие годы.

Николай Каллиникович принимал активное участие в работе международных съездов славистов в Москве и Софии. Он выступил с докладами: «Литература Киевской Руси и древнейшие инославянские литературы» (1958, Москва) и «Традиции литературы Киевской Руси в старых украинской и белорусской литературах» (1963, София).

Н. К. Гудзий много способствовал развитию интереса зарубежных славян к творчеству Толстого. Книжки и статьи ученого, посвященные Толстому, переводились на славянские языки: чешский, польский, словацкий.

В последние годы жизни Н. К. Гудзий интересовался общими проблемами славянской филологии. Его волновали вопросы, имеющие большое методологическое значение: можно ли изучать историю древних славянских литератур как некое единство? В каком смысле допустимо говорить о европеизации новой русской литературы, зная о том, что древнерусская литература была связана со славянскими, то есть европейскими? Увлечение этими вопросами не подкачивало исследователю скоропалительных гипотез и поспешных выводов. Хотелось ждать от Н. К. Гудзия углубленного, основательного изучения этих интересных и важных проблем... Но жизнь ученого оборвалась, и многие замыслы остались неосуществленными.

А то, что сделано Николаем Каллиниковичем, уже прочно вошло в науку. Память о замечательном ученом и человеке навсегда сохранится в наших сердцах.

А. А. Илюшин

The event of historic importance I
M. N. Kuzmin. The raising of the educational level of the masses in the process of socialist construction in Czechoslovakia. *V. A. Dyakov.* The revolutionary movement in the Russian army and the Polish liberation movement of 1856—1865. *M. A. Alpatov.* The conception of history in Juri Križanič. *T. V. Tsvivan.* On the possibility of the application of areal-typological methods for the study of the Balkan linguistic union (Towards the creation of the linguistic atlas of the Balkan linguistic union). 45

COMMUNICATIONS

N. F. Kopystyanskaya, V. L. Gochovsky. The story of the creation of Ivan Olbracht's first book on Transcarpatia «The land without name». *J. I. Smirnov.* Traces of epic poetry in Bukovyna. 63

BIBLIOGRAPHY

Reviews and review-articles

M. Kopasheva. Czechoslovak historic literature in 1965 on the antifascist Resistance movement of the Czechoslovak peoples. *G. K. Venediktov.* The survey of the work of the sector of Slavic languages in the Institute of Slavic Studies of the Academy of Sciences of the USSR (1963—1965). *P. Kalenichenko.* The Internationalists in the struggle for the Soviet power. *K. L. Strukova.* Хр. Христов. Аграрните отношения в Македония през XIX в. и началото на XX в. *L. Razumovskaya.* Jan Małeckci. Studia nad rynkiem regionalnym Krakowa w XVI wieku. *L. S. Kishkin.* A new scientific serial publication. *I. N. Losinski.* On the road from journalistic information to analytical study. *S. B. Bernshtein.* «Philological studies» in honour of Acad. W. Doroszewski. 90

Book notes

N. A. Shlenova. «Dějiny KSČ». *M. A. Birman.* A useful book on the history of labour movement in Serbia. *I. Senkevich.* The Greek liberation movement and Slavic peoples at the end of the XVIII — the beginning of the XIX century. *L. Titova.* Books on prominent figures of the modern Czech theatre. 96

Bibliography

Books on the present state, history, culture and languages of the foreign Slavic peoples published in the Soviet Union in 1965. The principal articles and materials on the present state, history, culture and languages of the foreign Slavic peoples published in the Soviet periodicals in 1965 (continued). The contents of foreign periodicals. 104

SCIENTIFIC LIFE

P. N. Iretyakov. The congress of archaeologists-Slavists in Warsaw. *J. P. Goltzeker.* Slavistics in the Navoi State University of Samarkand. 112
P. Doronina. Prof. R. Lalić's lecture 113

Scientific life abroad

Tadeusz Mencil (Poland). The Historiographic center in Lublin. *Zdeněk Urban* (CSSR). The study of Slavic literatures in Czech scientific institutions. *R. P.* (CSSR). The continuation of good old traditions. *A. New Slavist journal.* 125
A. A. Ilushin. [N. K. Gudzij] 127

В № 1 журнала «Советское славяноведение» на стр. 120 (правая колонка) была допущена опечатка:

Напечатано	Должно быть
Ю. Щербаков. Иностранцы интернационалисты в Татарии (1917—1920 гг.)	Ю. Щербаков. Иностранцы интернационалисты на Восточном фронте (1918 г.); Н. Субаев. Иностранцы интернационалисты в Татарии (1917—1920 гг.);

Адрес редакции: Москва, Г-69, Трубниковский пер., 30а, тел. Б-1-27-4С
 Технический редактор *Т. А. Михайлова*

Т-06233	Подписано к печати 16/IV 1966 г.	Тираж 1100 экз.	Зак. 23
Формат бумаги 70×108 ¹ / ₁₆	Печ. л. 11,55	Бум. л. 4 ¹ / ₈	Уч.-изд. листов 14,

Цена 1 руб.

Б. ДОРОГОМИЛОВСКАЯ
Д. 31 КВ. 186
ТОЛСТОМУ И. И.
3 1.12 С СРАВ

Индекс
70891